АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

109

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

109

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1967

Предлагаемый выпуск посвящен античным памятникам на территории Северного Причерноморья, исследованным раскопками советских археологов за последние годы. На новых материалах раскрывается роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья, освещаются торговые связи городов Северного Причерноморья с Грецией, впервые публикуются новые данные по эпиграфике Ольвии и городов Боспора.

В выпуске широко освещены раскопки, произведенные в 1963—1965 гг. около Евпатории, Керчи, Анапы, на Таманском полуостров в Одесской области и в других городах Северного Причерноморья, а также подводные археологические работы в районе Евпатории.

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), *К. Х. Кушнарева, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

И. Т. КРУГЛИКОВА

РОЛЬ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В РАННИЙ ПЕРИОД ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Расселение греков по берегам и островам Средиземноморского бассейна было вызвано различными экономическими, социальными и политическими причинами. Одной из этих причин, заставлявших греков покидать родные земли и переселяться в дальние страны, был быстрый рост населения и недостаток пригодных для возделывания земель. О занятиях жителей греческих городов метрополии земледелием в период, близкий ко времени основания колоний, свидетельствуют данные античных писателей. Судя по сообщению Фукидида, земледельцы продолжали жить на своих полях и после того, как легендарный афинский царь Тезей объединил вокруг Афин отдельные селения посредством синойкизма. Правда, Фукидид тут же подчеркивает, что такой образ жизни характерен для афинян больше, чем для других эллинов [1]. В VI в. до н. э. Пизистрат поощрял расселение земледельцев по всей стране и снабжал обедневших афинских граждан деньгами, чтоб они могли кормиться, занимаясь земледелием [2]. Количество земледельцев, постоянно живших в своих сельских усадьбах, было так велико, что когда во времяПелопоннесской войны Перикл приказал переселить в город женщин и детей, Афины не смогли вместить всех собравшихся, хотя были заселены пустыри, святилища, крепостные башни, длинные стены и даже большая часть Пирея [3]. От Фукидида мы узнаем, что греки-этолийцы жили в селениях, не защищенных стенами и отстоящих на большом расстоянии одно от другого [4]. Геродот описывает хору Милета, поля которого начинались сразу за городской стеной [5], а на них находились сельские усадьбы земледельцев, селившихся вне укреплений [6]. Участие земледельцев в общественной жизни Афин подтверждается и той большой ролью, которую они играли в комедиях Аристофана. При этом некоторые земледельцы, упоминаемые в комедиях, по-видимому, имели свои дома на территории города, другие приходили в город [7] из хуторов и деревень, расположенных на городской земле. О таких деревнях упоминает и Страбон [8]. Античный город являлся центром сельскохозяйственной территории — хоры. В нем были сосредоточены основные святилища, органы административного управления, суд. Под укрытие оборонительных стен античного

[1] Thucydides II, 14—16.
[2] Aristot., Polit., 16, 2—3.
[3] Thucydides II, 14, 17.
[4] Thucydides, III, 94.
[5] Herod., V, 92.
[6] Herod., I, 17.
[7] Aristoph., Pax, 550, 569; Acharn., 33, 267.
[8] Страбон, XIII, 1, 49; 1, 51; 4, 17 и др.

города во время войн уходили семьи земледельцев. Город и его сельская территория представляли единое целое. Сельские хозяева, будучи гражданами города, приходили туда на празднества и для исполнения своих гражданских обязанностей. Многие землевладельцы кроме усадеб на своих землях имели дома в городе и проводили там значительную часть времени. Наличие земледельцев среди первых греческих колонистов Сицилии подтверждается находкой там железных сельскохозяйственных орудий первой половины VI в. до н. э. среди вотивных приношений Деметре и Коре, закопанных в землю еще до того, как были сооружены постоянные святилища этим богиням. Железные лемехи, серпы, мотыги, орудия, найденные в Бетлеме и Вассаладжи [9], показывают, что греческие переселенцы привезли с собой на места новых поселений сельскохозяйственные орудия, которыми они пользовались на родине.

Появление греческих поселений на берегах Черного моря было частью длительного процесса «великой колонизации», охватившего весь Средиземноморский бассейн. Наиболее ранние греческие города в Северном Причерноморье основаны в VI в. до н. э., хотя отдельные находки позволяют говорить о наличии торговых связей с Грецией еще в VII в. до н. э. [10]

Вопрос о том, были ли первые греческие поселения на берегах Черного моря торговыми факториями [11], «рыболовными станциями» [12] или поселками земледельцев [13], в которых жили, кроме того, торговцы и ремесленники, не может еще считаться окончательно решенным. Раскопки последних лет на острове Березань, где обнаружены остатки наиболее раннего из греческих поселений Северного Причерноморья, дали основание В. В. Лапину [14] оспаривать принятую в нашей литературе оценку Березанского поселения как торговой фактории. В. В. Лапин считает, что экономика березанского поселения была основана на сельском хозяйстве и ремесле. Торговля же, хотя и была развита, не определяла характера поселения [15]. Рассматривая картину колонизации Северного Причерноморья, автор приходит к выводу об отсутствии эмпориального — предколонизационного периода [16] и приближается, таким образом, к мнению Газебрека, рассматривающего все греческие колонии как исключительно земледельческие.

Я. В. Доманский в недавно опубликованной статье [17] специально рассматривает вопрос о характере греческой колонизации Северного Причерноморья. Он подвергает резкой критике утверждения А. А. Иессена и других ученых о том, что «колонизация явилась выражением двустороннего исторического процесса», что «она была обусловлена всем предшествующим раз-

---

[9] P. Orlandini. Attrezzi de lavoro in ferro del periodo archaico e classico nella Sicilia greca. Economia e storia, 1965, t. 3. Milano, 1965.

[10] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье». М.— Л., 1953, стр. 48—50; Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации. ЗООИД, т. XXII, 1900, стр. 6 и сл.; Minns. Scythians and Greeks. Oxford, 1913, стр. 438; Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, вып. 104. М.— Л., 1934, стр. 107; А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 57.

[11] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского царства, стр. 52; А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 54; В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1953, стр. 15.

[12] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 36, 77, 78.

[13] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского царства, стр. 52, прим. 2; здесь рассматриваются различные точки зрения и в том числе Газебрека.

[14] В. В. Лапин. Экономическая характеристика Березанского поселения. Античный город. М., 1963, стр. 31—38; он же. Проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья. Л., 1963, стр. 7—9. Автореферат.

[15] В. В. Лапин. Экономическая характеристика..., стр. 38.

[16] В. В. Лапин. Проблемы греческой колонизации..., стр. 6.

[17] Я. В. Доманский. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья. Государственный) Эрмитаж. «Археологический сборник», № 7. М.— Л., 1965, стр. 116 и сл.

витием как самих греков, в первую очередь ионийцев, так и местного населения наших степей»[18]. Я. В. Доманский приходит к выводу, что не торговые интересы заставляли греков вывозить колонии, и пытается доказать, что причерноморские греческие города возникали как производственные центры, в которых было развито и ремесло и земледелие. Он правильно отделяет вопрос об эмпориях от вопроса об основании колоний. Отмечая большую роль сельского хозяйства в экономике городов в архаическое время, Я. В. Доманский не смог, однако, привести этому никаких доказательств, кроме распространенности в городах Боспора и в Ольвии культа Деметры, наличия в азиатской части Боспора города, называвшегося Κῆποι, т. е. Сады, а также существования клеров на Гераклейском полуострове[19].

Не имея возможности в этой краткой статье подробно останавливаться на аргументации сторонников различных точек зрения, мы позволим себе привлечь некоторые новые материалы, оставшиеся вне поля зрения как Я. В. Доманского, так и других исследователей, касавшихся вопроса об участии крестьян в колонизации и об их роли в жизни греческих городов Северного Причерноморья в ранний период их существования[20]. Эти материалы при сопоставлении с уже известными фактами дают возможность несколько уточнить и расширить наши знания в этой области. При раскопках одного из сельских поселений Боспора, расположенного в 2,6 км к югу от деревни Героевки и около 5 км от древнего Нимфея, обнаружен слой VI в. до н. э.[21] Здесь найдены архаические терракотовые фигурки богини, обломки ионийской посуды и амфор. Глубокий колодец из хорошо обработанных квадров, зерновые ямы — все это говорит о принадлежности поселения греческим переселенцам. Хотя на поселении и не найдено земледельческих орудий, в сельскохозяйственном профиле его экономики вряд ли можно сомневаться. Это прежде всего следует из топографии поселения. В отличие от соседнего Нимфея, оно не имеет гавани, расположено на ровном месте, на высоком обрывистом берегу высотой 15 м над уровнем моря. Вряд ли можно предположить, что жители этого поселка, основанного, по-видимому, одновременно с Нимфеем, были купцами или ремесленниками. Не было никакого основания устраивать два торговых или ремесленных центра на таком близком расстоянии. К тому же одно из них было лишено и гавани и естественного источника воды. Поселение же земледельцев на ровном поле поблизости от укрепленного города вполне закономерно. Аналогичная картина наблюдается на другом из ранних поселений, находившемся в 3-х км от древнего Киммерика, на восточном склоне горы Опук[22]. Здесь также обнаружено поселение, существовавшее с VI в. до н. э. Оно тоже расположено высоко над морем, хотя в некотором отдалении от его берега, в месте, где нет удобных гаваней. В одном из помещений поселения найден железный серп с деревянной рукояткой[23], подтверждающий земледельческий характер этого поселения. Среди находок на поселении имелись архаические терракоты, ионийская керамика и амфоры VI—V вв. до н. э.

Еще одно поселение, возникшее на рубеже VI и V вв. до н. э., открыто вдали от моря, к югу от Чурубашского озера, около 6 км к северо-западу от Нимфея[24]. Оно расположено на высоком ровном плато. Весь район, при-

[18] А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 89.

[19] Я. В. Доманский. Указ. соч., стр. 133—135.

[20] В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, стр. 18, 31; он же. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 46; К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 160; С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье». М.— Л., 1953, стр. 124.

[21] И. Т. Кругликова. Работа восточнокрымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 70. Раскопки этого поселения в 1963 г. не опубликованы.

[22] И. Т. Кругликова. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 238.

[23] Там же, стр. 244, рис. 19.

[24] Раскопки автора в 1963—1964 гг. не опубликованы.

мыкавший к поселению, сохранил следы межей в виде земляных валов и каменных стен. Скопления обломков остродонных амфор, выявляющиеся в виде пятен на свежевспаханных полях, заставляют предполагать здесь остатки отдельных сельских усадеб, существовавших в период с конца VI по III в. до н. э. Здесь открыты две каменные постройки, одна из которых своей планировкой напоминает длинный дом восточного киммерийского поселения[25]. Возможно, что владельцы однотипных домов на этих поселениях принадлежали к одному и тому же социальному слою.

Приведенные примеры поселений, относящихся к раннему периоду истории Боспора, показывают, что среди первых греческих поселенцев Боспора были земледельцы. Таким образом, колонисты, направлявшиеся в область Боспора Киммерийского, по своему социальному составу, по-видимому, не отличались от тех, кто, переселившись в Сицилию, посвятил богам-покровителям земледелия сельскохозяйственные орудия.

Тесная связь античного города с земледельческой округой наиболее отчетливо прослеживается в Херсонесе Таврическом. Благодаря особо сложившейся истории этой части Крымского полуострова там сохранились следы античного размежевания полей. Топографические планы, снятые в XVIII—XIX вв., зафиксировали еще видимые тогда на поверхности стены античных земельных участков — клеров. Археологические раскопки обнаружили, что клеры на Маячном полуострове существовали, возможно, уже на рубеже V и IV вв. до н. э.[26] Следовательно, древнейшее размежевание земли на хоре Херсонеса относилось еще к периоду жизни первого поколения колонистов — основателей города[27]. Ранние клеры имели, по-видимому, небольшие размеры (около 4—4,5 га[28]). Это говорит о том, что ими владели мелкие землевладельцы, о чем свидетельствуют скромные размеры и бедность их усадеб. Мы можем предполагать, таким образом, что и среди первых переселенцев в Херсонес было значительное число греков, заинтересованных в получении земли. Возможность заниматься земледелием — один из стимулов, привлекавших греческих колонистов и в Херсонес, и на Боспор, и в Сицилию. Интересно, что с помощью аэрофотосъемки на юге Италии также удалось открыть следы античного размежевания полей. Сеть параллельных дорог, разделявших участки, обнаружена вблизи древнегреческих городов — Метапонта и Гераклеи[29]. Из Гераклеи происходят две бронзовые таблички конца IV в. до н. э., сохранившие интересные данные о выделении земельных участков и о передаче в аренду земель, принадлежавших святилищам[30]. Судя по тому, что намечали участки и составляли документы некие ὁρισταί, выбранные из числа жителей Гераклеи, эти земли находились на ее сельской территории (хоре).

В конце IV — начале III в. до н. э. произошло новое размежевание земель херсонеситами на Гераклейском полуострове[31]. При этом было выделено около 450—470 средних и мелких земельных участков[32], дополнительно к уже возделывавшимся на Маячном полуострове. Мы видим, таким образом, что с ростом городского населения увеличивается и количество земельных участков, принадлежащих его гражданам. Тот же процесс наблюдается

---

[25] И. Т. Кругликова. Киммерик в свете археологических исследований, стр. 236, рис. 11.

[26] С. Р. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. «Херсонесский сборник», вып. VI. Симферополь, 1961, стр. 41.

[27] Основание Херсонеса относят к 422—421 гг. до н. э. (В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.— Л., 1955, стр. 67).

[28] С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 41.

[29] G. Schmidt, R. Chevallier. Caulonia e Metaponto. Firenze, 1959, стр. 23 и сл.

[30] Там же, стр. 37, прим. I.

[31] С. Д. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 52.

[32] Там же, стр. 53.

и на Боспоре. Если в ранний период существования здесь греческих городов обрабатываемая часть земли их хоры находилась не дальше 3—6 км от города, то в IV—III вв. до н. э. число сельских поселений и изолированных вилл неизмеримо возросло. Они располагались на значительно большей территории и были отдалены иногда на 8—10 км от ближайшего города. Аэрофотосъемка обнаружила и здесь отдельные участки, сохранившие следы ровно распланированных полей[33]. Наличие огороженных земельных участков, включавших поля и виноградники на землях Пантикапейской хоры, подтверждается раскопками. Один из таких участков находился вблизи дер. Октябрьское в 8 км к востоку от Пантикапея[34]. Его размеры около 4,5 га соответствуют величине клера рядового херсонесита на Маячном полуострове. Размеров усадьбы, к сожалению, установить не удалось. Несколько большего размера, по-видимому, был участок, открытый в 1964 г. вблизи дер. Андреевки. Большая сельская усадьба, обнаруженная там, еще полностью не раскопана[35]. Но вскрытая часть уже позволяет утверждать, что ее размеры превышали 800 м^2. Отсутствие богато отделанной господской половины говорит как будто в пользу того, что ее хозяин имел дом в городе, в усадьбе же жили управляющий и рабы.

Следы размежевания полей можно видеть в земляных валах, сохранившихся в районе Чурубашского озера[36], вблизи дер. Марьевки и Героевки, однако они еще требуют детального исследования.

Наибольшее количество открытых в Северном Причерноморье сельских поселений относится к IV—III вв. до н. э. Именно об этом периоде говорят основные письменные источники, сохранившие данные о размежеваниях полей, об устройстве сельскохозяйственной территории и об экспорте хлеба. К ним относятся: присяга граждан Херсонеса[37], надпись на постаменте статуи Агасикла[38], свидетельства Полиена об управляющих селами на Боспоре[39], Диодора — о размежевании Емвелом земли и выделении 1000 участков переселенцам из г. Каллатия[40], Демосфена — о вывозе из Боспора в Афины около 400 тыс. медимнов пшеницы, т. е. более 1 млн. пудов[41], декрет Митилены в честь Левкона[42] и ряд других. Этот период был временем расцвета сельскохозяйственных поселений в районе Ольвии[43], так же как в Херсонесе и на Боспоре. Все это бесспорно свидетельствует о том, что земледелие в этот период продолжало играть важную роль в экономике античных государств Северного Причерноморья.

Роль и характер земледелия на Боспоре серьезно изменяются в конце III—II вв. до н. э.[44] Внешне это находит выражение в исчезновении неукрепленных поселений, переселении их жителей на возвышенные места, где создаются укрепленные поселки, в уменьшении количества поселений

---

[33] Доклад К. В. Шишкина на заседании Ученого совета Ин-та археологии АН СССР 19 октября 1965 г.

[34] И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений Боспора. ВДИ, 1963, № 2, стр. 72.

[35] И. Т. Кругликова. Раскопки на Керченском полуострове. «Археологические открытия в 1965 г.», М., 1966, стр. 110 сл.

[36] В. Д. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4 стр. 317, рис. 16. Разведки автора в районе д. Марьевки и др. еще не опубликованы.

[37] IOSPE, I^2, № 401.

[38] IOSPE, I^2, № 418.

[39] Polyaen. Strategia, VI. 9, 3.

[40] Diodor, XX, 25.

[41] Demosphen, XX, 32.

[42] С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства, стр. 133, прим. 2.

[43] Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, № 50, 1956, стр. 225 и сл.; она же. Поселение у Закисовой балки. «Археологічні пам'тки УРСР», VII Київ, 1958, стр. 131 сл.: В. Д. Блаватский Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1959, стр. 53.

[44] И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений Боспора, стр. 74.

в глубинной территории и увеличении рыболовецких поселков по берегам моря. Хора боспорских городов меняет свой облик. Важные перемены происходят в жизни ольвийской сельскохозяйственной округи, бо́льшая часть сельских поселений которой прекращает свое существование во II в. до н. э. Значительно сокращается в это время количество земельных участков в Херсонесе[45], меняется соотношение сельскохозяйственных культур на обрабатываемых полях, происходит концентрация земельной собственности. Можно предположить, что в течение II—I вв. до н. э. роль земледелия в экономике античных государств Северного Причерноморья падает. Возрастает роль рыболовства и других промыслов, а также роль животноводства. Причины этого крылись в серьезных социально-экономических изменениях античных государств Причерноморья и в значительном изменении этнического состава их жителей.

---

[45] С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 133.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

И. Б. ЗЕЕСТ

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОГО АНТИЧНОГО КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Раскопки античных городов Северного Причерноморья направлены на решение ряда исторических проблем. Важное место среди них занимают исследования различных областей экономики античного города.

Раскрывая историческое содержание культурного слоя, Б. В. Фармаковский обратил особое внимание на необходимость использования массовых керамических находок как археологического источника для характеристики производства и торговли.

С тех пор исследование массового керамического материала получило широкое развитие в советской античной археологии. Многие группы керамических находок стали предметом специального изучения. Методика использования и фиксации этого раскопочного материала в процессе полевых исследований была наиболее подробно разработана коллективом Фанагорийских и Пантикапейских экспедиций, проводившихся под руководством В. Д. Блаватского.

Остатки керамических изделий в культурном слое античных городов чрезвычайно разнообразны, и многие из них требуют индивидуальных исследований. В связи с этим в настоящей работе не затрагиваются все керамические находки, а лишь та часть, которую условно можно назвать массовым керамическим материалом. В него включаются фрагменты предметов массового производства черепицы, керамической тары, стандартных выпусков чернолаковой, краснолаковой, простой посуды и пр.

Многочисленные обломки этих изделий, обнаруженные в слое, составляют особую категорию археологических находок, отличающуюся от других прежде всего тем, что они принадлежат к стандартной продукции. Поэтому в определении каждого обломка не имеют значения его индивидуальные признаки, размеры, принадлежность к той или иной части предмета и пр. Учитываются прежде всего его типологические признаки, позволяющие отнести данную находку к той или иной категории предметов. Это особое свойство массового керамического материала, благодаря которому каждая найденная часть предмета содержит в себе совокупность сведений о целой группе этих памятников.

Другая особенность массового материала заключается в возможности сравнения его количества в культурном слое, выяснения численного значения той или иной группы памятников среди остальных. На этом основан метод сравнительной статистики в археологии, который является необходимым и обязательным в исследовании и массового керамического материала.

Так, сравнение количества остатков керамической тары разных центров производства дает основание судить о направлении и интенсивности торговых связей, о состоянии внутренних рынков. Преобладание в слое остатков

местной керамики свидетельствует о развитии местного керамического ремесла, об упадке внешней торговли и т. д.

Эти две особенности — принадлежность к стандартной продукции и возможность количественного сравнения путем применения метода сравнительной статистики — существенно отличают массовый материал от большинства других групп археологических находок. Эта группа находок требует особых приемов изучения.

Однако значение археологического источника массовый керамический материал получит только при условии его систематизации и учета, начальным этапом изучения является его типологическая классификация. Вместе с тем следует указать, что эта группа археологического материала в полной мере находится в поле зрения археолога только во время раскопок. В музейные собрания поступает обычно незначительная часть находок, которые могут быть изучены в камеральных условиях.

Характеристика и определение массового материала в поле не представляет затруднения в тех условиях, когда можно применить метод аналогии — обычный метод в археологии. Но есть другой способ характеристики и определения, возможный только при условии большого количества находок и потому специфичный для изучения данной группы материала. Это метод реконструкции предмета на основании повторяющихся одинаковых признаков, сохраняющихся в многочисленных обломках стандартных предметов. Датировка такой группы определяется местонахождением в культурном слое.

В процессе раскопок Пантикапея, например, таким способом были выделены три группы амфор I в. до н. э.— I в. н. э.: синопская неклейменая, двуствольная светлоглиняная и амфоры «коричневой глины». Путем реконструкции нескольких видов черепицы — фронтальной (В. Ф. Гайдукевич и Н. П. Сорокина), трапециевидной (В. В. Веселов) и других — были выяснены детали устройства черепичной кровли домов Пантикапея и т. д.

При изучении массового керамического материала обычно удается выделить локальные группы керамики на основании тех или других признаков глины. Так, изучение характерных признаков синопской глины, первоначально известной только по клеймам амфорных ручек и черепицы этого центра, позволило выделить многие виды синопской керамики: неклейменые амфоры, лутерии, архитектурную терракоту и даже расписные лекифы.

Характерные признаки глины пантикапейской клейменой черепицы послужили основанием для выделения многочисленных керамических изделий этого центра, в том числе простой и тонкостенной посуды. По составу глины выделены локальные типы черепицы азиатских городов Боспора и много других групп археологических материалов.

В процессе раскопок сведения о составе и количестве всех находок фиксируются в дневниковых записях. В дальнейшем эти записи остаются основным документом, на основании которого сравниваются различные группы находок[1].

Эти находки, как и прочие археологические материалы, изучаются обычно в связи с теми историческими задачами, с которыми связаны раскопки каждого города, района или поселения.

Изучение археологического материала в этом направлении уже дало существенные результаты и способствовало высокому методическому уровню исследования античного города в нашей отечественной науке.

Благодаря тому, что теперь появилось много новых сведений о местном производстве и торговле разных городов, возможно сравнительное изучение этих данных.

---

[1] В практике раскопок Фанагории и Пантикапеи 30 и 40-х годов была детально разработана система полевых записей, которая постепенно совершенствуется и уточняется в процессе ее применения в современных раскопках некоторых городов Боспора.

Сравнительное изучение материалов позволяет понять закономерные явления в развитии некоторых областей экономики и одновременно выяснить, в чем заключаются специфические, локальные особенности этих явлений в экономике каждого данного центра.

Наиболее доступной формой сравнительного изучения массового материала могут служить исследования отдельных, больших групп находок.

При изучении черепицы античных городов Северного Причерноморья[2] выяснено, что черепица стандартного типа в эллинистическое время производилась в больших городах повсеместно. В производстве Ольвии и Боспора безраздельно господствовал один и тот же тип кровельной черепицы, распространенный в эллинистических городах Малой Азии, хотя в местном производстве отразились и локальные особенности этой продукции.

В Херсонесе в тот же самый период изготовлялась черепица другого образца, имеющего прямую связь с черепичным производством херсонесской метрополии Гераклеи, а также Синопы.

В эпоху Митридата и в первые века нашей эры, когда усилились связи между Южным и Северным Причерноморьем, в производстве всех городов Северного Причерноморья быстро распространился другой тип черепицы, конструктивные особенности которой близки черепице Южнопонтийских центров.

Сравнительное изучение черепицы городов Северного Причерноморья, как одного из видов строительных материалов, позволило проследить также некоторые детали устройства кровли и показало различные строительные конструкции в разных районах Причерноморья.

Дальнейшие исследования в области изучения строительных материалов должны включить районы Западного и Восточного Причерноморья. В разные периоды античной истории судьбы некоторых Припонтийских государств были близки и большую роль в их развитии играли общие исторические события.

Широкое сравнительное изучение материалов Северного Причерноморья и других Припонтийских стран поможет понять многие явления, связанные с развитием этой отрасли ремесла и строительной техники.

Даже предварительное и беглое знакомство с находками строительной черепицы Восточного Причерноморья свидетельствует о тяготении местной формы черепицы к образцам южнопричерноморских центров и о том, что пергамско-боспорский тип черепицы здесь не получил распространения. В районе Западного Причерноморья (Истрия) бытовал совершенно другой своеобразный тип кровельной черепицы, конструкция которой напоминает аттическую, хотя и не совпадает полностью с ней. Несмотря на то, что в строительном деле Истрии прослеживаются ольвийские традиции (субструкции), производство кровельной черепицы этих центров, по-видимому, развивалось разными путями.

Интересен также вопрос о распространении типа лаконской черепицы в местном производстве разных городов. Эта форма черепицы, широко известная в Средиземноморье и Адриатике, нашла отражение и в производстве городов западных и северо-западных районов, но к северо-востоку от них она почти не получила развития.

Производство керамических строительных материалов в античном мире в той или иной степени регламентировалось государственным контролем, узаконенные образцы стандартных изделий не могли быть случайными. Но появление этих стандартов очевидно было обусловлено какими-то другими более общими и глубокими причинами, что подтверждает распространение одних и тех же типов стандартной черепицы на очень широкой территории.

[2] О. И. Фурманская, И. Б. Брашинский, В. В. Борисова, И. Б. Зеест. Строительные керамические материалы античных городов Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1-20.

Мы говорили о задачах, связанных с изучением строительной черепицы, составляющих одну из самых больших групп массового керамического материала.

Решение этих задач, как нам кажется, должно способствовать изучению не только строительного дела и местного ремесленного производства. Весьма существенно выяснить вопрос о закономерном появлении того или иного типа черепицы в производстве античных городов Причерноморья и его связи с формой черепицы других центров античного мира.

Изучение остатков керамической тары вводит нас в другой круг вопросов, связанных преимущественно с областью торговли и местного производства. Изготовление торговой тары, так же как и черепицы, носило стандартный характер и регламентировалось государственным контролем, а типовые особенности этих мерных торговых сосудов были своего рода маркой производства.

Изучение этой группы находок требует прежде всего выяснения локальных признаков амфор, для определения этих находок в поле и их учета. Применение же метода сравнительной статистики позволяет выяснить характер импорта и местного производства того центра, в раскопках которого найдены остатки этих амфор.

Но изучение локальных признаков тары открывает и другие возможности исследований, помогающие глубже вникнуть в особенности античной торговли, выяснить территориальные сферы торгового влияния больших городов Средиземноморья в определенные исторические периоды.

Керамическая тара каждого центра производства имеет не только локальные признаки, но и признаки, общие с амфорами некоторых других центров производства. Эти общие признаки объединяют продукцию нескольких центров производства и отличают целую группу локальных типов амфор от прочих. Мы опускаем в данном случае вопрос о подражательных типах, так как он связан с более узкой коммерческой целью подделки вина. Речь идет об общих типологических признаках торговой тары разных центров производства и о причинах, обусловливавших их появление.

Приведем примеры: в конце VI и в начале V в. до н. э. некоторые центры Эгейского моря выпускали керамическую тару, легко различимую по их локальным признакам, но повторяющую, несомненно, какой-то общий образец. Это амфоры Коринфа, возможно Лесбоса, не менее трех других групп амфор из грубой и серой глины, известных пока только в фрагментах, и, наконец, амфора, условно отнесенная нами к группе аттических[3]. Все они имеют широкий корпус с высокими округлыми плечами, полые стаканообразные донья, круглые в сечении ручки, оканчивающиеся продолговатым налепом на месте прикрепления нижнего конца, низкое, цилиндрическое горло, украшенное рельефным валиком, и широкий венец, отогнутый в стороны или имеющий форму пухлого валика.

Обращает также внимание, что один из типов боспорской, пантикапейской, амфоры спартокидовского времени аналогичен по форме амфорам Византии, а другой вариант амфор этого же центра близок одному из видов херсонесской тары[4] и т. д. Общие групповые признаки формы торговой тары прослеживаются ясно и во многих других случаях.

Эти признаки не случайны: они всегда связаны с какими-то закономерными явлениями; они могут свидетельствовать об экономических взаимоотношениях производственных центров, выпускавших похожую тару, о разных формах экономической зависимости между ними, о местных традициях и т. д.

---

[3] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 16, 17, табл. I, *5*; II, *7*, *8*, *а*, *б*, *в*; III, *9*, *а*, *б*.

[4] Там же, стр. 96, 98, табл. XVII—XXI, *34*, *35*, *39*.

Но сведения о местных амфорах даже тех городов, которые раскапываются в течение многих лет, далеко не полны; мы до сего времени не знаем местной тары Ольвии и Тиры. Нет полных сведений о поздних типа херсонесских амфор и мало известны образцы местной тары городов Западного Причерноморья, хотя румынские археологи имеют известный опыт их исследования. Выделение локальных групп керамической пары и выяснение территорий их распространения успешно может быть проведено только путем сравнительного изучения амфорных находок на большой территории всего Причерноморья. Так, за последние годы грузинскими археологами выделена группа колхидских амфор, которая, по-видимому, идентична с группой амфор «коричневой глины». Локализация этой группы имеет большое значение не только для Восточного, но и для Северного Причерноморья, потому что здесь, во всяком случае на Боспоре, амфоры коричневой глины имели очень большое распространение, что могло бы свидетельствовать с самых интенсивных связях с Колхидой в I в. до н. э.— I в. н. э. Точная локализация этой группы амфор важна и потому, что с нею, вероятно, связана еще одна, а может быть две других, более поздних, группы амфор (II—III вв. н. э.), широко известных и на азиатском и на европейском Боспоре. Выделение группы колхидских амфор тесно связано с вопросом об ареале ее распространения, и эта работа может быть успешно выполнена путем согласованных наблюдений над амфорным массовым материалом раскопок в разных районах Причерноморья.

Выделение новых локальных групп керамической тары средиземноморских и причерноморских центров производства остается одной из главных задач исследований в этой области, но решение этой задачи не должно ограничиваться выяснением типологических признаков, отличающих эту группу амфор от других. Не менее важно проследить общие признаки в производстве торговой тары разных центров производства и объяснить закономерность их появления.

Исследования массового амфорного материала выдвигают и другие задачи, способствующие изучению торговли античных городов. Сравнительный анализ больших групп керамической тары, найденных в раскопках разных античных городов, дает основание судить о развитии и изменениях импорта из разных центров производства в города Причерноморья, об изменениях в направлении торговли, а следовательно, об особенностях рынков и транзитной торговли городов на изучаемой территории.

Такое широкое сравнительное изучение материалов было проведено в свое время Б. Н. Граковым[5], использовавшим данные амфорных клейм, найденных в разных городах Северного Причерноморья, и эта работа оказала большое влияние на дальнейшее развитие керамической эпиграфики в нашей стране.

Но как ни велики современные достижения в этой области, нужно сказать, что для территории Северного Причерноморья общих сравнительных выводов, основанных на изучении новейших материалов, до сих пор нет.

В области же исследования массового амфорного материала общие работы, охватывающие всю территорию Северного Причерноморья, и тем более территории за его пределами, совершенно отсутствуют.

Единственная работа, специально посвященная керамической таре[6], построена на Боспорском материале и освещает проблемы, связанные только с экономикой Боспора: его торговых связей с греческими городами и племенами, особенности боспорских рынков, местное производство тары и пр.

А между тем современный уровень знаний античного амфорного материала позволяет достаточно свободно пользоваться этими находками как

[5] Б. Н. Граков. Клейменая тара эпохи эллинизма, как источник для истории производства и торговли (Архив ИА, № 538).

[6] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора.

источником для решения более широких вопросов и решать на основании этого источника задачи, важные для истории Северного Причерноморья и территорий, связанных с ним.

Сравнительное изучение материалов разных городов приводит к решению широких исторических проблем и в то же время помогает глубже понять специфические, локальные особенности, присущие развитию экономики каждого данного центра.

Мы останавливались подробно на задачах исследований только двух больших групп массового керамического материала: строительной черепицы и керамической тары, пытаясь показать, что изучение каждой из этих групп выдвигает свои особые задачи.

Изучение каждой большой группы всегда связано с разнообразным кругом вопросов, но среди них особенно важны те, которые наиболее эффективно решаются на основании изучения данной группы памятников.

Другой пример — изучение массовых находок краснолаковой керамики, найденной на Боспоре[7], позволило сделать ряд существенных выводов, но особенно важно то утверждение, что на Боспор этот импорт шел вне русла римско-италийских торговых связей. Этот вывод сохраняет свою силу и для более широких тем исследования, связанных с вопросом экономических взаимоотношений городов Северного Причерноморья и Римской Империи о путях проникновения италийского импорта в разные районы территории Причерноморья и т. д.

Изучение массового керамического материала дает много новых сведений, существенно дополняющих имеющиеся данные о производстве и торговле античных городов, о которых свидетельствуют другие археологические и исторические источники.

---

[7] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. МИА, № 25, 1952, стр. 289 и сл; Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, № 85, 1958, стр. 283 и сл.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

II. ДОКЛАДЫ и ДИСКУССИИ

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО БОСПОРСКОЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

Хотя при раскопках, производящихся на территории Боспора, теперь встречаются, как правило, уже известные клейма на черепицах, изготовлявшихся в боспорских эргастериях IV—II вв., все же время от времени обнаруживаются и новые клейма или варианты ранее найденных. В настоящей статье публикуются некоторые такие клейма, ставшие только теперь известными, здесь содержится также ряд дополнений и уточнений к уже введенным в научный оборот материалам по керамической эпиграфике Боспора.

1. В 1963 г. в Мирмекии в напластованиях «зольника» первой половины III в. до н. э. найдено клеймо, оттиснутое на боспорской керамиде, т. е. на основной плоской черепице (рис. 1, *1*). К сожалению, в левой половине клейма часть поверхности черепицы сбита, и это мешает полностью разобрать написанное имя. Отчетливо видна крайняя справа альфа, за ней следует размашисто и притом ретроградно начертанная сигма, которая по своим размерам гораздо больше соседней альфы. Сигма, обращенная влево, показывает, что надпись клейма надлежит читать справа налево — особенность, присущая довольно многим боспорским клеймам.

Из-за поврежденности левой части клейма нельзя уверенно выяснить, какие тут были буквы. Рядом с сигмой видна вертикальная гаста, а левее и ниже отчетливо различаются две черты, принадлежащие, несомненно, букве Δ. Резчик, изготовлявший штемпель, последнюю букву поместил ниже основной строки. Прием такого написания, когда последней букве не хватало места в строке, и поэтому ее приходилось помещать под строкой, известен и по другим боспорским клеймам.

Итак, можно считать установленным наличие в нашем новом клейме, читающемся справа налево, следующих букв: Α, Σ, Δ, но этим надпись не исчерпывалась, так как были еще какие-то буквы (одна или две).

Восстановлению черепичного клейма, найденного в Мирмекии, помогает аналогичное клеймо, найденное в 1957 г. при раскопках Пантикапея. Несмотря на нечеткость, в клейме, заключающем в себе такую же надпись, но оттиснутую другим штемпелем, читается: ΑΣΤΥΔ (рис. 1, *3*). Хуже всех других букв в клейме распознается дельта, но все же ее правая наклонная гаста вполне прослеживается, и в результате устанавливается местоположение буквы в левом нижнем углу, под основной строкой, т. е. совершенно так же, как в клейме из Мирмекия.

С помощью пантикапейского клейма, следовательно, оказалось возможным бесспорно восстановить мирмекийское клеймо (рис. 1, *2*).

Таким образом, к известным ранее двум вариантам черепичных клейм Астидаманта (по моему каталогу 1935 г.— № 11 и 12) надлежит теперь прибавить еще один вариант — с ретроградной надписью, причем, как

Рис. 1. Клейма на боспорских черепицах

показывают оба публикуемых здесь клейма, они оттиснуты двумя разными штемпелями, резанными, однако, скорее всего одним и тем же мастером.

Нет никакой необходимости предполагать двух разных Астидамантов на том основании, что одни клейма с этим именем вырезаны строго, изящно, так сказать академически, а другие более небрежно — ретроградно с буквами разного размера, с плохо рассчитанным размещением надписи, вследствие чего приходилось последнюю букву «загонять» под строку. Это просто результат различной квалификации тех мастеров, которые делали штемпели. Подобный разнобой клейм присущ не только Астидаманту, но и другим «фабрикантам» например, Гиппократу, Гемократу и др.

Что касается даты клейм Астидаманта, то условие находки обломка черепицы в Мирмекии — в культурных напластованиях первой половины III в. до н. э.— дают лишь terminus ante quem. Эргастерий Астидаманта работал скорее всего в конце IV в., примерно в 320—310 гг. (т. е. при Перисаде I), но, может быть, продолжал действовать еще и позднее. Об этом речь будет ниже.

Воспроизведенное нами здесь клеймо Астидаманта, найденное в Пантикапее, публикуется вторично. Фотография этого клейма, не очень, правда, хорошего качества, издана Ю. А. Савельевым [1], но Ю. А. Савельев, оши-

[1] Ю. А. Савельев. Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории 1950—1960 гг. СА, 1964, № 3, стр. 198.

бочно приняв ипсилон за пи, альфу за ламбду и превратив сигму в омегу, вычитал в клейме ΠΩΛ и затем стал это осмысливать. В результате родились две гипотезы. Согласно одной, в клейме начертано название должности ΠΩΛ (ΗΤΗΣ). В связи с этим приведены даже сведения о полетах в Афинах и Эпидамне. На основании второй, не менее смелой гипотезы, ΠΩΛ предлагается связать с глаголом πωλέω (торговать). Как видим, автор создал оригинальные гипотезы, но они никакого отношения к реальному содержанию клейма не имеют [2].

2. Два клейма, оттиснутых на одной керамиде (рис. 1, *4*, *5*). На одном клейме с ретроградной надписью читается ΠΑΙΡΙC, т. е. Παιρι(σάδεος); в другом клейме начертано (притом правильно, слева направо) имя ΑΣΤΥC, т. е. Αστυ(δάμαντος), с которым мы уже имели дело выше при рассмотрении первых двух клейм.

Один обломок керамиды с двумя клеймами — Перисада и Астидаманта — был мною обнаружен в Керченском музее, когда я в начале 30-х годов работал над составлением каталога боспорских черепичных клейм; этот обломок тогда получил в описи клейм № 441. На указанном обломке полностью сохранилось ретроградное клеймо ΠΑΙΡΙC (рис. 1, *5*), а от второго клейма, оттиснутого под прямым углом к первому, уцелела только часть, вернее одна конечная буква и знак сокращения: ΥC.

Вследствие неясности второго клейма в каталог данная пара клейм не вошла. Между тем, в 1960 г. в Мирмекии найден небольшой кусок керамиды с оттиснутыми рядом (в одну линию) двумя клеймами, сохранившимися только частично. В первом клейме читаются две буквы ретроградной надписи ΠΑ. Несомненно, это было такое же клеймо, как упомянутое выше ΠΑΙΡΙC. На втором клейме мирмекийской керамиды уцелела одна начальная буква Α, но и это очень хорошо, так как она помогает установить содержание клейма. Имя, стоявшее во втором клейме, начиналось, следовательно, с Α, окончание же состояло из ΥC, что засвидетельствовано фрагментом клейм Керченского музея.

Имеющиеся данные позволяют без особенных затруднений восстановить надпись второго клейма Α[ΣΤ]ΥC = Ἀστυδάμαντος. В этой связи надлежит вспомнить списанную в свое время Е. М. Придиком пару клейм, оттиснутых на одной черепице: первое — ΠΑΙΡΙC (написано правильно — слева направо) и второе — ΑΣΤΥΔΑC. Последнее подтверждает существование контакта между Астидамантом и Перисадом на почве производства кровельных черепиц.

Помимо указанных сочетаний клейм Перисада и Астидаманта известны черепицы, на которых имеются клейма того же Перисада рядом с клеймами Гиппократа (по моему каталогу № 69) — первое ΠΑΙΡΙC и второе — ΙΠΠΟΚΡΑC.

Во всех перечисленных случаях черепицы несут на себе два клейма. Но был и другой способ клеймения, которым достигалась та же цель — обозначение на черепице двух имен, из коих одно принадлежало Перисаду (об этом см. ниже).

---

[2] Рассуждения о мнимых полетах Боспора у Ю. А. Савельева сопровождены ссылкой на клеймо Κωμ ρχου, отмеченное Е. М. Придиком в эрмитажном каталоге керамических клейм. Названное клеймо якобы подтверждает существование на боспорских черепицах таких клейм, в которых были обозначены государственные должностные лица. Более того, клеймо ΠΩΛ, как пишет Ю. А. Севельев, «подтверждает наши представления о социальном положении боспорских комархов». Однако в действительности клеймо с именем Комарха ни к боспорским черепицам, ни к боспорским должностным лицам совершенно непричастно. Глина черепицы с указанным клеймом абсолютно ничего не имеет общего с глиной черепиц боспорских. Последнее было подтверждено соответствующими анализами, выполненными в лабораториях ЛОИА (ВДИ, 1966, № 1, стр. 52, прим. 17). Черепица Комарха, несомненно, импортная. Очень показательно, что три клейма с именем Комарха были найдены (1926 и 1932 гг.) в Ольвии, где до сих пор не зарегистрировано ни одной находки боспорской черепицы.

3. Продолговатое клеймо, в котором строгой формы буквами в одну строку начертаны в сокращенном виде два имени. Первое — АЛКІМС, второе — ПАІ (рис. 1, *б*). Это клеймо я скопировал с зарисовки, имевшейся у Е. М. Придика, но включить в каталог не успел, я смог его только упомянуть (см. ИГАИИМК, 104, 1935, стр. 268). Публикуя клеймо сейчас, восполняю этот давнишний пробел.

Первое имя, стоящее в клейме, хорошо известно по единоличным клеймам АЛКІМС (см. в каталоге № 4) = Ἀλκιμ(άχου). Восстановление это наиболее вероятно, Ἀλκίμ(ου) надлежит решительно отклонить, так как представлялось бы бессмысленным сокращение имени ради одной буквы.

Как видим, Алкимах хорошо известен по клеймам, в которых написано только его имя. Но как показывает публикуемое здесь клеймо, Алкимах выпускал продукцию и с такими клеймами, в которых к его имени присоединялось другое, переданное в еще более сокращенном виде — только начальными буквами — ПАІ. Существование парных клейм, в которых на втором клейме стоит ПАІРІС, не оставляет места для каких-либо сомнений относительно ПАІ. Несомненно, это то же имя Παι(ρισάδεος). Рассматриваемое клеймо АЛКІМСПАІ имеет отличную параллель. Известны клейма с точно таким же расположением имен ЕРМОСПАІ (по каталогу № 21). Обобщая имеющийся материал, мы вправе сделать следующие выводы. Имеются черепицы с парными клеймами, когда на одном клейме имя ПАІРІС, начертанное правильно или ретроградно, на другом — стоят имена АСТУС или АСТУΔАС, ІППОКРАС. Второй вариант: имя Перисада в виде ПАІ сочетается в одном клейме с именем Гермократа — ЕРМОС или Гиппократа — ІППОКРАС, причем эти клейма однострочные. Есть еще, как известно, и третий вариант клейм с именем Перисада. Это двухстрочные клейма, в которых верхняя строка занята именем Перисада, а вторая именем Гермократа (по каталогу № 67, надпись ретроградная), или именем Притана (по каталогу № 68). Интересно, что в этих двухстрочных клеймах имя Перисада на первом месте, причем само имя в обоих случаях написано с пропуском иоты.

Мы уже в свое время указывали на то, что Перисад, выступающий во всей охарактеризованной выше серии клейм, является Перисадом I. Указанное заключение подтверждается новыми наблюдениями. В 1962 г. в Мирмекии при раскопках на участке И было найдено клеймо Гиппократа (типа № 36 по каталогу) в стратиграфически вполне определенном и надежном слое второй половины IV в. (М/62—611) [3]. Между тем, как мы знаем, существуют клейма Гиппократа, рядом с которыми оттиснуты клейма Перисада. Стало быть, они (Перисад и Гиппократ) были не только современниками, но и совладельцами черепичного производства. Тем самым мы получаем дополнительный аргумент в пользу того, что все перечисленные выше клейма относятся ко времени Перисада I.

Можно предположить, что война со скифами, которую Перисаду I пришлось вести, по-видимому, в начале 20-х годов IV в. до н. э., о чем известно из речи Псевдо-Демосфена (против Формиона, § 8), относящейся к 327 г., вызвала серьезные материальные затруднения у Перисада, склонившие его обратить внимание на черепичное производство как на источник доходов. Перисад, возможно, объявил глинища государственной собственностью и тем самым принудил считать себя совладельцем частных

[3] Дальнейшая работа по уточнению дат как боспорских черепичных, так и вообще керамических клейм, должна опираться на систематическое накопление наиболее точных и многочисленных наблюдений относительно условий, в которых обнаруживается каждое клеймо при раскопках — в хорошо датируемых слоях и в так называемых закрытых комплексах, имеющих даты: ante quem и post quem. Датировать же клейма так, как это сделал Э. О. Берзин (СА, 1959, № 4, стр. 53 и сл.), безусловно, не следует. Хронологическая схема Э. О. Берзина содержит, с одной стороны, повторение уже хорошо известных определений, с другой стороны, в ней предложены даты некоторых клейм, лишенные серьезного обоснования.

черепичных эргастериев. Не исключены, конечно, и другие формы участия, например, в виде предоставления эргастериям какого-то количества рабочей силы, рабов. Но все это лишь догадки, не больше. Одно несомненно: Перисад I являлся «компаньоном» ряда владельцев черепичных эргастериев, что влекло за собой, разумеется, отчисление ему известной доли прибылей. Остается вместе с тем признать, что Перисад I был первым боспорским правителем, который энергично использовал доходные возможности боспорских черепичных эргастериев, выступая на правах их совладельца.

Позднее, очевидно, при Перисаде II, в течение какого-то времени была установлена царская монополия на производство черепиц. И тогда выпускались черепицы с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ. В работе о боспорских черепицах (1935 г.) я писал о вероятности установления «полной или почти полной государственной монополии» (стр. 295). В этой связи представляет существенный интерес находка в Фанагории клейма с надписью ΙΔΙΩΤΙΚΗ (оно опубликовано в упоминавшейся статье Ю. А. Савельева, стр. 202). Клеймо свидетельствует о том, что даже в тот период, когда были попытки установить жесткую царскую монополию на производство черепиц, она все же не была абсолютной монополией. Очевидно, в порядке исключения кому-то позволили держать и эксплуатировать черепичный эргастерий. Но чтобы не поощрять такие частные эргастерии, могущие конкурировать с царскими эргастериями, владельцу-частнику не позволялось клеймить черепицы своим именем. В результате появилось безымянное клеймо, подтверждающее лишь, что черепица — «частная», а не «царская», т. е. что она сделана в частном эргастерии, а не царском.

Издатель клейма ΙΔΙΩΤΙΚΗ предпочел и в данном случае избрать более мудреный путь к выяснению смысла клейма [4]. Он направился за разгадкой в эллинистический Египет. Но там клейм с такой надписью нет, как впрочем нет вообще никаких черепичных клейм, а существование института ἴδιος λόγος, связанного со сбором доходов, поступавших в личное распоряжение царя, решительно ничего не может объяснить относительно боспорского клейма.

Клейма на черепицах не имеют ни малейшего отношения ни к системе сбора доходов, ни к определению категорий собственности. Они лишь фиксируют, кому принадлежит эргастерий, изготовивший данную черепицу. И поэтому клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ, ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ могут иметь только одно значение: данные черепицы изготовлены царским, т. е. принадлежащим царю эргастерием.

Но если все-таки предположить, что черепицы с указанными клеймами производились в эргастериях дававших доход «казне», и что параллельно якобы работали царские эргастерии, прибыль которых поступала в личное распоряжение владельца-царя, то при боспорской традиции клеймения на таких черепицах надлежало бы поставить собственное имя хозяина предприятия — и только. Среди многочисленных боспорских клейм известно немало клейм, в которых фигурируют имена царей, преимущественно без обозначения титула, совершенно так же, как это делалось во всех прочих частных черепичных эргастериях.

Наконец, если поверить, что в личный доход царей шли только прибыли из тех эргастериев, черепицы которых штемпелевались клеймом

---

[4] Попутно отметим, что та же тенденция нашла свое проявление и в толковании Ю. А. Савельевым найденных на Таманском полуострове клейм с именем Ἀφροδι[ίσου]. Издатель безоговорочно причислил этого Афродисия — владельца черепичного эргастерия, существовавшего, вероятно, в Фанагории, к рабам, полагая, что тем самым вносится вклад «в наши представления о социальном составе владельцев боспорских керамических мастерских». Между тем имя Афродисий, представленное в ряде боспорских надписей, связано не с рабами, а с представителями верхушки рабовладельческого общества. Таким образом, вполне убедительно опровергается проникшее в литературу мнение, будто имя Афродисий является специфически рабским.

ΙΔΙΩΤΙΚΗ, то придется удивляться поразительной скромности Спартокидов насчет своих доходов. За 150 лет археологических исследований на Боспоре найдено всего лишь одно такое клеймо. До чего же, следовательно, было мало выпущено черепиц эргастериями, приносившими прибыль лично царям! Все это показывает, что попытка отыскать в Египте «ключ» к боспорскому клейму ΙΔΙΩΤΙΚΗ никак не может быть отнесена к числу удачных.

Необходимо прежде всего согласиться с выводом о существовании при Перисаде II царской монополии на производство кровельных черепиц. Первоначально она сопровождалась, по-видимому, строгим запретом выпускать черепицы частными эргастериями. На рынок поступали черепицы, снабженные клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ (керамиды) или ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ (калиптеры). В виде особого исключения кто-то получил право держать свой частный черепичный эргастерий. Деятельность его засвидетельствована клеймом ΙΔΙΩΤΙΚΗ, являющимся по смыслу прямой противоположностью клеймам с обозначением ΒΑΣΙΛΙΚΗ. Единичность клейм ΙΔΙΩΤΙΚΗ подтверждает, что такие частные черепичные эргастерии в период строгой монополии представляли собой большую редкость, а скорее это было только единичный случай.

Но столь жесткая, круто проводимая монополия просуществовала, вероятно, сравнительно недолго. По мере же ее ослабления стали вновь возрождаться частные черепичные эргастерии, выпускавшие продукцию с обычными клеймами, в которых сообщались имена владельцев. Наличие клейм Левкона II, имеющих такой же характер, какой присущ традиционным боспорским клеймам частных эргастериев, свидетельствует о том, что царская монополия на черепичное производство во всяком случае не продолжалась дольше периода правления Перисада II. Полная же монополия, когда частновладельческие эргастерии были совсем запрещены, вероятнее всего, охватывала лишь какую-то часть указанного периода.

4. Новый вариант клейма Аполлония, найденный в Мирмекии в 1957 г. (рис. 1, 7). Там же в 1963 г. обнаружен второй экземпляр такого же клейма, но несколько поврежденного. Данному клейму присущи очень крупные буквы, высотой около 1,5 см. По характеру письма — безусловно IV в. до н. э. Если все известные варианты клейм Аполлония (их имеется уже почти десять) принадлежат эргастерию одного владельца, то придется признать, что на Боспоре это был один из особенно продуктивных черепичных «заводов», он выпустил очень большое количество клейменых черепиц.

5. Во время работы над составлением каталога боспорских черепичных клейм, производившейся в начале 30-х годов, мною был зарегистрирован в Керченском музее небольшой обломок керамиды с клеймом (по описи клейм это был № 235), у которого не сохранился левый край. В клейме читалось ΠΙΚΡΑΤΟΥ. Невозможность представить настоящее клеймо в полном виде склонила меня к тому, чтобы воздержаться от включения его в каталог. В 1957 г. Д. Б. Шелов издал найденное на пантикапейском городище клеймо ΕΠΙΚΡΑΤΟ (МИА, № 56, 1957, стр. 223). Сопоставление его с эстампажем упомянутого выше клейма, хранившегося в Керченском музее, убедило, что мы имеем здесь дело с двумя оттисками, выполненными, безусловно, одним и тем же штемпелем. В результате появилась возможность восстановить клеймо Эпикрата, что нами и сделано (рис. 1, 8). В основу положено клеймо Керченского музея с дополнением первой буквы, согласно клейму, найденному при пантикапейских раскопках. Таким образом, перечень боспорских «фабрикантов», владевших черепичными эргастериями, пополняется еще одним именем — Эпикрат, а его клейма нам теперь известны в полном виде. Вместе с тем выяснилось, что, издавая пантикапейское клеймо Эпикрата, Д. Б. Шелов показал его не совсем точно, приняв за конец клейма половину уцелевшей буквы

омикрон, которая была истолкована как знак сокращения в виде лунарной сигмы.

6. В Мирмекии в 1959 г. найдено новое клеймо ΙΠΠΩ, в котором, очевидно, заключено имя Ἵππω (νος) (рис. 1, *9*). В сборах клейм, происходящих из раскопок Мирмекия, имеются еще фрагменты таких же клейм Гиппона. Аналогичное клеймо есть в коллекции случайных находок В. В. Веселова (сб. «Археология и история Боспора», II, 1962, стр. 365). Условия, в которых найдено данное клеймо в мирмекийском эллинистическом зольнике, указывают на рубеж IV—III вв. до н. э. Изготовление черепиц в эргастерии Гиппона могло происходить несколько раньше.

7. Здесь (рис. 1, *10*) дается воспроизведение клейма с ретроградной надписью ΚΑΛΛΙΦΣ. Клеймо найдено в 1956 г. при раскопках эллинистической усадьбы, обнаруженной в районе Мирмекия. Клеймо, оттиснутое на керамиде, принадлежит, несомненно, тому же эргастерию, который выпускал черепицы с клеймами ΚΑΛΛΙ (по моему каталогу № 39). В последних надпись начертана правильно — слева направо, но более сокращенно, без буквы Φ. Это обстоятельство привело к предположению, что имя, стоящее в клейме, может быть восстановлено как Καλλιγένου или Καλλικράτου. Разумеется, все такого рода восстановления теперь отпадают. В клейме, скорее всего, обозначено имя Καλλίφρονος (Καλλίφρων), или Καλλιφῶντος (Καλλιφῶν). Основная масса черепиц, найденных при раскопках усадьбы, относится к III в. до н. э., но поскольку усадьба возникла на рубеже IV—III вв., среди черепиц встречается небольшое количество клейм конца IV в. до н. э. Возможно, что к числу их надо отнести и публикуемое здесь клеймо.

8. Изданием найденного в 1962 г. в Мирмекии клейма (рис. 1, *11*) мы хотим ликвидировать одну ошибку, допущенную в каталоге клейм 1935 г. Там имеется клеймо ΝΙΚΟϹ (№ 64). Между тем тщательнейший просмотр всех клейм этого типа, найденных Боспорской экспедицией, убедил в том, что решительно во всех случаях, когда четвертая буква оттиснута достаточно четко, читается омега, а не омикрон. Проверка эстампажей клейм Керченского музея, по которым был изготовлен рисунок для каталога, также подтверждает наличие омеги, которая ошибочно была принята за омикрон. Клеймо с правильным начертанием имени (т. е. с омегой) опубликовал В. В. Веселов. Такие же клейма, найденные во время раскопок Пантикапея, упоминает в своей статье Ю. А. Савельев. Следует лишь признать, что это не вариант клейма, существовавшего наряду с ΝΙΚΟϹ, а единственный вид клейма, в котором заключено скорее всего имя Νίκωνος (Νίκων). По характеру письма оно — IV в. до н. э.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

И. Б. БРАШИНСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОРГОВЛЕ ОЛЬВИИ С САМОСОМ

Раскопки Ольвии последних лет значительно расширили представление об экономических связях этого города с разными средиземноморскими центрами. Новые материалы дали возможность не только выявить ряд неизвестных до сих пор центров, из которых в Ольвию поступали различные товары, но и дополнить, а порою и изменить существующее представление об экономическом развитии Ольвии и отчасти Северо-Западного Причерноморья вообще.

Эти материалы позволили, например, установить значительное развитие торговых связей Ольвии с Коринфом в VI и V вв. до н. э. [1], с Эгиной [2]. Определение амфорных клейм Менды, найденных в Ольвии, позволило существенно расширить представление об импорте вина из этого города в Ольвию в V и IV вв. до н. э. [3]

Приведенные данные показывают, что одним из важнейших источников для выяснения новых центров, имевших экономические связи с Северным Причерноморьем, равно как и в деле уточнения времени торговли, известных ранее городов, в настоящее время является керамика, в первую очередь остродонные амфоры и имеющиеся на них клейма. В последние годы достигнуты большие успехи в выделении и локализации ряда групп керамических клейм из общей массы клейм неизвестного места производства (loci incerti). При этом исследователи часто пользуются так называемым нумизматическим методом изучения. Этот метод, заключающийся в сопоставлении изображений на клеймах («эмблем») с монетными типами, позволяет не только их локализовать, но и датировать, иногда довольно точно.

Большой интерес для изучения экономических связей Ольвии имеют коллекции находок из раскопок последних лет в районе северо-западной части ольвийского теменоса (раскоп E_9).

В 1962 г. здесь в одной из хозяйственных ям (№ 13), которыми изобилует данный район, найдена целая остродонная амфора (рис. 2). Она имеет яйцевидное тулово и невысокое прямое горло. Высота ее 69 см, диаметр тулова 32,8 см. Венчик в виде широкого уплощенного валика слегка расширяется кверху; со стороны ручек горло несколько сдавлено (диаметр горла по венчику 12,8—15 см). На горле амфоры, примерно посередине, имеется небольшой острый кольцевой выступ, очень характерный для всей группы амфор, к которой принадлежит описываемая. Ручки овальные. Ту-

[1] И. Б. Брашинский. Новые терракотовые архитектурные украшения из Ольвии. Сб. «Античная культура». М., 1966, стр. 45 и сл.

[2] И. Б. Брашинский. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 20 и сл.

[3] И. Б. Брашинский. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э. НЭ, III, 1962, стр. 45 и сл.

лово заканчивается короткой ножкой с глубоким вдавлением (4 см). Черепок сосуда темно-розовый, местами переходящий в бурый; глина хорошо отмучена и промешана. Примеси в виде мелких золотистых блесток слюды и крупинок извести очень немногочисленны. Поверхность амфоры имеет светлое покрытие. Сосуд очень хорошо сформирован и обожжен.

Весь материал из ямы-хранилища, где найдена была амфора, относится к концу VI — первой половине V в. до н. э., что позволяет датировать ее довольно определенно первой половиной V в. до н. э.

В том же 1962 г. и на том же участке, но в другой хозяйственной яме (№ 11)[4] найдена верхняя часть амфоры, вполне аналогичной описанной, вплоть до деталей (рис. 3). На одной из ее ручек оттиснуто небольшое круглое анэпиграфное клеймо, на котором изображена остродонная амфора (рис. 4, *1*, *2*). Это изображение воспроизводит тип самой

Рис. 2. Амфора первой половины V в. до н. э. из Ольвии

Рис. 3. Верхняя часть амфоры из Ольвии

амфоры, на которой оно помещено. Попытка определения места происхождения этого клейма возможна лишь с помощью нумизматического метода. Наиболее близкие параллели, как оказалось, дают самосские монеты[5]. Известна серия серебряных и медных оболов Самоса, на оборотной стороне которых изображена остродонная амфора[6]. Форма амфоры на монетах (рис. 4, *3*, *4*) совпадает с формой амфоры на клейме (рис. 4, *1*) (там она, правда, передана более грубо, что обусловлено прежде всего различием материала штемпеля и монеты) и в еще большей степени с формой целой амфоры из Ольвии. Отсюда напрашивается предположение о самосском происхождении как нашего клейма, так и неклейменой амфоры.

Монеты с изображением амфоры относятся ко II—III периодам монетных выпусков Самоса, которые датируются П. Гарднером соответственно 494—439 и 439—394 гг. до н. э.[7] В этих пределах можно датировать

---

[4] Материал и из этой ямы не выходит за пределы первой половины V в. до н. э.

[5] L. Anson. Numismatica Graeca, I. Part I. Industry. London, 1911, Pl. III—IV.

[6] P. Gardner. Samos and Samian Coins, NChr., 3 ser., vol. II, 1882, стр. 250 и сл., № 25—27 и табл. IX, 19—21.

[7] P. Gardner. Samos and Samian Coins, стр. 250 и сл.

и найденные нами амфоры. Однако нам кажется, что имеется возможность несколько сузить эти хронологические рамки. Во-первых, как сказано, условия находки не позволяют отнести рассматриваемые амфоры ко времени не позднее первой половины V в. Во-вторых, ограничение их даты первой половиной V в. до н. э. может быть обосновано и соображениями, связанными с историей Самоса.

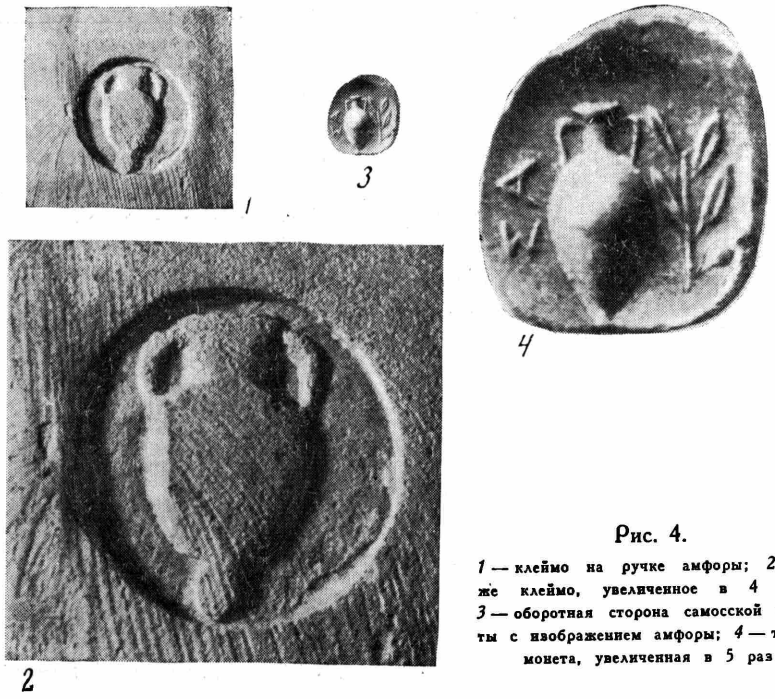


Рис. 4.

1 — клеймо на ручке амфоры; 2 — то же клеймо, увеличенное в 4 раза; 3 — оборотная сторона самосской монеты с изображением амфоры; 4 — та же монета, увеличенная в 5 раз

Известно, что Самос в первой половине V в. являлся одним из наиболее могущественных и экономически развитых греческих государств. После организации первого Афинского Морского союза и вхождения в него Самоса, остров находился в привилегированном по сравнению с прочими союзниками положении[8]. Это выражалось прежде всего в том, что самосцы не были обязаны вносить денежные взносы в союзную казну. Уже высказывалось предположение, что политические привилегии Самоса (как и Хиоса и Лесбоса) сопровождались, возможно, и привилегированным экономическим положением, в частности в сношениях с Причерноморьем[9]. Так продолжалось до 439 г. до н. э., когда после подавления афинянами неудачного Самосского восстания Самос не только потерял свое особое положение в союзе, но подвергся также жестоким наказаниям, нанесшим острову серьезный экономический ущерб. Впрочем, вероятно, ущемление экономических интересов Самоса со стороны афинян началось несколько ранее, и именно это было одной из причин восстания. Характерно замечание Фукидида (I, 117, 1), подчеркивающего, что после первоначальной победы самосцев над афинским флотом они «были господами моря, ввозили и вывозили все, что хотели»[10].

---

[8] Aristotel. Ath. Pös., 24.

[9] И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, стр. 92, 96 и сл.

[10] Ср. Plutarx. Per., 26; Самосцы в это время «завезли к себе столько необходимого для ведения войны, сколько у них не было и до войны». В число этих необходимых товаров, безусловно, если не в первую очередь, входил хлеб, который мог происходить и из Северного Причерноморья.

Приведенные данные заставляют прийти к выводу, что экономические связи Самоса с Северным Причерноморьем в V в. ограничивались первыми шестью его десятилетиями; в более позднее время они маловероятны, а скорее даже исключены.

Находки обломков, принадлежащих амфорам описанного типа, в Ольвии весьма многочисленны. Надо полагать, что они имеются и в материалах других античных городов не только Северо-Западного Причерноморья, но и Боспора. Если верно их определение как самосских, то окажется, что приток самосских товаров в керамической таре в Ольвию в первой половине V в. был значительным и экономические связи Ольвии с Самосом, которые были весьма интенсивными в VI в. до н. э., продолжали активно развиваться и в первой половине следующего столетия.

Экспорт из Самоса в Ольвию в это время не ограничивался товарами, перевозившимися в амфорах. Продолжали поступать и керамические изделия. В той же яме (№ 11), в которой была найдена амфора с клеймом, оказалась и фрагментированная толстостенная гидрия из характерной самосской глины, украшенная темными поясками. По типу она восходит к самосским гидриям, найденным при раскопках Герайона на Самосе, относящимся, правда, к значительно более раннему времени (IX—VIII вв. до н. э.)[11]. В V в. до н. э. продолжался и импорт тонкостенной самосской расписной керамики.

Тесные экономические взаимоотношения Самоса с Северным Причерноморьем хорошо засвидетельствованы археологическим материалом и для VI в. до н. э.[12] Особенно обильны находки самосских изделий в ранних культурных напластованиях Нимфея, где они необычно многочисленны по сравнению с аналогичными находками из других городов[13]. Это обилие самосской продукции в Нимфее, так же как и элементы земледельческого культа, даже послужили основанием для предположения о том, что город был основан выходцами с Самоса[14] или они во всяком случае принимали активное участие в основании Нимфея ионийскими колонистами[15]. Ряд ученых усматривает также влияние самосской чеканки на ранний пантикапейский монетный тип (морда льва)[16].

Все изделия относились, однако, лишь к VI в. до н. э. Материалов для суждения о связях Самоса с Северным Причерноморьем более позднего времени не было. Находки из раскопок Ольвии последних лет позволяют высказаться (пока еще в осторожной форме) в пользу продолжения этих связей и в первой половине V в. до н. э. Вероятно, в это время Самос все еще играет значительную роль в экономических сношениях Северо-Западного Причерноморья, в частности Ольвии.

Новые материалы из Ольвии дают возможность конкретнее представить картину экономических связей Северо-Западного Причерноморья в конце VI — первой половине V в. до н. э. вообще. До последнего времени в науке господствовал взгляд, согласно которому, начиная с греко-персидских войн, сношения Афин с Северным Причерноморьем полностью вытеснили связи этой области со всеми прочими греческими центрами. Этой

---

[11] K. Vierneisel und H. Walter. Heraion von Samos. Die Funde der Kampagnen 1958 und 1959. AM, 74, 1959, 13, 2—3.

[12] Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из Пантикапея. МИА, № 103, 1962, стр. 102 и сл., 125 и сл. Здесь приведена литература по различным центрам Северного Причерноморья.

[13] М. М. Худяк. Из истории Нимфея. Л., 1962, стр. 47 и сл., 39 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 175.

[14] М. М. Худяк. Указ. соч., стр. 17.

[15] В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 175.

[16] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 164; Ch. P. Seltman. CAH, Pates, III, 20, *a*, *b*. Ср., однако, возражения Д. Б. Шелова («Монетное дело Боспора». М., 1956, стр. 17).

точки зрения придерживался и автор настоящей статьи[17]. Однако такой взгляд слишком упрощает экономические связи Северного Причерноморья этого времени. Хотя Афины в первой половине V в. действительно занимали доминирующее положение на северопонтийских рынках, это все же не привело к полному прекращению экономических сношений Северного Причерноморья с остальными греческими центрами; они продолжали играть заметную и активную роль в экономической жизни северного Понта. Северо-Западное Причерноморье, как, очевидно, и весь северный Понт, сохраняло в первой половине V в. до н. э. широкие торговые связи с различными средиземноморскими центрами. Резкие изменения в направлении экономических связей городов северного Понта наблюдаются после установления действенного контроля афинян на Черноморских проливах в начале Пелопоннесской войны. На смену средиземноморским партнерам в торговле приходят южнопонтийские города, в особенности Гераклея Понтийская и Синопа. Пелопоннесская война и установление строгого контроля афинян на проливах дали, очевидно, решающий толчок развитию внутрипонтийских экономических связей, но это тема специального исследования.

---

[17] И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 109 1967 год

Т. Н. КНИПОВИЧ

НЕИЗДАННЫЕ НАДПИСИ ИЗ РАСКОПОК ОЛЬВИИ

Два издаваемых фрагмента плит с греческими надписями были обнаружены при раскопках Ольвии; они найдены в 1947 и 1951 гг., когда археологические исследования Ольвии проводились ленинградскими археологами, не были сосредоточены только на территории ольвийской агоры и теменоса, а охватывали более широкий район городища. Из публикуемых фрагментов один принадлежит к числу находок на участке А, расположенном к северу от агоры, вблизи так называемого Зевсова кургана, второй — на участке М, на территории «римской цитадели».

Фрагмент плиты из мрамора, в изломе белого, на поверхности темно-серого цвета представляет грань плиты, с трех остальных частей плита обломана. Высота плиты 0,065 м, ширина 0,105 м, толщина 0,057 м. Поверхность лицевой стороны отшлифована, задняя сторона неровная, оставлена необработанной. На лицевой стороне сохранились части пяти строк надписи; буквы четкие, глубоко врезаны, но выполнены небрежно; высота букв колеблется от 0,004 до 0,013 м (рис. 5, *а*).

Фрагмент найден при раскопках 1947 г. на участке А. В настоящее время хранится в ЛОИА АН СССР. Издается впервые.

— — — — — — — —
— — — — [ἢ θερ]άποντες
[καὶ εἴσπλουν] καὶ ἔκπλουν
[καὶ ἐν πολ]έμωι καὶ ἐν
[εἰρήνηι ἀσυλεὶ] κ̣αὶ̣ ἀσπονδ —
[εί]

Перевод: «... или слуги и дали право входа (в гавань) и выхода (из гавани) и в военное и в мирное время, без конфискации и без заключения договора».

В первой из сохранившихся строк имеются только совсем незначительные части отдельных букв; восстановление текста этой строки неизбежно могло бы быть только предположительным. Но следующие четыре строки позволяют дополнить несохранившиеся части и вполне выяснить характер надписи. Мы имеем дело с заключительной частью декрета о проксении, принадлежащего группе весьма распространенной и хорошо представленной в Ольвии[1]. Надпись наша могла кончиться, как многие проксении, словом ἀσπονδεί ; могла содержать также еще дополнение о решении поставить памятник с надписью (см., например, IPE, I², №27).

От других известных нам ольвийских проксений издаваемая надпись отличается характером письма. Необычным для официальных документов является небрежное его выполнение: оно сказывается и в различной величине, которую имеют одни и те же буквы, и в расположении букв — то на большей, то на меньшей высоте, и в самих начертаниях букв. Вместе с тем

[1] Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 234 и сл.

Рис. 5. Фрагменты мраморных плит из раскопок Ольвии:
а — из раскопок 1947 г. (вторая половина III в. до н. э.);
б — из раскопок 1951 г. (первая половина III в. н. э.)

есть и такие особенности, которые дают представление о стиле и характере письма, а тем самым и о дате надписи. В этом отношении особенно показательна вполне выраженная тенденция к замене простого и строгого шрифта классического времени менее простым письмом, свойственным эпохе эллинизма[2]. Повторно встречаются изогнутые линии, особенно у буквы ню (см. нижнюю строку); омикрон сильно уменьшено по сравнению с другими буквами; типично также пи (верхняя строка) с очень длинной горизон-

[2] А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. НЭ, III. М., 1962, стр. 15, 16, табл. II, стб. 4, 5.

тальной гастой. Все это черты развитого эллинизма второй половины III—II в. до н. э.

Некоторые особенности шрифта издаваемой надписи являются характерными именно для ольвийских эпиграфических памятников. Отметим форму омеги с отходящими в обе стороны от основной дуги черточками, при этом не внизу, а приблизительно на середине высоты. Эта особенность заставляет вспомнить омегу декрета в честь Протогена. Она встречается в менее выраженном виде и в некоторых других ольвийских надписях (например, IPE, I [2], № 23) и в единичных случаях на Боспоре и в Херсонесе; но везде данный тип омеги бесспорно отличается от формы, представленной в издаваемой проксении. Следует вообще отметить, что шрифт нашей надписи не встречает действительно близких аналогий ни в одной из известных нам ольвийских надписей. Однако надписи, содержащие в своем шрифте черты, родственные публикуемой, имеются. Наиболее типичным образцом является декрет в честь Протогена. Разница между двумя этими надписями безусловно значительная, она сказывается уже в том, что декрет в честь Протогена выполнен несравненно более тщательно, шрифт его имеет характер вполне выдержанный; но сходны формы букв (каппа, тау, иногда — особенно в верхнем ряду проксении 1947 г.— пи, непомерно увеличенное ипсилон); сигма в обеих надписях имеет лунарную форму. Создается впечатление, что мы в обоих случаях имеем дело с одним направлением, сложившимся именно в Ольвии, но с различными вариантами этого направления.

Датировать подаваемую надпись сколько-нибудь точно едва ли возможно; но, как отмечалось, несомненна ее принадлежность к группе надписей с выраженными особенностями усложненного эллинистического шрифта. Наиболее вероятная дата — вторая половина III в. до н. э.

Фрагмент мраморной плиты, в изломе белого, на поверхности серовато-буроватого цвета; высота 0,133 м, ширина 0,095 м, толщина 0,037 м; со всех сторон оббит. Обе стороны — лицевая и обратная — тщательно отшлифованы. На лицевой стороне части шести верхних строк греческой надписи, вырезанной по линейкам; буквы очень четкие, глубоко вдаются в мрамор; их высота 0,015 м, ро и верхняя дельта — 0,017 м. Фрагмент найден в августе 1951 г. при раскопках Ольвийского городища на территории римской цитадели, на участке М, среди остатков перистильного дворика второго периода (слой II—III вв. н. э.). В настоящее время хранится в ЛОИА АН СССР. Издается впервые (рис. 5, *б*).

Δ 1
— — [Α?]μ̣ναγου Ρ — — 2
— — η ᾽Ανγελος Π̣ — — 3
— — [ε]ὐθὺς ἐκ παί̣[δων] 4
— — [ἐ]ν τῇ πό̣ [λει?]— — 5
— — Ο — Α (?)Π — — 6

В лигатуре: в строке 3 N; в строке 5 NT; HT. Возможно, что в строке 2 в лигатуре с первой сохранившейся буквой была вырезана предшествовавшая ей буква М (остатки ее, правда, незначительные, сохранились).

1. В верхней строке уцелела только дельта; рядом с ней букв нет ни с той, ни с другой стороны. Если в той же строке были вырезаны также и другие буквы, они во всяком случае были отделены от дельты значительным пространством.

2. [Α]μ̣ναγου : от мю сохранились небольшие, но все же выразительные остатки. Возможны и другие восстановления, например [Φλει]μ̣ναγου.

3. ᾽Ανγελος и другие имена с окончанием ἄνγελος (см. Dornseiff — Hansen, стр. 256). Однако сохранившийся перед альфой остаток буквы указывает, скорее всего на букву эта, а такие имена не засвидетельствованы.

Несмотря на четкость букв, текст не поддается уверенному восстановлению; однако некоторые предположения высказать можно. Для определения типа надписи важна строка 4.

4. [ε]ὐθὺς ἐκ παί [δων] , т. е. «сразу по выходе из детского возраста». Эта формула встречается в надписях, в которых речь идет о заслугах какого-либо гражданина[3]. Перед перечислением его заслуг постоянно упоминается доблесть его отца, его предков и то, как собственная его доблесть начала проявляться уже в ранние, юношеские или даже отроческие годы. Здесь также, несомненно, говорится о гражданской доблести, проявившейся рано εὐθὺς ἐκ παίδων.

Итак, можно предположить на основании сохранившихся остатков надписи следующую структуру начальных строк. Вторая строка содержала дату надписи, посредством указания правящего архонта или жреца; это лицо носило имя Αμναγος или Φλειμναγος, имя его отца начиналось с буквы ρο. В третьей строке упомянуто чествуемое лицо Ἄνγελος ; дальше перечислялись его заслуги, к этой части относились слова τῇ πόλει (городу, для города). Следовательно, надпись представляла собой почетный декрет или почетное посвящение — titulus honorarius. За последнее говорит оформление надписи; косвенным подтверждением этого может явиться первое имя Αμναγος Ραθαγωσου (жрец Зевса Сотэра), и встречается он в надписи, близкой по времени издаваемой[4]. Не исключена возможность и того, что первая дельта — часть посвящения Διὶ Σωτῆρι . Но, конечно, это лишь предположение, проверить которое не удается из-за недостаточно хорошей сохранности надписи.

Из читаемых в надписи имен Αμναγος , как отмечалось, встречалось и ранее, встречалось и Φλειμναγος. Л. Згуста включает имя Αμναγος в группу иранских имен, но «с менее ясной этимологией», Φλειμναγος — в число бесспорно иранских. Греческое имя Ἄνγελος ранее в Ольвии не встречалось.

По характеру письма (угловатый шрифт, лигатуры) надпись относится скорее всего к первой половине III в. н. э., во всяком случае не раньше конца II в. н. э.

---

[3] Сошлемся на одну из надписей, хранящихся в Одесском музее и числящуюся там ольвийской: наряду с данным выражением, там стоит ἐκ προγόνων, слово πρόγωνοι и еще повторяется; есть и другие слова, типичные для декретов.

[4] IPE, I², № 162.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

Е. И. ЛЕВИ

НОВАЯ ОЛЬВИЙСКАЯ ПРОКСЕНИЯ

Среди ольвийских надписей, найденных за последнее десятилетие при раскопках теменоса и агоры, значительная группа принадлежит декретам о проксении. Полностью сохранившиеся постановления в честь афинян и гераклеотов являются первыми письменными свидетельствами, подтверждающими торговые связи Ольвии с Афинами и Гераклеей Понтийской в IV в. до н. э. [1] На некоторых фрагментах проксений сохранились этниконы, которые позволяют, например, говорить, что сношения Ольвии с Византией существовали еще в IV в. до н. э.[2], со Смирной — во II в. до н. э. Тесные связи Ольвии с Херсонесом засвидетельствованы не только декретом о проксении конца III — начала II в. до н. э. в честь Дионисия, сына Тагона[3], но и почетным постановлением в честь сыновей херсонесита Аполлония[4].

Среди неизданных надписей теменоса имеются фрагменты декрета, восстановление которого позволяет считать, что он также был издан в честь жителя Херсонеса. Речь идет о трех обломках надписей, найденных в различные годы раскопок юго-западной части теменоса. Обломки А и Б, сходящиеся по излому, составляют верхнюю левую часть плиты (рис. 6, *а*); обломок В — примерно середину нижней части (рис. 6, *б*)[5]. Высота обломков А + Б 0,25 м, ширина 0,30 м, толщина 0,045 м, высота В 0,135 м, ширина 0,123 м, толщина 0,045 м. Плита вырезана из белого среднезернистого плотного мрамора, тщательно отполированного со всех сторон. В верхней части задней стороны имеется выступ высотой 0,06 м, толщиной 0,025 м.

На лицевой поверхности плиты частично сохранились пять строк начала надписи, отстоящей от края на 0,085 м (рис. 6, *а*), и части трех строк ее окончания (рис. 6, *б*). Буквы глубоко врезаны в мрамор; высота букв 0,022 м, омикрон — 0,020 м.

1. ᾽Ολβιοπολῖ [ται]
А + Б Πυρραλίω[ι τοῦ δεῖνος Χερσο-]
νησίτηι ἔ[δωκαν προ-]
ξενίηγ κ[αὶ ἀτελείην
5. πά]ντων [χρημάτων———]
———————————

[1] Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 235—240.
[2] Там же, стр. 240, 241.
[3] Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 98—102.
[4] Там же, стр. 94—98.
[5] Обломок надписи А найден в 1954 г. (№ 2808), Б — в 1957 г. (№ 2162), В — в 1956 г. (№ 4353).

Рис. 6. Обломки плиты с декретом в честь Пирралия:
а — обломок верхней части плиты; *б* — обломок нижней части плиты

В. [————————εἰσπλεῖν
1. καὶ ἐκπλ]εῖν κα[ὶ ἐν πο—
λέμωι κ]αὶ ἐν εἰ[ρήνηι
ἀσυλεὶ κ] αὶ ἀσπ [ονδεί.]
vac.

Перевод: «Ольвиополиты дали Пирралию, сыну такого-то, херсонеситу, проксению, освобождение от пошлин на все товары . . . . . право входить (в гавань) и выходить (из гавани) и в военное и в мирное время без конфискации и без заключения договора».

Дополнения строк основаны на стандартных формулировках ранних декретов о проксении, хорошо известных и по материалам Ольвии как,

например, декрета в честь месембрийца Херигена[6], упоминавшихся декретов в честь афинян и гераклеотов и др. Количество букв (16—17) в восстанавливаемых нами строках 3—4 (А+Б), 1—3 (В) несомненно; оно соответствует количеству букв в строках декрета в честь Херигена, гераклеотов. То обстоятельство, что строка 1 заключала лишь одно слово Ὀλβιοπολῖται, находит аналогии в проксении Херигена. Немного более удлиненной получается строка 2. Принадлежность имени Πυρράλιος проксену бесспорна: хорошо видная в конце слова часть *омеги*, указывающая на дательный падеж, говорит о том, что это имя чествуемого лица. Окончание этникона — — — νησιτηι (строка 3), восстанавливаемое нами как наиболее вероятное [Χερσο]νησίτης, почти не оставляет места для имени отца, если исходить из количества 16—17 букв. Однако в том же декрете месембрийца Херигена, при общей строгой выдержанности количества букв, в строке 13 имеется отступление; здесь количество доходит до 21 буквы. Нам представляется, что и некоторая удлиненность строки 2 в издаваемой надписи не должна поколебать правильность восстановления этникона. Имя отца могло быть очень кратким, например Σιμίας. Известно, что внук херсонесца Симия в IV—III вв. до н. э. сделал посвящение Деве за своего отца Биона[7]. В таком случае возможное восстановление строки 2 — Πυρραλ-ίω[ι Σιμία Χερσο—] дает 19 букв. Не исключено, что неизвестное нам имя отца удлиняло строку и до 21 буквы. Разрыв между сохранившимися частями надписи может быть легко дополнен, исходя из тех же аналогий: речь идет об освобождении от пошлин на все товары, какие бы не ввез или не вывез сам Пирралий или его дети, или братья, или слуга.

О том, что несходящийся по излому с верхней частью надписи фрагмент В является частью декрета в честь Пирралия, свидетельствует тождество мрамора и его обработки, совпадение толщины плиты, размеры букв и характер письма[8]. В той и другой частях надписи мы наблюдаем одну и ту же орфографию — *гамму* вместо *ню* перед *каппой* рядом стоящего слова: [— — — προ]ξενίηγ κ[αὶ — — —] (А + Б. 3—4) ‖ [— — — —ἐκπλ]εῖγ κα[ὶ — — —] (В. 1).

В одной из проксений IV в. до н. э., происходящей из Магнезии на Меандре, также читаем: — — — προξενίαγ καί πολιτείαγ — — — καὶ εἰσαγωγῆγ καὶ ἐξαγωγῆγ[9]. В ранних ольвийских проксениях эта орфографическая особенность встречается впервые. Замена *ню гаммой* в рядом стоящих словах перед гортанным звуком имеется в более поздней ольвийской надписи, в декрете в честь Протогена[10]. Применение довольно редкой для Ольвии орфографии в издаваемых фрагментах надписи является дополнительным аргументом в пользу их объединения.

Новый декрет обращает внимание и своими грамматическими особенностями. Здесь, как и в проксении конца V в. до н. э. в честь Гераклеота[11], формулировка права входа в гавань и выхода из нее, передаваемая обычно именем существительным, дана глагольной формой εἰσπλεῖν, что, как отмечает И. Б. Брашинский, встречается в надписях крайне редко[12]. Это выделяет издаваемый декрет из серии ольвийских проксений IV в. до н. э. Отметим также и употребление ионического диалекта: προξενίηγ-προξενίαν (А+Б. 4).

---

[6] IPE, I², № 20.

[7] IPE, I², № 410.

[8] Для сравнения шрифта укажем на формы *эпсилон, ню, пи, сигмы*.

[9] Проксения в честь Мавсола (O. Kern. Die Inschriften von Magnesia am Meander. Berlin, 1900, стр. 3, № 4, стр. 18, 19).

[10] IPE, I², № 32, B. II ———αὐτοὺς τὴν τῶγ Γαλατῶν———

‖ B. 15 ————κατὰ τὴγ χώραν———

‖ B. 70 ————τῶγ χρημάτων———

[11] И. Б. Брашинский. Древнейшая ольвийская проксения. СА, 1963, № 3, стр. 191 и сл.

[12] Там же, стр. 194, прим. 10.

Приведенные сравнения с проксеническими декретами конца V и IV вв. до н. э. указывают на то, что декрет в честь Пирралия не выходит за рамки IV в. до н. э. Желательна, однако, более точная датировка этого наиболее раннего свидетельства о торговых связях Ольвии с Херсонесом. Некоторое уточнение даты может дать характер письма.

Надпись вырезана очень тщательно; строки ровные, буквы четкие; начертания их строго выдержаны [13]. Обращает внимание форма *ню* с укороченной правой вертикалью, *сигмы* с раскосыми чертами, *эпсилона* с равновеликими горизонталями, правильность треугольных очертаний *альфы*, *дельты*, *ламбды*, удлиненная форма *омеги* и другие признаки, свойственные греческому письму раннего периода. Начало первых строк дано в манере стойхедон, которая сбивается после третьей буквы.

Как известно, в ольвийских надписях догетского периода данные для их датировок отсутствуют. Единственным более или менее достоверным свидетельством является крайне фрагментарно сохранившееся посвящение с сигнатурой афинского скульптора Праксителя [14], которое, судя по характеру письма, позднее издаваемой надписи. Хорошо датированные надписи Боспора позволяют уточнить некоторые даты. Сопоставление со шрифтом декрета Перисада [15] показывает, что декрет в честь Пирралия ранее второй половины IV в. до н. э. В названной боспорской надписи характер письма менее выдержан, например, *сигма* местами дается почти с горизонтальными чертами. Местами на концах линий встречаются утолщения, черточки, отсутствующие в ольвийской надписи. Как отмечают А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович, эти особенности свойственны боспорскому письму второй половины IV в. до н. э.[16]

Большую близость обнаруживают боспорские надписи времени Левкона I. В посвятительной надписи Креусы, дочери Медонта, *альфа*, *дельта* и *ламбда* имеют правильные треугольные очертания, как и в издаваемой надписи; *сигма* — с раскосыми чертами [17]. Сходно по шрифту с проксенией Пирралия и постановление аркадян в честь Левкона (369 г.) [18] и др. Однако новый ольвийский декрет отличается от боспорских надписей времени Левкона еще большей строгостью письма. Здесь совершенно отсутствуют утолщения и небольшая изогнутость линий, уже наблюдаемая в боспорских надписях первой половины IV в. до н. э., в том числе и в названном посвящении Креусы [19].

Хотя, как говорилось, датированных ольвийских надписей, предшествующих первым векам н. э., почти не имеется, за последние годы раскопок Ольвии собрание ранних эпиграфических памятников значительно пополнилось серией надписей стойхедон с характерным для V в. до н. э. стилем письма, хорошо изученным по материалам Греции. Наиболее близки стилю письма проксении Пирралия ольвийские надписи стойхедон неясного содержания конца V в. до н. э.[20] и особенно проксения конца V в. до н. э. в честь гераклеота [21]. Эта близость объясняется отчасти и тем, что ольвийское письмо имело, безусловно, свои особенности развития, отличавшие его от письма Боспора.

---

[13] Ср., например, *ню* строки 4 (А+Б) и строки 2 (В), *сигму* строки 3 (А+Б) и строки 2(В); *ламбду* в строки 1 и строки 2 (А+Б), *эту* в строках 3 и 4 (А+Б) и др.

[14] IPE, I², № 271.

[15] А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. НЭ, 1962, III; стр. 14, рис. 5.

[16] Там же, стр. 12.

[17] Там же, стр. 13, рис. 4.

[18] IPE, II, № 6. Той же формы удлиненная *омега*, *сигма* и другие буквы сравниваемых надписей.

[19] О характере боспорского письма первой половины IV в. до н. э. см.: А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 12.

[20] Е. И. Леви. Ольвийская агора, стр. 105, рис. 66; стр. 106, рис. 67.

[21] И. Б. Брашинский. Указ. соч., стр. 192, рис. 1, 2.

Сопоставление с датированными боспорскими надписями показало, что новый декрет в честь херсонесца не позднее времени боспорского царя Левкона. Сравнение с ольвийскими надписями конца V в. до н. э. показывает, что вновь найденный декрет наиболее близок именно к ним. Однако строго выдержанная манера ранних надписей стойхедон здесь уже нарушена. Кроме того, если грамматические особенности сближают издаваемый декрет с проксенией гераклеота конца V в. до н. э., то трафаретность формулировки, свойственная IV в. до н. э., говорит за время не ранее IV в. до н. э. Исходя из изложенного мы приходим к выводу, что проксения Пирралию была дана ольвиополитами в самом начале IV в. до н. э. Она является наиболее ранним письменным источником о торговых связях Ольвии с Херсонесом; проксения позволяет говорить о том, что эти связи были установлены еще на ранних этапах существования Херсонеса Таврического.

В заключение отметим, что имя Πυρράλιος в надписях Северного Причерноморья встречается впервые. Оно не зарегистрировано в словаре Папе-Бензелера, отсутствует и у Бехтеля-Фика[22]. У Бехтеля-Фика имеется лишь близкое имя Πύρραλος. Таким образом, греческое в своей основе имя Πυρράλιος, которое носил херсонесит, является весьма редким именем, и с этой точки зрения новая ольвийская проксения пополняет ономастический материал городов Северного Причерноморья, в частности его юго-западного района.

---

[22] Не указано оно и Хансеном: B. Hansen. Rücklaüfiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin, 1957.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 109 1967 год

А. И. БОЛТУНОВА

АНТИЧНАЯ НАДПИСЬ ИЗ РАСКОПОК КОРЧЕВА

Весной 1963 г. при археологических раскопках, проводившихся в Керчи экспедицией Института археологии Академии наук СССР совместно с Керченским историко-археологическим музеем им. А. С. Пушкина, был обнаружен обломок мраморной плиты с фрагментированной греческой надписью. Камень найден в привязке раскопа I, примерно в 40 м к северо-востоку от новой абсиды церкви Иоанна Предтечи на глубине 0,5 м в мешаном слое засыпи, выше остатков средневековых зданий (хранится в Керченском историко-археологическом музее).

Поверхность плиты (рис. 7), обработанная для начертания надписи, частично сбита еще ранее того, как на ней была вырезана надпись: и сейчас мы видим, что в правой стороне фрагмента надпись вырезана по поверхности сбоя. Сохранились остатки двенадцати строк. Высота строк не одинакова: наименьшая — в строках 1—1 см, 2 и 3—1,4 см, наибольшая в строках 8 и 10—12 см и 11—2, 3 см. Помимо различной высоты строк и соответственно различного размера букв, строки 6 и 7 производят впечатление написанных рукою другого резчика на месте выскобленных. Обработанная поверхность плиты в этом месте нарушена, буквы вырезаны менее глубоко, более узки, расстановка их более тесная; различаются и формы некоторых букв. Так, например, форма *омеги* в строках 3, 6 и 8 — различная; тоже следует заметить и относительно *мю* в строках 5, 6 и 9. В конце сохранившихся частей строк 7 и 8 вырезан растительный орнамент в виде плющевого листка (в строке 8), с извилистым стеблем из двойной линии с утолщением на кончике (в строке 7).

Надпись издается по описанию, эстампажу и фотографии И. Б. Зеест.

Текст надписи:

— — — — — — — — — — — — — —
1. — — — — — — — o — — — — — —
— — — — — — [Δασ]σει, — — — —
. — — — — — — ὁδ]ω[ρ]ος ὁ ἐ[πὶ —
— — — — — —M]ήνιος Ἡλί[ου?—
5. — — — — — —διὰ] ἐπιμελητῶν τ̣—
— — —ος, Σαμβίων ἐπὶ τῆ̣[ς] —
— — — —ο καὶ Ao[σας?]— —
— — — ς Φίλω[νο]ς — — — —
— — —[κα]ὶ γραμματ[εὺς]— —
10. ει τε κ[αὶ]— — — — — — —
— — — — — — λλι.η — — — —
— — — — — — ι̣ ε̣ — — — — —
— — — — — — — — — — — —

Строка 2 — [Δασ]σει: дополнение ср. КБН 1145,7. Строка 4 — [M]ήνιος: возможно также дополнение [Νουμ]ήνιος; однако имя Νουμήνιος, в первые века н. э. часто всречающееся в надписях Горгиппии и некоторых других пунктов азиатского Боспора, на европейском Боспоре почти не встречается, в то время как Μήνιος в надписях Пантикапея встречается чаще. Ἡλί[ου]: возможно также дополнение Ἡλι[οδώρου] . Строка 6 — Σαμβίων: после *беты* видны остатки полустертой *иоты*. Строка 7 —

Рис. 7. Корчев. Античная надпись

Ao[σας]: имя это известно только в одной, пока не изданной горгиппийской надписи II в. н. э.

Сохранившиеся обрывки текста содержат перечень имен. Некоторые из них сопровождаются указанием должностей, которые занимали поименованные лица. Среди них были начальники административных округов или скорее ведомств: в строке 3 — [— — — ὁδ]ω[ρ]ος ὁ ἐ[πὶ — — —] и в строке 6 — Σαμβ ίων ἐπὶ τῇ[ς — — —]. Характерно, что оба эти лица поименованы без отчества. Подобные случаи встречались и раньше; надпись, найденная в 1938 г. на хребте Юз-Оба, вероятно надгробная, содержит имена трех лиц, чиновников финансового аппарата боспорского царства, также поименованных без отчества. По мнению Ю. Ю. Марти, издавшего эту надпись [1], названные в ней лица были отпущенниками. Тоже, быть может, возможно предположить и относительно Самбиона и другого лица с неполностью сохранившимся именем. Упоминание в строке 5 эпимелетов ([διὰ]ἐπιμελητῶν) свидетельствует о том, что речь идет о каком-то строительстве или ремонте, и, таким образом, издаваемая надпись должна быть отнесена к разряду надписей о строительстве. В утраченных начальных строках надписи после обычного Ἀγαθῇ τύχῃ и упоминания правящего царя сообщалось, вероятно, о строительстве или ремонте какого-то капитального сооружения и были названы лица, от имени которых оно воздвигнуто; обрывки их имен содержатся в первых трех строках сохранившегося текста. В строках 6—9 дан перечень эпимелетов строительства и упомянут секретарь; что содержалось в следующих строках, предшествовавших дате надписи по боспорской эре, не ясно.

По характеру письма надпись следует отнести к середине или второй половине II в. н. э.

[1] Ю. Ю. Марти. Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина. ВДИ, 1941, № 1, стр. 211, 212.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

И. Г. ШУРГАЯ

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ИМПОРТА В КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ОЛЬВИИ

В собрании Одесского Государственного археологического музея имеется сероглиняная амфора, происходящая из ольвийского некрополя [1]. Амфора обладает округлым туловом, высоким прямым горлом и удлиненными ручками, изгиб которых находится выше венчика (рис. 8). Сосуд стоит на высокой ножке с массивным валикообразным основанием и небольшим ступенчатым ободком над ним. Высота амфоры 0,46 м. Серая глина, из которой изготовлена амфора, характерна для местной ольвийской посуды [2]. Указанное обстоятельство надежно свидетельствует об ольвийском происхождении амфоры. Привлекает внимание необычность формы и характера оформления сосуда. Поверхность амфоры лощеная и за исключением нижней части тулова и ножки покрыта тонким слоем непрочного черного лака. На тулове сосуда с двух сторон оставлены незакрашенные лаком участки поверхности в виде больших квадратов. Один из них покрыт слоем разжиженной красной глины. На этом фоне, резко отделяющемся от остальной закрашенной лаком поверхности амфоры, была роспись. Рисунок, от которого сохранились лишь темные пятна, сделан, по-видимому, черной краской и воспроизводил, таким образом, систему оформления привозных чернофигурных эллинистических амфор. Восстановить роспись из-за плохой сохранности не удалось. В ряде мест осыпался и красноглиняный фон.

Аналогии нашей амфоре обнаружены среди эллинистических панафинейских амфор, форму которых с незначительным нарушением пропорций она воспроизводит. Характерно и то, что чернофигурная роспись, украшающая позднепанафинейские амфоры, как бы воссоздается на одном из незакрашенных лаком участков тулова. Подкраска этой части тулова амфоры разжиженной красной глиной имитирует естественный красноватый фон боковой поверхности панафинейской амфоры, на который наносился чернофигурный рисунок. Таким образом, мы заключаем, что сероглиняная амфора ольвийского производства весьма походит на панафинейскую амфору эллинистического времени.

Вопрос об эллинистических панафинейских амфорах получил достаточное освещение в современной археологической литературе [3]. Поздние пана-

[1] ОГАМ, 23036.

[2] Амфора изготовлена из той же глины, что и клейменые сероглиняные сосуды из помещения 5 здания А Ольвийской агоры, а также обломок рыбного блюда с лаковым покрытием, аналогичным покрытию публикуемой амфоры (Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1950, стр. 62, 63, рис. 21, 22; стр. 78—79, рис. 45, 3). О керамике указанного типа пишет Т. Н. Книпович (Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. Ольвия, т. I. Киев, 1940, стр. 158 и сл.: «керамика с глазурью черной, серой или коричневой» («чернолаковая» местная керамика).

[3] S. Daw. Panathenaic Amphorae from the Hellenistic Period. Hesperia, V, 1936, стр. 50—58; S. R. Edwards. Panathenaics of Hellenistic and Roman Times. Hesperia, XXVI, 1957, стр. 320—349.

финейские амфоры, продолжающие традиции панафинейских амфор классической поры, сохраняют все признаки их внешнего оформления: чернофигурный рисунок, агонистические сюжеты росписи, надписи. Изменение претерпевает их форма, приобретающая по сравнению с амфорами классического периода более удлиненные пропорции (рис. 9). Источники свидетельствуют, что эллинистические панафинейские амфоры широко распространяются в Средиземноморье, оказав в ряде центров известное воздействие на выпуск художественной керамики[4].

Рис. 8. Чернолаковая сероглиняная амфора из ольвийского некрополя (Одесский археологический музей)

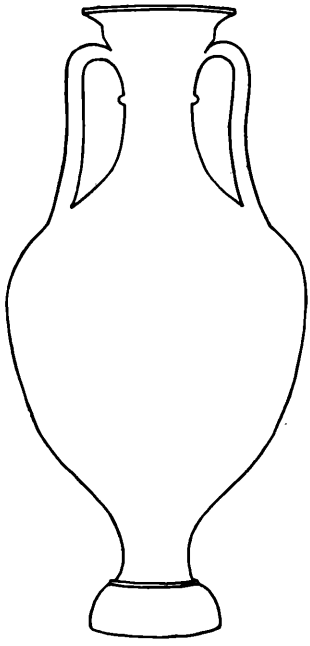


Рис. 9. Форма позднепанафинейской амфоры (образец)

Ольвийская амфора происходит из некрополя; она играла роль урны. Известны отдельные случаи применения панафинейских амфор в качестве урн, особенно в эллинистический период, однако на все время их существования за ними сохраняется их основное назначение как ваз призовых.

Нам известно, что в Александрии Египетской изготовлялись сосуды, весьма близкие по форме и росписи поздним панафинейским амфорам, предназначавшиеся наряду с вазами Гадра специально для погребального ритуала. Примером этого типа амфор служит ваза, найденная

[4] Изображения эллинистических панафинейских амфор отмечаются в ряде центров: на одной из делосских мозаик (R. Pagenstecher. Schwarzfigurige Vasen des vierten und dritten Jahrhunderts. Bulletin de la Societe Archeologique d'Alexandrie, № 14. Alexandrie. 1912, стр. 235), весьма часто на полихромных вазах Гадра (E. Breccia. La necropoli di Sciatbi, I. Le Caire 1912, стр; 27; G. R. Edwards. Указ. соч., стр. 348). Калликсений Родосский, автор конца III в. до н. э., сообщает о панафинейских амфорах в Александрии (Athenirei Deipnosophistarum, V, 199, d—e).

Б. В. Фармаковским в 1901 г. при раскопках ольвийского некрополя[5]. Форма сосуда, сюжет, исполнение его в технике чернофигурной росписи свидетельствуют о тесной связи с эллинистическими панафинейскими амфорами. Отсутствие надписей, изображения Афины на одной из боковых сторон тулова, место которого занимает агонистический сюжет, доказывает, что указанный сосуд — свободная интерпретация панафинейской амфоры. В серию с упомянутой амфорой входят и опубликованные Э. Р. Штерном амфоры, также происходящие из ольвийского некрополя[6]. По тематике росписи они еще дальше отстоят от панафинейских амфор, выдерживая однако общий характер их формы и схемы распределения орнамента. Орнамент двух из этих амфор по сюжету и технике исполнения чернофигурной росписи идентичен с характерным для некоторых гидрий Гадра узором[7]. Глина этих амфор совпадает с наиболее часто встречающейся у ваз Гадра разновидностью александрийской глины. Выпуск амфор этого типа в александрийских керамических мастерских находится в связи с проникновением подлинных панафинейских амфор в Александрию. Этим же объясняется и содержание росписей чернофигурных агонистических гидрий Гадра.

Рассмотренная группа александрийских амфор оказалась в Ольвии в результате торговли с Александрией, откуда в Северное Причерноморье доставлялся различный товар, в том числе и предметы, имеющие отношение к культу: пастовые амулеты, алебастровые сосуды, курильницы, некоторые виды керамики[8]. Подобный специфический греко-египетский импорт, наблюдаемый с начала эллинизма, оказал воздействие на местное керамическое призводство, причем, как нам кажется вероятным, связанное с погребальным ритуалом. К. И. Зайцева опубликовала группу ольвийской керамики, выделив две ее разновидности: курильницы и амфоры с круглым или плоским дном на подставке[9]. Убедительно доказав местное ольвийское происхождение этих видов керамики, К. И. Зайцева правильно связала их с погребальным культом[10]. К сказанному К. И. Зайцевой необходимо добавить, что опубликованные ею амфоры генетически восходят к привозным александрийским амфорам с чернофигурной росписью как по форме, так и в отдельных элементах декорировки. Любопытно, что заимствуя форму привозных александрийских ваз, продолжающих традиции панафинейских амфор, местные амфоры воспринимают систему обработки тулова под росписью и отдельные ее мотивы от полихромных ваз Гадра, характеризующихся белой гипсовой облицовкой и яркими красками росписи.

---

[5] Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, 1903, стр. 28 и сл., рис. 15 *а, б, в, г;* В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 276.

[6] Э. Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике. ЗООИД, XXVIII, 1910, стр. 163—165, табл. I, *4;* табл. II, *3, 2.*

[7] Ср.: гидрия стиля Гадра из Каирского музея с изображением грифонов, № 26238 (C. C. Edgar. Greek vases. Le Caire, 1911, стр. 42, табл. XVI), гидрии с изображениями дельфинов из Нью-Йорка (R. Pagenstecher. Dated sepulchral vases from Alexandria. AJA, XIII, 1909, табл. XI, *15*), из Александрийского музея (A. Adriani. Annuaire du Musee Gréco-Romain, III. Alexandrie, 1952, табл. X, *2*).

[8] О находках египетских предметов в Северном Причерноморье см.: в Б. Б. Пиотровский. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, № 6, 1931, стр. 28 и сл. Э. А. Сымонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского. СА, 1961, № 1, стр. 270 и сл. Из ольвийского некрополя происходит хранящаяся в Государственном Эрмитаже александрийская известняковая курильница. Изготовленная в виде полого квадрата с ажурными стенками, курильница расписана красной краской. Аналогичная курильница из франкфуртского музея издана К. М. Кауфманом (C. M. Kaufmann. Graeco-Agyptische Koroplastic. Leipzig-Kair, 1915, табл. 67). Выше была упомянута статья Э. Р. Штерна, содержащая публикацию чернофигурных александрийских амфор.

[9] К. И. Зайцева. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры). ТГЭ, т. VII. Л., 1962, стр. 184 и сл.

[10] Там же, стр. 196, 202.

Публикуемая амфора по форме и назначению близка указанной группе ольвийских амфор, однако находится в еще более тесной связи с привозными александрийскими вазами. Отличие формы ее от последних сводится к своеобразному оформлению верхней части. Александрийские амфоры, так же как и поздние панафинейские, форму которых они усвоили, завершаются широким раструбом венчика, как бы налегающего на изгиб ручек. Основания ручек присоединяются к опоясывающему участок горла ниже венчика кольцевому выступу. У ольвийской амфоры отсутствует широкий, выгнутый наружу венчик и верхняя часть горла, начиная от того места, где у александрийских ваз и их прототипов — панафинейских амфор — имеется упомянутый кольцевой выступ. Это отклонение от формы, взятой гончаром в качестве образца, объясняется тем, что, копируя привозную амфору на гончарном круге, гончар не прилепил к ней верхней части горла с широким отогнутым венчиком, а к опоясывающему горло кольцевому выступу присоединил концы ручек. Таким образом, даже при наличии указанного отклонения от копируемого образца мы убеждаемся, что ольвийский гончар воспроизвел форму агонистических погребальных ваз, выпускавшихся в Александрии по типу позднепанафинейских амфор. Связь с александрийскими амфорами, датируемыми III в до н. э.[11], позволяет датировать этот сосуд тем же временем.

Амфоры местного производства, о которых речь шла выше, отличаются от привозных александрийских ваз значительнее, чем публикуемый сосуд. Они имеют меньшую высоту, более короткое основание ножки и плавный переход от плечиков к тулову, тогда как у нашей амфоры весьма резкий изгиб плечиков. Усвоив от александрийских амфор общий характер формы, свойственной также и эллинистическим панафинейским амфорам, ольвийские гончары выработали свой, самобытный тип формы амфоры, предназначенной для погребального культа.

Публикуемая амфора, имитирующая в традициях местной сероглиняной керамики форму и схему декора александрийских ваз, одновременно близка вышеописанной группе ольвийских ритуальных амфор. Она как бы составляет переходное звено между александрийскими вазами и указанными ольвийскими амфорами. Отмеченное обстоятельство помогает нам понять генезис местной группы ольвийских амфор, свидетельствуя о значительном влиянии импорта александрийской эллинистической керамики на керамическое производство Ольвии.

---

[11] Э. Р. Штерн. Указ. соч., стр. 160. Датирование Э. Р. Штерном импортной александрийской керамики весьма суммарно — ранний эллинизм. Примечательно, что ольвийская сероглиняная керамика, в технике которой исполнена наша амфора, датируется Е. И. Леви концом IV—III вв. до н. э. (Е. И. Леви. Материалы ольвийского теменоса. Ольвия. М. — Л., 1964, стр. 257).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

В. И. ПРУГЛО

СИНОПСКИЕ АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА ИЗ МИРМЕКИЯ

В течение последних девяти лет на городище Мирмекия ведутся возобновленные в 1956 г. интенсивные археологические исследования. В результате этих работ раскопаны значительные участки городских кварталов, добыт обильный и разнообразный материал, освещающий различные стороны жизни древнего города. Вместе с тем благодаря раскрытию культурных напластований на обширных площадях получена возможность изучить значительные группы вещественного материала, уточняя его датировку на основании стратиграфических данных. В частности, интересные наблюдения в этом плане удалось сделать относительно керамических клейм, обнаруженных в культурных отложениях второй половины IV в. до н. э.

Слои второй половины IV в. до н. э. исследовались в северном секторе участка И, начиная с 1957 г. В настоящее время, т. е. после сезона полевых работ 1964 г., эти слои изучены на площади 225 м^2.

На квадратах северного сектора наблюдается очень четкая стратиграфия напластований. Здесь, на глубине 0,40—0,60 м от современной поверхности городища (т. е. на отметке +10,20/10,40 м) [1] прослежен верхний горизонт отложений зольного алтаря эллинистического времени («зольник II»), большая часть которого уже раскопана [2]. Массив культурных наслоений «зольника II», глубиной до 2,50—3 м, состоит из чередующихся зольных и глинистых прослоек, обильно насыщенных разнообразным вещевым материалом, причем на вертикальных разрезах отлично прослеживается мелкослоистая структура насыпи. На глубине +7,60/7,80 м зольник II заканчивается. Ниже выявлен желтый глинистый слой, четко отделяющийся по цвету и по составу от перекрывавших его напластований «зольника II». Глинистый слой, заключающий в себе довольно большое количество бута, образовался очевидно в результате разборки каких-то каменных строений, занимавших исследуемую часть города до возникновения здесь раннеэллинистического зольного алтаря. Раскопка глинистого слоя дала обломки чернолаковых сосудов V—IV вв. до н. э., пантикапейские медные монеты второй половины IV в. до н. э.[3] Тщательное изучение материала из «зольника II», перекрывшего этот слой, показало, что «зольник II» возник примерно около 320-х годов до н. э.[4] Таким образом, мы имеет terminus ante quem для слоя, залегающего под «зольником II».

---

[1] При раскопках Мирмекия применяется двойная система замеров глубин — от современной поверхности и от уровня моря (второй показатель со знаком «плюс»).

[2] В. Ф. Гайдукевич. Зольники — эсхары Мирмекия. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 17 и сл.

[3] Ср.: Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, *55*, *57*.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 17.

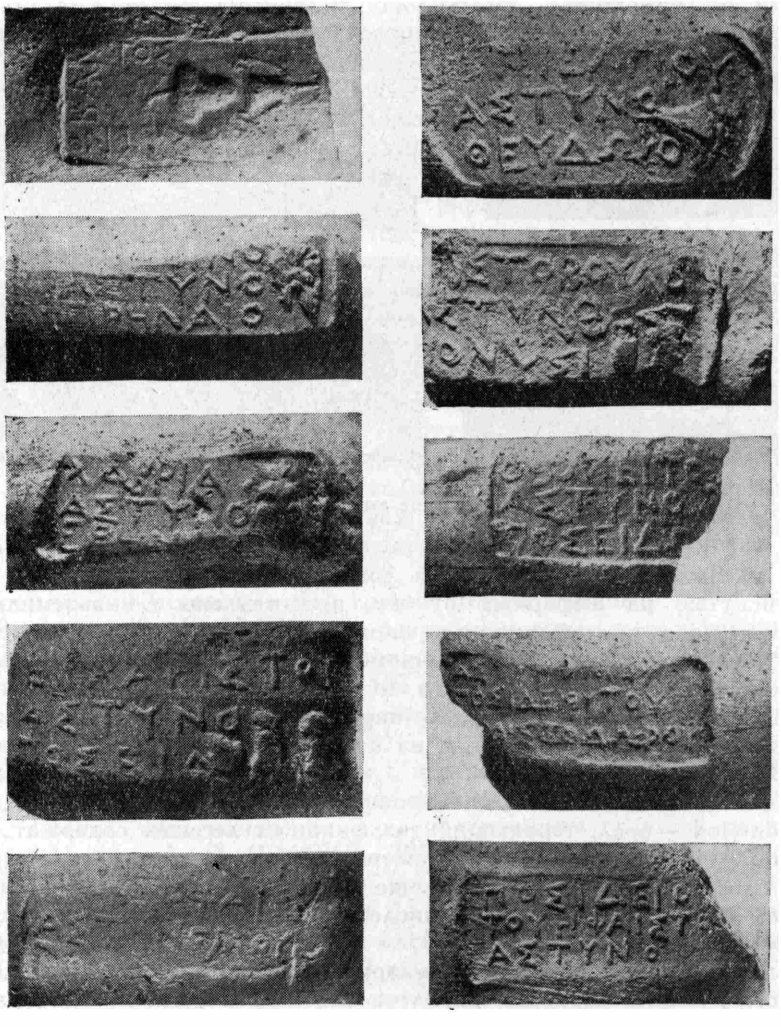


Рис. 11. Синопские амфорные клейма

Кроме северного сектора, слой IV в. до н. э. изучался при расследовании помещений, открытых в восточных квадратах того же участка И.

В слоях IV в. до н. э. найдено 130 керамических клейм (рис. 10), которые распределяются по центрам следующим образом: 64 синопских, 38 гераклейских, 8 фасосских, 4 хиосских (2 клейма — в виде вдавленных кружков, 2 — сфинкс перед амфорой)[5], 1 — мендское (Дионис верхом на осле)[6]. 15 неизвестных центров. В настоящей публикации рассматриваются

[5] Аналогичное клеймо см.: Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах из Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 215, табл. III, *6*.

[6] Принадлежность Менде анэпиграфного клейма в виде Диониса с канфаром в руке, возлежащего на осле, установлена В. Грейс на основании идентичности этого изображения аверсу мендских серебряных тетрадрахм. Мендское клеймо, известное тогда лишь в одном экземпляре, было найдено на афинской агоре (V. Grace. Standart Pottery Containers of Ancient Greek World. Hesperia, Suppl. VIII, 1949, стр. 178, 186, табл. XX, *1*). В дальнейшем там же обнаружено еще два мендских клейма (P. Corbett. Attic Pottery of the Later Fifth Century from the Athenian Agora. Hesperia, XVIII, 1949, № 4, стр. 345, № 166, табл. 98, *7*; C. Boulter. Pottery of the Mid — Fifth century from a Well in the Athenian Agora. Hesperia. XXII, 1953, № 2, стр. 107). Два из трех афинских клейм найдены в археологических комплексах конца V в. до н. э. Кроме того, три мендских клейма найдены на территории Северного Причерноморья; два — в Ольвии,

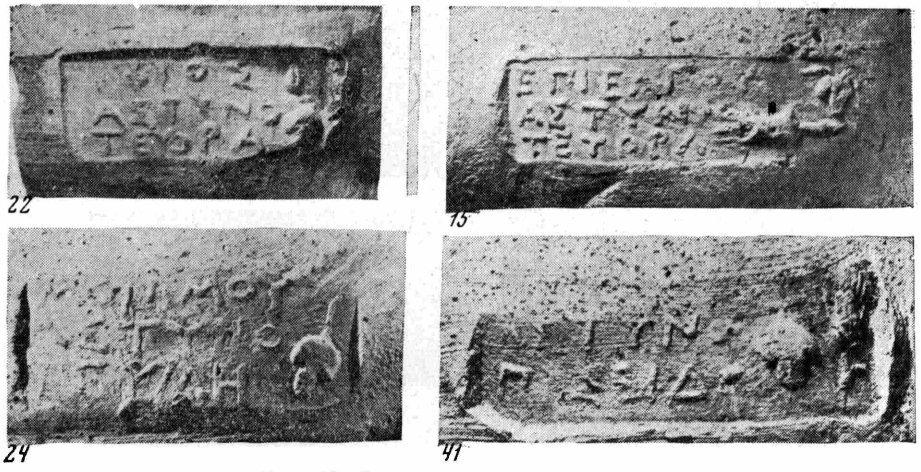


Рис. 10. Синопские аморфные клейма.

только клейма Синопы. В нашем мирмекийском комплексе эти клейма, оттиснутые на амфорных ручках, представлены 64 экземплярами. 13 клейм не поддается чтению из-за плохой сохранности; кроме того, в двух клеймах не оттиснулись имена астиномов. Таким образом, в нашем распоряжении 49 полноценных клейм с именами 23 астиномов (в список клейм, приложенный в конце статьи, наряду с этими 49 клеймами, включены также упомянутые два клейма, на которых имена астиномов не оттиснулись).

Наиболее ранними клеймами настоящей коллекции являются два клейма с эмблемой — орел, терзающий дельфина; их легенды содержат имена астиномов Аполлодора (№ 1) [7] и Гистиея (№ 2). Присутствие указанных клейм в слое второй половины IV в. до н. э. вполне объяснимо, поскольку астиномы этих клейм входят в число наиболее ранних (группа 1А, по Б. Н. Гракову) [8].

Большинство экземпляров рассматриваемого комплекса принадлежит уже к последующим периодам развития синопского клеймения, когда эмблема (орел, терзающий дельфина), заимствованная из монетной эмблематики Синопы, уступает место другим разнообразным изображениям.

В легенде этих клейм название магистратуры помещено между собственными именами, из коих первое принадлежит астиному. Преобладает написание магистратуры в сокращенной форме (ἀστυνο, ἀστυνομο), но имеются также клейма с полным обозначением магистратуры (ἀστυνόμου).

Особо должно быть отмечено клеймо с именами астинома Ифиса и гончара Посидония, отличающееся построением легенды (№ 24). В первой строке этого клейма помещено имя гончара, во второй — имя астинома, название магистратуры занимает третью строку. Кроме того, надлежит упомянуть присутствие в комплексе клейм астинома Посидея, сына Гефестодора (№ 35—37), не содержащих имени гончара.

Ряд астиномов, фигурирующих на рассматриваемых ручках, представлен несколькими клеймами, в которых астиномы выступают в сочетании с различными гончарами. Так, например, найдено пять клейм с именем Эпиэльпа, в нескольких вариантах имеются клейма астиномов Эсхина,

одно — вероятно, в Пантикапее (И. Б. Брашинский. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э.; «Нумизматика и эпиграфика», вып. III, 1962, стр. 45 и сл.). Таким образом, мендское клеймо, происходящее из Мирмекия, по счету — седьмое.

[7] Номера относятся к списку клейм, помещенному в конце статьи.

[8] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 119.

Аристобула, Гикесия, Протофана, Полихарма, Посидония (с эмблемой треножник), Хабрия, Филона [9]. Астином Моним представлен двумя ручками, клейменными одним и тем же штемпелем.

Большинство мирмекийских клейм относятся к IБ и II хронологическим группам Б. Н. Гракова [10]. Однако в этом же слое, верхняя граница которого не выходит за пределы двух последних десятилетий IV в. до н. э., присутствуют амфорные ручки уже упоминавшихся астиномов Ифиса, Посидея Гефестодорова; также зарегистрировано пять ручек (№ 30—34), в первой строке которых читается имя астинома — Посидоний, сопутствуемое на указанных клеймах разными эмблемами. В этих клеймах мы безусловно сталкиваемся с тремя омонимами, хорошо различающимися по их характерным эмблемам — треножник (№ 30, 33), гроздь и палица (№ 31—32), свернувшаяся змея (№ 34). Находка в нашем комплексе ручек с именами названных сейчас пяти астиномов — Ифиса, Посидея, Гефестодорова и трех Посидониев вызывает особый интерес. Как известно, они входят в III хронологическую группу Б. Н. Гракова [11].

Кроме того, наряду с астиномными клеймами слой второй половины IV в. до н. э. в Мирмекии дал несколько клейм, в которых астином не назван, а имеется лишь имя и отчество с обозначением профессии —κεραμέως.

Таковы клейма керамевсов Феодора Посидониева, Нумения Дионисиева и Притания Феопропова (№ 48—51), которых принято считать одновременными астиномам III группы Б. Н. Гракова [12].

Напомним, что Б. Н. Граков, разработав схему классификации астиномных клейм, предложил датировать первые три группы так: конец IV в. — 270 г., 270—220 гг., 220—183 гг. до н. э. [13] Мы не приводим здесь хронологических определений остальных трех групп, поскольку в нашем материале клейм этих групп нет.

Как известно, позднее в связи с передатировкой той серии синопских монет, сличением с которой было определено время клейм I группы, Б. Н. Граков внес изменения в хронологические границы первых двух групп, отодвинув I группу к 360—330 гг., а II группу, соответственно к 330—260 гг. до н. э. [14] Вопрос о времени последующих четырех групп оставлен им открытым. Недавно И. Б. Брашинский предложил новую шкалу абсолютных дат синопских клейм [15], в которой первые три группы отнесены к 360—320 гг., 320—270 гг., 270—220 гг. до н. э., т. е. временные границы этих групп сдвинуты примерно на 50 лет вглубь по сравнению с первоначальными датировками Б. Н. Гракова [16]. Итак, если руководствоваться новейшей хронологической шкалой, то мирмекийский комплекс следовало бы отнести к 270—220 гг. до н. э., так как в нем присутствуют

---

[9] В нашем списке приведено только одно клеймо астинома Филона (№ 41). Хотя в этом клейме читается лишь имя гончара и название магистратуры, принадлежность клейма упомянутому астиному подтверждается характерной эмблемой — гроздь над канфаром, помещенной в центре, и расположением надписи по сторонам четырехугольника. Ввиду плохой сохранности второго клейма мирмекийской коллекции с именем астинома Филона (М/62—415), в прилагаемом списке оно опущено.

[10] Ср.: Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 113 и сл.

[11] Там же, стр. 133, 134. Б. Н. Граковым в списке астиномов III группы названы лишь «Ποσειδώνιος I, иногда с отчеством ὁ Αἰσχίνου и с разными эмблемами» и «Ποσειδώνιος II с эмблемой перевитая змея». В настоящее время становится очевидным, что под именем Посидоний I скрываются скорее всего три омонима. Два из них фигурируют на мирмекийских клеймах (№ 31—33), третий — Ποσειδώνιος ὁ Αἰσχίνου в клеймах рассматриваемого комплекса не зарегистрирован.

[12] Там же, стр. 135.

[13] Там же, стр. 112, 122, 131.

[14] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 90; ср.; сб. «Ольвия». М. — Л., 1964, стр. 308, прим. 55.

[15] И. Б. Брашинский. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. Сб. «Античный город». М., 1963, стр. 133.

[16] Таким же путем пересмотрел И. Б. Брашинский даты остальных трех групп Б. Н. Гракова.

СПИСОК

клейм мирмекийского комплекса

№	Шифр	Легенды	Эмблемы	Аналогии *
1	2	3	4	5
1	М/62—650	πὶ Ἀπολλοδώρου | ἀστυνό ἐ(μου). | Ἀρχεπτο (λέμου)	Орел, терзающий дельфина (вправо)	ИКК, стр. 81, № 400, 401
2	М/58—2044	Ἱστιαίο(υ) | ἀστυνό (μου).| Ὀρθου	То же	ИКК, стр. 92, № 628
3	М/61—204	Αἰσχίνο (υ) | ἀστυνό (μου). | Διονυσίο (υ)	Цветок лотоса	ИКК, стр. 84, № 461
4	М/62—439	[Αἰσχί]νο (υ) | ἀστυνό(μου).| Εἰρηναίο (υ)	Маска Силена (?) в профиль (вправо)	
5	М/62—382	[Αἰσχίνου] | ἀστυνό(μου). | Φιλοκρά (του)	Венок	ИАК, вып. 11, стр. 64, № 246
6	М/64—786	Ἀριστοβούλο (υ) | [ἀ] στυνό (μου). | [Δ] ιονυσίο (υ)	Амфора (?), голова Гермеса (вправо)	
7	М/60—713	[Ἀριστ] οβούλο (υ) | [ἀστυ] νό(μου). | [Μαντι] νέ (ου)	Сосуд, голова Гер са (вправо)	К — 4504
8	М/62—610	[Ἀρι] στοβο[ύλου] | [ἀ] στυνό (μου).| [Χα] βρία	Палица, голова Гермеса (вправо)	ИКК, стр. 85, № 486
9	М/58—1862	[Ἀρι] στοκλέου]ς] | [ἀσ]-τυνό-(μου).|Ἀρισταγόρο[υ] | [τοῦ Πολύκτορος]	Бык (влево)	ИКК, стр. 82, № 414, табл. XII 12
10	М/58—1861	Ἀρισ [τοκλέους] | ἀστυ-[νόμου].| Ἡρακ [λείδου]		К—4581
11	М/64—1074	[Ἐπιέλπου] |ἀστυνό (μου).| Διονυσίο (υ)	Сосуд, гроздь	ИКК, стр. 88, № 550
12 13	М/64—1070 —1071	[Ἐ] πιέλπου | ἀστυνό(μου).| θευδώρου	Цветок	К—4538
14	М/64—1073	Ἐπιέλπου | ἀστυνό (μου).| [Μ] αντι [θέου]	Гроздь	К—5402
15	М/61—279	Ἐπιέλπου | ἀστυνό (μου).| Πρυτάνι (ος)	Раковина (?)	ИКК, стр. 89, № 557
16	М/64—1072	Ἐπιέλπου | ἀστυνό (μου).| Τεύθρα	Колос, гроздь	ИКК, стр. 89, № 559
17	М/59—326	Εὐχαρίστου | ἀστυνό (μου).| Ποσειδ (ωνίου)	Гроздь, лев (влево), голова в профиль (влево)	ИКК, стр. 89, № 564
18	М/62—628	[Ἡφαιστίου] |ἀστυνό (μου).| Εἰραναί (ου)		К—4446
19	М/62—757	θεογείτο (υ) ἀστυνό (μου).| Ποσειδω [νίου]		К—4598
20	М/58—1866	Ἰκεσίου | ἀστυνόμου. | Ποσειδωίου	Цветок граната, слон (вправо)	ИКК, стр. 91, № 607
21	М/58—1856	Ἰκεσίου | ἀστυνόμου.| Σαγάριος	Слон (влево), гроздь, колос	ИКК, стр. 91, № 609—611
22	М/58—1621	Ἰστικῶνος | ἀστυνό (μου).| θευδώρου	Цветок, амфора	
23	М/60—435	Ἰφιος |ἀστυνό(μου).|Τεύθρα	Колос, гроздь	К—5380
24	М/62—542	Ποσειδωνίου. | Ἰφιος | ἀστυνόμου	То же	К—4738
25 26	М/64—1046 —843	Μονίμου | ἀστυνό (μου).| Νευμη (νίου)	Гроздь	
27	М/62—758	[Ὀμ] φαλίκου | [ἀ] στυνό (μου).| [Π]οσειδω (νίου)	Цветок граната	ИКК, стр. 95, № 685 табл. XI, 1

№	Шифр	Легенды	Эмблемы	Аналогии *
1	2	3	4	5
28	М/58—1867	[Πολυ]χάρμου | ἀστυνόμου. | [Π] ρυτάνιος	Раковина, сосуд	
29	М/58—1854	[Πο] λυχάρμου | [ἀσ] τυνό (μου). | [Στ] εφάνου	Венок, сосуд	К—4658
30	М/62—576	Ποσειδωνίο(υ) | ἀστυνό(μου). | [Δι] ονυσίο (υ)	Керикеон, треножник	ИКК, стр. 96, № 711
31 32	М/58—1545 —1655	Ποσε[ιδωνίο]υ | ἀστυνό(μου). | [Καλλ] ισθέ (νους)	Палица, гроздь	ИКК, стр. 96, № 714
33	М/60—717	[Πο] σειδωνίο (υ) | [ἀσ] τυνό (μου). | [Μα] νέω	Гроздь, колос, треножник	СА, 1958, № 1, стр. 63, рис. 32
34	М/58—1864	Ποσ[ειδωνίου] | ἀστυ[νόμου]. | Τεύθρα | τοῦθυμο [χάρους]	Змея	ИКК, стр. 84, № 454
35	М/58—2135	Ποσιδείου | τοῦ Ἡφαισ | τοδώρο (υ) | ἀστυνό (μου)		ИКК, стр. 84, № 452
36	М/58—1855	Ποσιδείου | τοῦ Ἡφαιστο(δώρου) | ἀστυνόμου		ИАК, вып. 11, стр. 80, № 333
37	М/62—550	ἀστυνόμου | Ποσιδείου τοῦ | Ἡφαιστοδώρου		ИКК, стр. 77, № 322—323
38	М/60—710	[Πρ] ωτοφάνο [υς] | ἀστυνόμου. | Γόλ [αντος]	Неясная	
39 40	М/58—1573 М/62—450	[Πρωτο] φάνους | ἀστυνόμο-(υ). Ποσειδωνί (ου)	Цветок граната	ИКК, стр. 97, № 734
41	М/62—662	[ἐπὶ Φίλωνος] ἀστυνό(μου). | Βάντος	Гроздь над канфаром	ИКК, стр. 98, № 753
42	М/58—1579	Φόρβα | ἀστυνό (μου). | Τεύθρα	Сосуд (слева)	ИКК, стр. 99, № 773
43	М/62—409	Χαβρία | ἀστυνό (μου). | Ε (ἰ)ρηνᾳ [ίου]	Маска Силена впрямь	К—4493
44	М/64—898	Χαβρία | ἀστυνό (μου). | Μανέω	Лук	К—5392
45	М/64—1059	[— — — | ἀστυνόμου. | Ποσειδω (νίου)	Гроздь, колос	
46 47	М/58—1859 М/62—259	[— — — | ἀστυνόμου. | Ποσειδω (νίου)	Палица	
48 49	М/58—1857 М/62—551	[θευδώ] ρος | Ποσειδωνίου | κεραμέυς		ИАК, вып. 51, стр. 131, № 7
50	М/58—1547	κεραμέως | Νουμηνίου | τοῦ Διονυσίου		ИКК, стр. 94, № 683
51	М/61—299	[Πρυτάνιος τοῦ] | θευπρόπου | κεραμέως		ИКК, стр. 128, № 5, 6

* К — клейма из собрания Керченского историко-археологического музея.

клейма III группы. Однако такая поздняя датировка опровергается всей суммой археологических показаний этого комплекса.

Мы не будем здесь обсуждать правильность новых абсолютных дат синопских клейм. Цель настоящей статьи гораздо уже. Она заключается в том, чтобы привлечь внимание к выводам, которые могут быть сделаны на материале мирмекийского комплекса. Они сводятся к следующему.

Прежде всего можно утверждать, основываясь на бесспорных стратиграфических данных, что все публикуемые клейма относятся еще к IV в. до н. э. Присутствие в наших клеймах имен астиномов Ифиса, Посидея Гефестодорова и нескольких Посидониев, включавшихся до сих пор в III хронологическую группу Б. Н. Гракова, доказывает, что эти астиномы относятся к более раннему времени. Из всех астиномов публикуемых клейм Посидоний с эмблемой в виде свернувшейся змеи и Посидей Гефестодоров являются самыми поздними, но не позднее 20-х годов IV в.

В этот же период времени в Синопе возникает обычай, не получивший, по-видимому, широкого распространения, распределять содержание легенды астиномного клейма между двумя отдельными штемпелями. Такой вывод подтверждается, с одной стороны, находками в Мирмекии в слое второй половины IV в. клейм астинома Посидея Гефестодорова, в которых имя гончара не названо, а, с другой стороны, обнаружением там же клейм керамевсов, содержащих имена с отчествами и определитель κεραμέως[17].

Напомним, что среди находок Зеленского кургана имеются клейма астинома Посидея Гефестодорова, оттиснутые на ручках двух фрагментированных амфор. На вторых ручках этих амфор стоят клейма керамевса Гикесия Дионисиева[18]. Основываясь на находке в Зеленском кургане обломка панафинейской амфоры с частично сохранившимся именем архонта Νεαίχμος (320—319 гг.), В. В. Шкорпил определил время сооружения кургана концом IV или первыми десятилетиями III в. до н. э., датировав этим же периодом и весь комплекс обнаруженных в нем клейм.

Теперь, после изучения клейм мирмекийского комплекса, становится очевидным, что, в частности, клейма астинома Посидея Гефестодорова должны датироваться более ранним временем. Сказанное в полной мере касается также найденных в Зеленском кургане клейм астинома Аристокла, которые, по данным нашего комплекса, не выходят за пределы 20-х годов IV в.

Сопоставляя большие серии синопских клейм по развитию их легенды, характеру начертания имен, основываясь на синхронности имен астиномов и гончаров, мы пришли к заключению, что двум астиномам нашего комплекса — Посидонию с эмблемой — свернувшаяся змея и Посидею Гефестодорову, исполнявшим свои магистратские обязанности где-то в 20-е годы IV в., предшествуют все астиномы I группы и большая часть астиномов II группы Б. Н. Гракова. Клейма астинома Ифиса также принадлежат второй половине IV в.

---

[17] В. И. Цехмистренко, сопоставив комплексы Зеленского и Павловского курганов, высказался о возможности датировать клейма этого типа концом IV — началом III в., или даже последней четвертью IV в. до н. э. (См.: В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА, 1960, № 3, стр. 71).

[18] В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. ИАК, вып. 51, 1914, стр. 125, № 22.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

И. Б. БРАШИНСКИЙ

ЕЩЕ РАЗ ОБ АФИНСКОМ ДЕКРЕТЕ 323/2 г. до н. э.

В 1959 г. мною была опубликована статья «Афинский декрет 323/2 года до н. э.» [1], посвященная изучению фрагментированной надписи из раскопок Афинской агоры, изданной Ю. Шуайгертом в 1939 г. [2] Эта надпись привлекла мое внимание потому, что в ней отчетливо восстанавливалось название Боспора, и тем самым она приобретала интерес для изучения истории взаимоотношений Боспорского государства с Афинами.

Основные выводы, к которым я пришел в названной статье, сводились к следующему. В декрете бесспорно восхваляется лицо, оказывавшее услуги афинянам, приезжавшим на Боспор. Поскольку сохранившиеся остатки строки 30 и следующих допускают возможность восстановления в них постановления об установке бронзовых статуй (или одной статуи) членов (или члена) династии боспорских Спартокидов, можно предположить, что декрет был принят в честь Перисада I, а может быть также и членов его семьи.

Во время работы над статьей и ее публикации мне было недоступно повторное издание надписи, осуществленное Шуайгертом в 1940 г. [3], из-за его отсутствия в наших библиотеках. Ему удалось к этому времени обнаружить еще пять обломков, принадлежащих к рассматриваемому декрету, два из коих были уже ранее изданы в IG II^2 под № 414в и 414с. Последний из них соединился с обломком С надписи. Таким образом, к декрету относится не 6, как утверждалось в первом издании, а 11 фрагментов (А—К).

Новые фрагменты привели к некоторым изменениям в чтении надписи. Так, например, выяснилось, что имя секретаря, при котором было принято постановление народного собрания, было не Евклес, как предполагалось ранее, а Архий. Более существенными являются изменения в чтении и уточнения, вызванные соединением фрагментов С и J (IG II^2, 414 с).

---

[1] КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 3 и сл.

[2] E. Schweigert. Greek Inscriptions. Hesperia. VIII, 1939, стр. 27 и сл., № 7.

[3] E. Schweigert. Greek Inscriptions. Hesperia, IX, 1940, стр. 335 и сл., № 42. Мое внимание обратил на это издание проф. А. Г. Вудхэд из Кембриджа, являющийся ныне издателем «Supplementum Epigraphicum Graecum». Проф. Вудхэд сообщил мне в письме от 16 декабря 1964 г., что указанная надпись со всеми дополнительными восстановлениями включается в подготавливаемый в настоящее время к публикации XXI том названного издания. Отмечая, что там учитываются и предложенные мною восстановления, он указывает вместе с тем, обращая мое внимание на повторную публикацию Шуайгерта, что новые фрагменты с его точки зрения серьезно противоречат моим восстановлениям и выводам, поскольку они, как ему представляется, ясно показывают, что восхваляемы в декрете были не Перисад I и члены его семьи, а скорее частные лица. Это побуждает меня повторно вернуться к интерпретации надписи с учетом неизвестного мне ранее материала.

Подтвердилась правильность восстановления в строке 7 — δ[ύνανοαι] (теперь — δ[ύ]ναντ[αι])[4], а вместе с тем и всей фразы об одной из заслуг восхваляемых перед Афинским государством, которая выражалась в том, что они оказывали услуги приезжавшим на Боспор афинянам (строки 7—9). Полностью подтвердилось также предложенное ранее восстановление слова Βόσπ[ορον], от которого теперь недостает лишь последней буквы (Βόσπορο[ν]). Вместе с тем выяснилась невозможность предложенного мною восстановления в строках 10—11: — — —ἀνθ'ὧν αὐτ|οὺς] πολ-|ίτας ἐποιήσατο — — —. С другой стороны, если по первой публикации можно было говорить, притом с сомнением[5], лишь об отчестве одного лица, восхваляемого в декрете, то новые фрагменты содержат два имени восхваляемых: Ἀστυμ[— — — (вероятно, Астимед) и Πολ[υ]σθέν[ης] . Это дало основание Шуайгерту с полным правом заключить, что в декрете содержится постановление, отмечающее заслуги ряда лиц перед Афинским государством[6]. Другие новые фрагменты не вносят чего-либо существенно нового в текст декрета, если не считать, что они значительно увеличивают его размеры (если в первом издании восстанавливалось 32 строки, то во втором их 55). Следует также отметить, что в строке 48 сохранилось упоминание о дарах (δωρεάς, что можно понимать и в смысле различных привилегий: права беспошлинного вывоза товаров, внеочередной загрузки судов и т. д.), каковое имеется и в афинских декретах в честь сыновей Левкона и в честь Спартока III[7].

Заставляют ли дополнительные фрагменты декрета 323/2 г. изменить его толкование, предложенное мною в 1959 г.? Как мне представляется, оно полностью сохраняет силу. Тот факт, что в надписи упоминается несколько человек, которые удостаиваются восхваления со стороны афинян, не затрагивает существа вопроса. В этих лицах я склонен усматривать представителей администрации Спартокидов, в функции которой входило обслуживание приезжавших на Боспор афинян[8] и, вероятно, также ответственность за обеспечение привилегий афинян в хлебной торговле и контроль за их правильным использованием[9]. Вспомним, что и в декрете 346 г. в честь сыновей Левкона фигурирует два их посла (Сосий и Феодосий), которые были удостоены почестей со стороны афинян за подобные услуги — за заботу о приезжавших на Боспор афинянах.

Рассматриваемый декрет 323/2 г. дошел до нас в столь фрагментарном виде, что отсутствие в сохранившемся от него тексте упоминаний имен боспорских правителей не может служить аргументом против высказанного мною предположения, что декрет был принят в их честь. Новые фрагменты не противоречат предложенным мною дополнениям строк 30 и сл.[10], где я по-прежнему считаю возможным восстанавливать резолюцию о постановке статуи (или статуй) Спартокидов на агоре.

Декрет, несомненно, является документом, свидетельствующим о связях Афин с Боспором. Он, бесспорно, принят в честь боспорцев, на что указывает в качестве одной из заслуг восхваляемых проявляемая ими забота о приезжающих на Боспор афинянах (ὅτι δ[ύ]ναντ[αι ἀγαθὸν | δη-μοσίαι τε κ]αὶ ἰδ[ί]αι, τ[οῖς τε ἀφικ|νουμένοις εἰ]ς Βόσπορο[ν]). Все, что нам в настоящее время известно о торговле Боспора с Афинами, указывает на исключительную роль в ней боспорского правящего дома — Спартокидов.

---

[4] КСИИМК, вып. 74, стр. 4 и сл.

[5] Там же.

[6] E. Schweigert. Указ. соч., стр. 338.

[7] Ср. толкование этого термина в афинских декретах в честь сыновей Левкона и Спартока III (С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М. — Л., 1953, стр. 130; И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963, стр. 155).

[8] И. Б. Брашинский. Указ. соч., стр. 131.

[9] Там же, стр. 128.

[10] КСИИМК, вып. 74, стр. 5.

Если экспорт в Афины боспорского зерна, основной статьи боспоро-афинской торговли в IV в. до н. э., возможно и не был полностью монополизирован Спартокидами, то во всяком случае такая тенденция была налицо. Довольно многочисленные письменные источники, относящиеся к афино-боспорской торговле рассматриваемого времени, постоянно подчеркивают роль, которую в ней играли Спартокиды. Если в этих источниках упоминаются другие граждане Боспора, то всегда они так или иначе связаны с боспорскими правителями, выступая либо в качестве уполномоченных ими лиц, либо родственников и т. п. До сих пор мы не знаем ни одного случая, когда бы в источниках, и прежде всего в афинских официальных документах, трактующих об афино-боспорских торговых сношениях в IV в. до н. э., граждане Боспора выступали бы в качестве частных лиц, независимых от боспорских архонтов-царей и не связанных с ними. Это позволяет, как мне представляется, с большим основанием утверждать, что принятие афинским народным собранием почетного декрета в честь боспорцев как частных лиц в то время маловероятно. Напротив, подобное постановление в честь Спартокидов или лиц, действовавших от их имени и в их интересах, является в высшей степени вероятным и вполне естественным. Поэтому я по-прежнему считаю возможным предполагать, что и рассматриваемый декрет относится к подобного рода постановлениям.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

Н. А. ОНАЙКО

«ВАРВАРСКИЕ» ПОДРАЖАНИЯ РИМСКИМ ДЕНАРИЯМ ИЗ РАСКОПОК РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

В 1962 г. во время раскопок Раевского городища в слоях позднеримского и средневекового времени обнаружены три монеты[1]. Они отчеканены из низкопробного серебра (биллона) с очень схематическими изображениями (рис. 12)[2]. На лицевой стороне монет, судя по известным образцам с более четкими подобными изображениями, помещена, по-видимому, бородатая человеческая голова в профиль, переданная с помощью точек, волнистых линий и зигзагообразного орнамента; на оборотной — воин с копьем наперевес, справа и слева от которого расположены значки в виде кружочков, полукругов и крестиков.

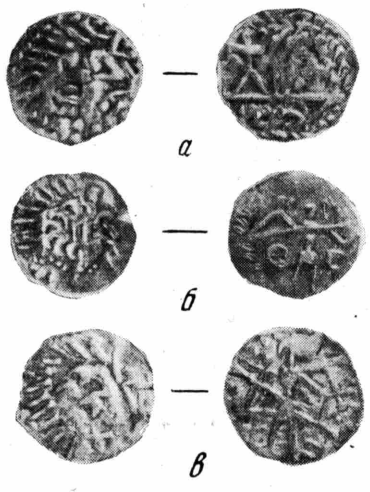


Рис. 12. Раевское городище, «варварские» подражания с типом идущего Марса. н. в.

На территории Восточноевропейской части СССР, как известно, встречаются различные типы монет — «варварские» подражания римским образцам[3]. В западной части Северного Кавказа, на Таманском полуострове и на северо-восточном побережье Черного моря получили распространение «варварские» подражания римским денариям Марка Аврелия с типом идущего вправо Марса[4]. Они делятся на три хронологические группы, которые отличаются степенью деградации исходного типа. Наиболее многочисленной из них является вторая. Она датируется серединой—второй половиной III в. н. э. К этой группе относятся и наши монеты, хотя они и не повторяют ни один из известных до сих пор штемпелей[5]. По мнению исследователей, «варварские» подражания с типом идущего Марса чеканились в Северо-Восточном Причерноморье; их выпуск связывают с появлением в Северном Причерноморье германских племен (готов и боранов)[6], походы которых сопровождались разрушением городов и поселений Северного Причерноморья.

---

[1] Н. А. Онайко. О раскопках Раевского городища. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 129.
[2] Вес монет от 2,33 до 2,65 гр.
[3] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, 1961, стр. 16.
[4] Там же, стр. 16, 39 и 49.
[5] Определение В. В. Кропоткина.
[6] Библиографию по этому вопросу см.: В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 17.

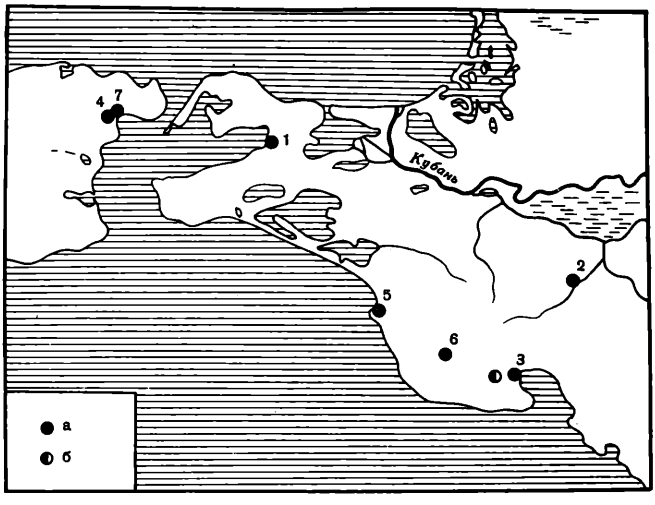


Рис. 13. Карта распространения «варварских» подражаний с типом идущего Марса в Краснодарском крае и в Восточном Крыму:

а — отдельные монеты; *б* — клады;
1 — Сенная (Фанагория); *2* — Крымская; *3* — Новороссийск; *4* — Аршинцево (Тиритака); *5* — Гайкадзор, около Анапы; *6* — Раевская; *7* — Керчь

Территория Раевского городища в течение многих лет глубоко вспахивалась, поэтому плохо сохранились строительные остатки, которые могли бы свидетельствовать о сильных разрушениях в этот период, хотя частично до нас дошли кладки разрушенной оборонительной стены, завалы бутового и панцирного камня в слоях III—IV вв. н. э.

Публикуемые «варварские» подражания с типом идущего Марса из Раевского городища, как и находки подобных монет в позднеантичных слоях Фанагории и Тиритаки[7], подтверждают предположение исследователей о времени появления и обращения этих монет. Топография их находок явно свидетельствует о том, что Северо-Восточное Причерноморье было местом чеканки и основным ареалом их распространения (рис. 13). Это является важным фактором для изучения вопросов, связанных с появлением в Северном Причерноморье германских племен и их ролью в истории этого края.

---

[7] Л. Н. Казаманова и В. В. Кропоткин. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса. ВДИ, 1961, № 1, стр. 128.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. И. МЕЛЮКОВА

ПОСЕЛЕНИЕ IV—III вв. до н. э. у с. НИКОЛАЕВКА ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В 1962 и 1964 гг. западноскифская экспедиция ИА АН СССР производила раскопки на поселении у с. Николаевка Беляевского района Одесской обл.[1] Поселение расположено на высоком ровном плато, вытянутом вдоль берега Днестровского лимана с севера на юг. Часть памятника уже уничтожена в связи с разрушением берега лимана. В настоящее время поселение занимает площадь около 3 га. В северной его части имеется два невысоких курганообразных зольника и в нескольких местах отмечаются скопления известняковых камней, выпаханных плугом.

Раскопки производились на одном из зольников (раскоп I) и на одном из участков, занятых скоплением выпаханных камней (раскоп III). Кроме того, в обрыве берега лимана была расчищена большая частично разрушенная яма (раскоп II). Общая площадь раскопок около 600 м^2.

В результате работ установлено, что на поселении существовало два типа жилищ — наземные и землянки. Остатки наземных жилищ обнаружены на раскопе III, на глубине 0,30—0,50 м от поверхности. На площади в 176 кв. м расчищено пять каменных кладок, представлявших собой основания стен, по-видимому, двух больших домов и развалы камней от рухнувших стен. Общий план жилищ восстановить пока не удалось, так как мы исследовали только те части кладок, которые находились на раскопанной площади. Стены были сложены прямо на древнем горизонте, без фундамента, углубленного в материк (рис. 14, *1*). Для кладки использовался местный известняк разного размера и формы, не подвергавшийся дополнительной обработке. Кладка производилась насухо, без применения строительного раствора. Стены имели толщину 0,60—0,65 м. Все кладки, кроме одной, сохранились на высоту одного камня, только в кладке № 4 осталось три ряда камней.

По длинной оси дома были ориентированы с северо-запада на юго-восток и имели длину не менее 10 м. Каждый из них состоял не менее, чем из двух помещений. Дома были расположены параллельно друг другу на расстоянии около 4 м. Полы, очевидно, были земляными, так как никаких следов вымосток или обмазки нам не встретилось. С восточной стороны кладки № 4 обнаружено две амфоры, стоявших на расстоянии 2, 10 м друг от друга в специально вырытых для них ямках и раздавленных при разрушении стены.

[1] Поселение было открыто в 1957 г. экспедицией Одесского государственного университета (И. Т. Черняков. Археологические разведки берегов Днестровского лимана. ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 211).

В 1962 г. в работах экспедиции принимали участие сотрудники Одесского археологического музея И. Б. Клейман и И. Т. Черняков.

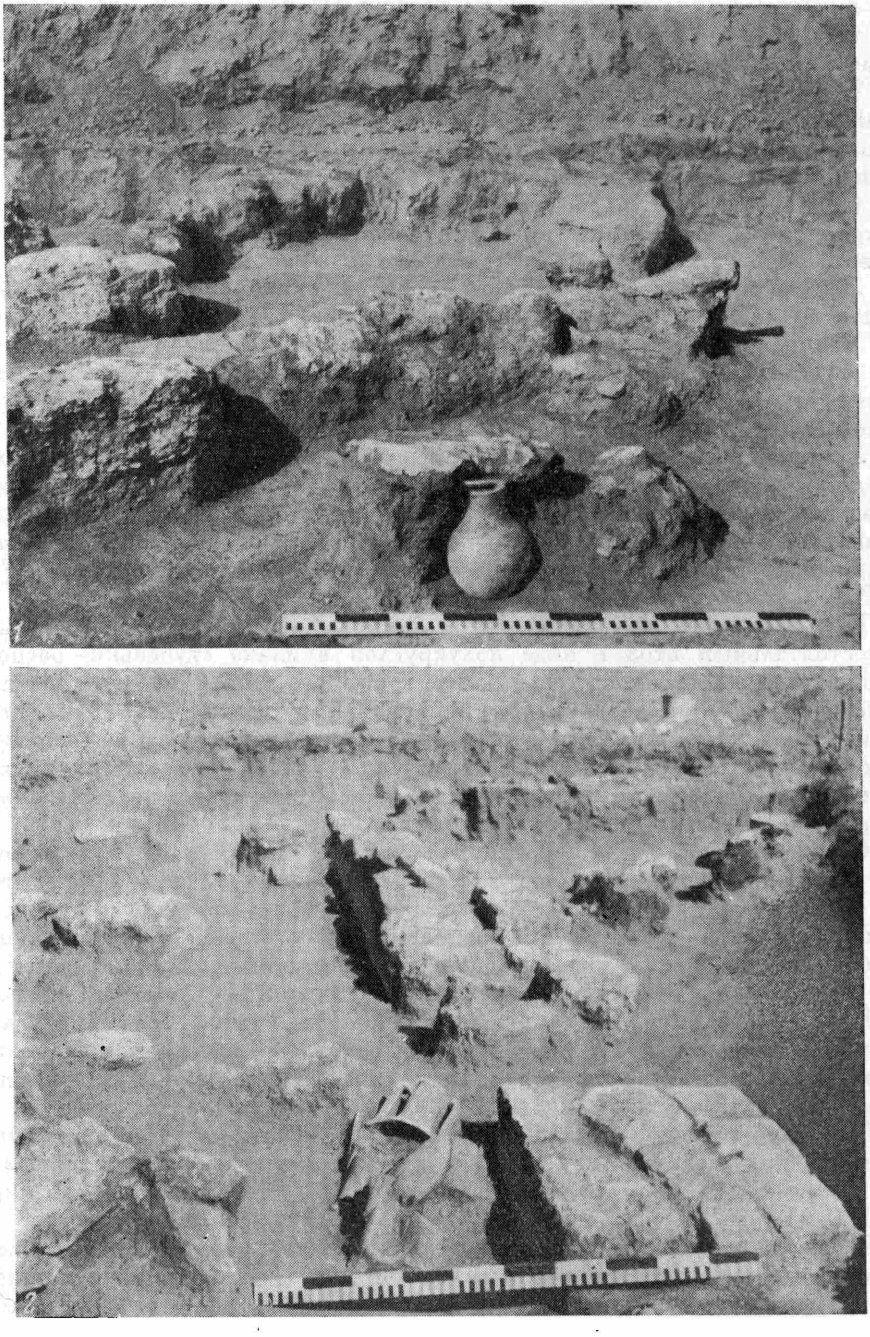


Рис. 14. Николаевка, раскоп III. Остатки каменных кладок стен жилищ:
1 — кладка 1 и стоявший возле нее кувшин с остатками трупосожжения; *2* — кладки 1 и 2 и две амфоры возле них

Две амфоры найдены лежащими возле кладки № 1 (рис. 14, *2*). На расстоянии 0,60 м на юго-востоке от этой же кладки на древнем горизонте стоял античный расписной кувшин с остатками детского трупосожжения. Кувшин был закрыт обломком стенки амфоры, а затем сверху и с боков обложен камнями (рис. 14, *1*).

Кроме остатков стен жилищ на раскопе III исследовано две сравительно небольших, круглых в плане ямы, по-видимому, хозяйственного назначения (рис. 15).

В культурном слое и при разборке развалов камней найдено 2 283 обломка эллинистических амфор, 318 обломков лепной керамики, 52 фрагмента простой гончарной посуды, 10 фрагментов чернолаковой и 5 краснофигурной расписной керамики.

Среди обломков амфор имеется пять фрагментов с клеймами плохой сохранности, три из них принадлежат гераклейским амфорам, одно — фазосской и одно — амфоре неизвестного центра.

Землянка открыта на раскопе 1 под зольником. В плане она имела почти правильную прямоугольную форму (рис. 15) и была ориентирована по длинной оси с юго-востока на северо-запад. Длина ее 11 м, ширина 4,5 м. Землянка вырыта в материке на глубину 1,4 м от древней поверхности, при этом она прорезала наскальную корку, а пол ее находился в зеленоватой глине.

Землянка состояла из двух помещений, разделенных перегородкой, представлявшей собой материковый останец шириной 1,20 м, на котором была сооружена каменная стенка. От нее сохранились лишь развалы камней, лежавшие на полу землянки возле перегородки. Из одного помещения в другое можно было попасть через узкий проход шириной 0,70—0,80 м, оставленный между перегородкой и стеной жилища.

Юго-восточное помещение (№ 1) длиной 5, 10 м, шириной 4,45 имело самостоятельный вход в виде полукруглой в плане ступеньки, расположенной у юго-восточной стены, ближе к юго-юго-западному углу. На полу помещения находились канавка, шириной 0,45 м, глубиной 0,40 м, предназначенная, возможно, для вертикально поставленных столбов, образующих стенку, отделявшую часть помещения. Четыре ямки, круглых в плане, находившиеся в средней части помещения, вероятно, связаны с опорными столбами, поддерживавшими кровлю.

Северо-западное помещение (№ 2) имело длину 4,10 м и ширину 4,5 м. Вход в него находился в северо-восточно-восточном углу и имел вид полукруглой ступеньки, высотой 0,40 м. Юго-западную часть помещения занимала большая яма неправильной овальной в плане формы, подбоем вдававшаяся в юго-западную стенку землянки. Длина ямы по линии северо-запад — юго-восток — 4,20 м, ширина — в верхней части — 1,80, на дне — 2,60 м. По отношению к полу помещения № 2 яма углублена в материк на 0,60 м. Дно ямы было устлано камышом в несколько слоев, от которого сохранился тлен и отпечатки на глине. Назначение ямы определить трудно.

На полу помещения близ перегородки большим камнем и примыкающими к нему мелкими камнями была отгорожена небольшая площадь, по-видимому, для каких-то хозяйственных целей (длина ее 1,10 м, ширина 0,60 м).

В северо-восточной стене помещения в наскальной корке вырублена печь в виде небольшой пещерки глубиной 0,60 м, высотой 0,40 м, шириной 0,90 м. На полу помещения печь была отгорожена тремя крупными камнями. Свод печи был обмазан глиной с примесью половы. Под ее был глинобитным, основой пода являлась вымостка из фрагментов амфор. Печь, очевидно, топилась по черному, так как следов дымохода не обнаружено.

На полу помещения № 2 ближе к центру находилось две небольших круглых в плане ямки, по-видимому, от опорных столбов, поддерживавших кровлю. Может быть, остатками последней следует считать прослойку угля и сгоревшего камыша, отмеченную в нижнем слое заполнения землянки.

Землянка хорошо датируется находками на полу трех синопских клейм

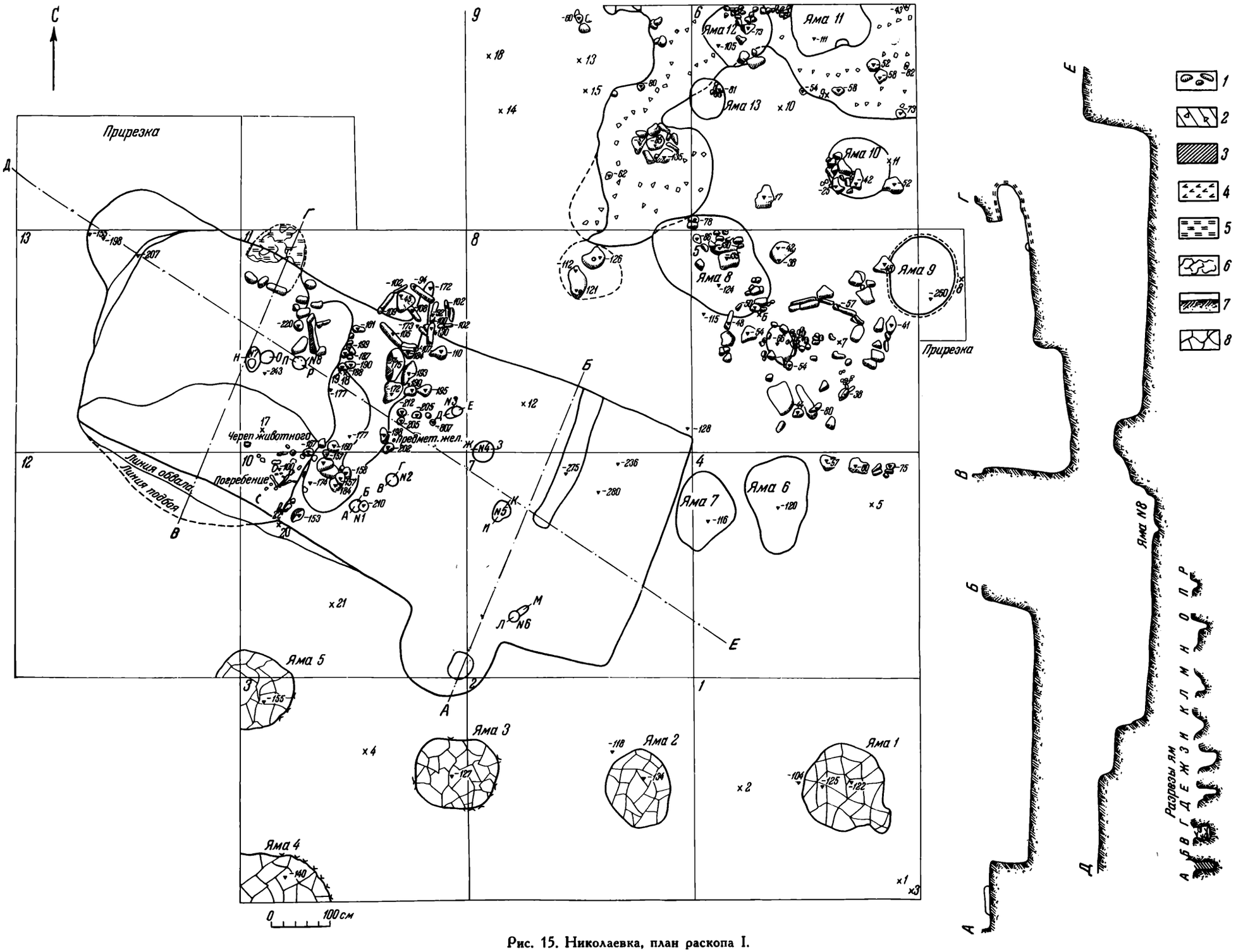


Рис. 15. Николаевка, план раскопа I.

1 — камни; 2 — щебень; 3 — чернозем; 4 — уголь; 5 — глина обожженная; 6 — под печи; 7 — материк; 8 — материковый известняк

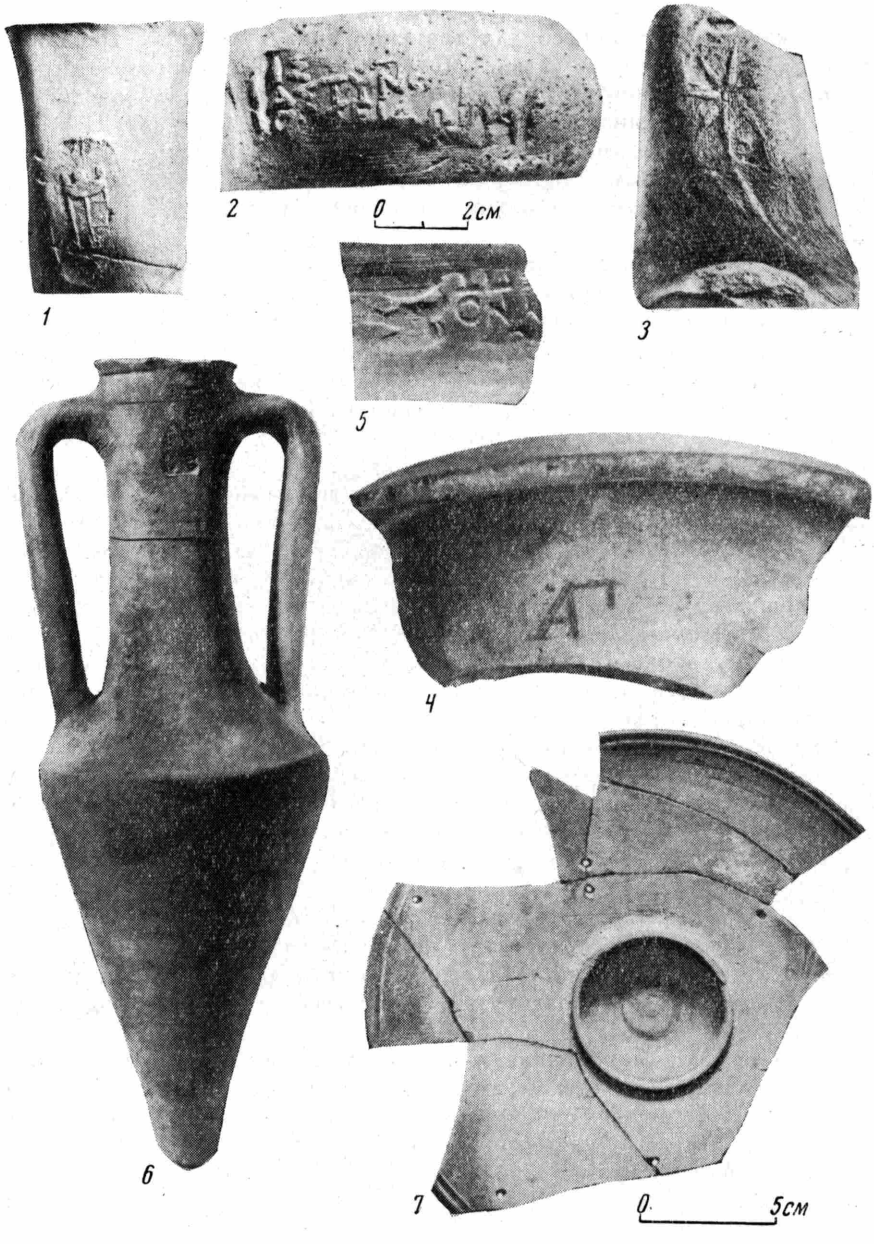


Рис. 16. Николаевка. Античная керамика из раскопов I и III:
1—5 из раскопа I; *6* — из раскопа III

с эмблемой в виде орла на дельфине, сделанными при расчистке дна ямы и пола помещения № 2 (рис. 16, 2, 5). По определению Д. Б. Шелова, эти клейма относятся к середине IV в. до н. э.

С периодом существования землянки можно связывать тринадцать ям разных размеров, главным образом круглых в плане, служивших для различных хозяйственных целей (рис. 15). Некоторые из них были вырыты в местах выхода наскальной корки и не прорезали ее (№ 1—5). Эти ямы имели небольшую глубину, до 0,40 м. Другие ямы находились в местах, свободных от наскальной корки, вырыты в материковом суглинке и имели глубину до 1,5 м. Особенно интересной оказалась яма № 9,

представлявшая собой погреб для хранения вина в амфорах. В плане она почти круглая. Диаметр ее устья 1,30 м, ко дну яма немного расширялась. Глубина ямы от древней поверхности — 1,5 м. В яме найдено восемь почти целых амфор и значительная часть еще одной амфоры. Четыре из них гераклейские с энглифическими клеймами на горлах (рис. 16, *6*), одна фазосская с монограммой «А» на горле, сделанной красной краской. Остальные неклейменые, две из них гераклейские, одна фазосская и одна неизвестного центра.

По определению Б. Н. Гракова, все амфоры с клеймами могут быть датированы серединой — второй половиной IV в. до н. э.

Землянка и все ямы были перекрыты мощным зольником площадью около 900 м^2 высотой около 0,80 м от древнего горизонта. В тех местах, где под зольником не было землянки или ям, он лежал на культурном слое или перекрывал щебенку с глиной — выброс, образовавшийся при рытье землянки и отодвинутый от ее краев (рис. 15). В зольнике находилось большое количество беспорядочно лежавших камней. Можно отметить только два не совсем понятных сооружения из камней, сделанных прямо в золистом слое. Это небольшие оградки из поставленных на ребро необработанных кусков известняка, образующие фигуры, близкие в плане к кругу. Одна из них (в квадрате 5) находилась на глубине 0,60 м от вершины зольника и ограничивала площадь 2,2 × 2 м. Вторая обнаружена в основании зольника и ограничивала площадь 0,95×1,10 м. Возможно, оградки имели какое-то культовое назначение, однако никаких прямо связанных с отправлением культа остатков в них не содержалось. Внутри оградок и возле них обнаружили предметы, ничем не отличающиеся от тех, которые найдены в остальных местах зольника.

Зольник был насыщен культурными остатками, среди которых преобладали обломки амфор. За два года работ в золистом слое найдено 19 607 обломков амфор. Среди них встречены фрагменты горл и ручек с клеймами. Всего обнаружено 20 гераклейских клейм, 8 — синопских, 6 — фазосских. Один фрагмент с монограммой, сделанной красной краской, принадлежит амфоре типа Солоха I (рис. 16, *4*).

На втором месте по количеству находок стоит лепная посуда (1924 фрагмента), третье место принадлежит простой античной керамике, сделанной на кругу (392 фрагмента), и четвертое — чернолаковой (225 фрагментов).

Кроме керамики, в зольнике найдены глиняные пряслица, грузила и кружки, сделанные из стенок амфор, четыре бронзовых наконечника стрел, обломок бронзового браслета, невыразительные обломки железных предметов, поделки из камня и кости.

Вся клейменая тара из зольника датируется в пределах второй половины IV — начала III вв. до н. э.[2] Исключение составляет лишь одно фазосское клеймо, относящееся к наиболее ранней группе и датируемое концом V — началом IV вв. до н. э.

На основании клейм и всего комплекса находок из зольника мы можем говорить о том, что сколько-нибудь значительного хронологического разрыва между существованием землянки, ям и перекрывшим их зольником не было. Зольник на этом месте образовался сразу же после того, как землянка была покинута ее обитателями. По-видимому, он насыпался в тот же отрезок времени, когда существовали наземные жилища, остатки которых исследованы нами на раскопе III. Так как зольник находился на расстоянии всего 8 м от жилищ, можно думать, что в его сооружении участвовали обитатели именно этих жилищ.

---

[2] Клейма из раскопок 1962 г. определены Б. И. Граковым, из раскопок 1964 г.— Д. Б. Шеловым.

Рис. 17. Николаевка. Античная расписная и простая гончарная керамика:
1—3 из раскопа III; *4—7* — из раскопа I

Обилие археологического материала, полученного при раскопках всех объектов на поселении, не позволяет дать его полную характеристику в небольшой публикации. Остановлюсь на наиболее важных чертах керамического комплекса, проливающих свет на общий облик памятника.

Систематика всего амфорного материала, целых сосудов и профилированных фрагментов — венчиков и ножек, показывает, что по количеству находок преобладали гераклейские амфоры и амфоры круга гераклейских. На втором месте были амфоры Фазоса и подражающие фазосским. Примерно одинаковым количеством экземпляров представлены находки фрагментов амфор неизвестных центров так называемых колпачковых рюмкообразных и амфор типа Солоха I и Солоха II. Меньшее число фрагментов относится к синопским амфорам. Весь амфорный материал датируется IV и началом III в. до н. э. Античная чернолаковая керамика представлена главным образом обломками сосудов для питья. Это фрагменты канфаров, скифосов, киликов, блюдец, покрытых густым черным лаком с металлическим блеском. На донышках некоторых из них имеется штампованный орнамент (рис. 17, *4*, *6*). По определению В. Д. Блаватского, большинство чернолаковых сосудов принадлежит IV в. до н. э., имеется лишь часть килика VI в. до н. э. и два фрагмента скифосов V в. до н. э. Небольшое количество фрагментов принадлежит сосудам III в. до н. э., покрытых плохим зеленоватым лаком.

Кроме сосудов для питья, отметим еще находки нескольких обломков чернолаковых рыбных блюд и горло лекифа IV—III вв. до н. э. Античная художественная керамика представлена несколькими фрагментами крупных и мелких сосудов с краснофигурной росписью беглого стиля IV в. до н. э. (рис. 17, *2*, *3*).

К числу сосудов, привезенных из Средиземноморья, принадлежат три крупных обломка лутериев и фрагмент блюда. Один из лутериев, очевидно, синопский, два других скорее всего происходят из Гераклеи. Аналогичные лутерии известны в Северном Причерноморье по находкам в Пантикапее[3].

Простая античная керамика, сделанная на гончарном кругу, довольно разнообразна по формам и способу обработки поверхностей. Вся керамика этой группы изготовлена из глины с мелкими примесями песка и хорошо обожжена. Преобладает сероглиняная, но изредка встречается красноглиняная посуда. Поверхности большинства сосудов хорошо заглажены или даже слабо залощены, меньшее количество фрагментов принадлежит сосудам с шероховатыми или плохо заглаженными стенками. Тот и другой способ обработки поверхностей известен, за небольшим исключением, на всех формах гончарной посуды.

Среди простой гончарной керамики преобладали сероглиняные миски. Большинство мисок имеет полусферическую форму, край срезан под углом внутрь. На некоторых из них имеется орнамент в виде неглубоких каннелюр под венчиком (рис. 17, *6*).

Реже встречаются фрагменты мисок с хорошо выраженным ребром и мисок с широким, отогнутым наружу краем (рис. 17, *7*). На некоторых мисках есть горизонтальные ручки, расположенные возле края.

Мелкими обломками горл, ручек и стенок представлены сероглиняные кувшины, о форме которых пока судить не приходится.

Небольшое количество фрагментов принадлежит котелкам или кастрюлям для варки пищи. Они тонкостенные с шероховатой поверхностью, сделаны из красной глины. На венчике их имеется неширокая закраина для упора крышки, от плеча вверх отходят ручки. Конической формы крышки с шишечкой в центре, очевидно, принадлежали этим сосудам. У некоторых из них край утолщен и имеет форму округлого валика, но чаще встречаются крышки с ровным краем. Четыре фрагмента крышек на внутренней поверхности возле края украшены глубокими бороздками.

---

[3] И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. Типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, № 103, 1962, стр. 138—159, рис. 10, *11*.

По найденным семи обломкам днищ с характерным углублением можно говорить об употреблении жителями поселения сероглиняных рыбных блюд (рис. 16, 7). Поверхности их лощеные.

Простая керамика, сделанная на гончарном кругу, представляет собой продукцию ремесленников, работавших в античных городах Северного или Западного Причерноморья. Подобные описанным миски, кувшины, кастрюли и крышки к ним, а также рыбные блюда известны в эллинистических слоях Ольвии[4], Тиры[5], на Боспоре[6] и других пунктах. Однако специфика производства каждого центра еще не изучена, и поэтому мы не можем пока определить, откуда именно простая гончарная посуда поступила на Днестровский лиман, и в частности на поселение у с. Николаевка. Скорее всего можно предполагать, что ее поставляла прежде всего Тира — самый близкий к этому поселению античный город.

Особое место среди античной керамики занимает кувшин, найденный с остатками детского трупосожжения на раскопе III. Он сделан из желтовато-оранжевой глины без заметных примесей. Поверхность его хорошо заглажена. На плече и тулове орнамент нанесен коричнево-красной краской (рис. 17, *1*).

По глине и характеру орнаментации этот кувшин ближе всего сосудам из Херсонеса[7], хотя подобная керамика с росписью известна и в Ольвии[8] и на Боспоре[9]. Датируются расписные кувшины, подобные найденному при раскопках в Николаевке, главным образом III—II вв. до н. э.[10] По-видимому, наш сосуд относится к числу наиболее ранних из этой группы, так как среди материалов из раскопа III нет таких, которые можно было бы датировать временем позднее первой половины III в. до н. э.

Лепная местная посуда, составляющая более 80%, сделана из плохо промешанной глины с примесью шамота. Обжиг ее неравномерный, поверхность большинства сосудов шероховатая серовато-коричневого или желтовато-коричневого цвета.

Около 75% всех обломков лепной керамики принадлежит горшкам и крышкам к ним, имеющим аналогии среди скифской степной керамики IV—III вв. до н. э.[11] Преобладают среди них горшки с довольно низкой, слегка отогнутой наружу шейкой, переходящей в более или менее крутое плечо (рис. 18, 7). Достаточно обычны также сосуды с более высокой прямой шейкой. Реже встречаются горшки, имеющие короткую шейку, отогнутую наружу так, что шейка находится под углом к плечу. Большинство горшков не орнаментировано, но встречаются украшенные ямками, сделанными пальцевым нажимом или насечкой по венчику, а иногда в месте перехода от шейки к плечу. Некоторые сосуды были украшены валиком с пальцевыми защипами, расположенными по нижнему краю шейки.

Днища горшков довольно массивные, без поддона. На поверхности отдельных днищ имеются отпечатки ткани, на других — следы от подсыпки песка с крупными включениями или отпечатками зерен проса и пшеницы. Близки к найденным на Каменском городище круглые плоские крышки

---

[4] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. Сб. «Ольвия». Киев, 1940, табл. XXXII, *1, 3*; XXXIV, *1, 2, 5*; XXXVI, *1*; XXXIX, *5*.

[5] Не опубликованы. Хранятся в Институте археологии АН УССР и в Белгород-Днестровском музее.

[6] И. Т. Кругликова. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея. МИА, № 56, 1957, рис. 5, *1, 4, 13*; 6, *7, 8*; 7, *12, 14*.

[7] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 144, рис. 7.

[8] Там же, стр. 142, рис. 6.

[9] Там же, рис. 4 и 5.

[10] Там же, стр. 147.

[11] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1957, стр. 71, табл. III, *1*, **2**, *5*; IV; V, *1—2*.

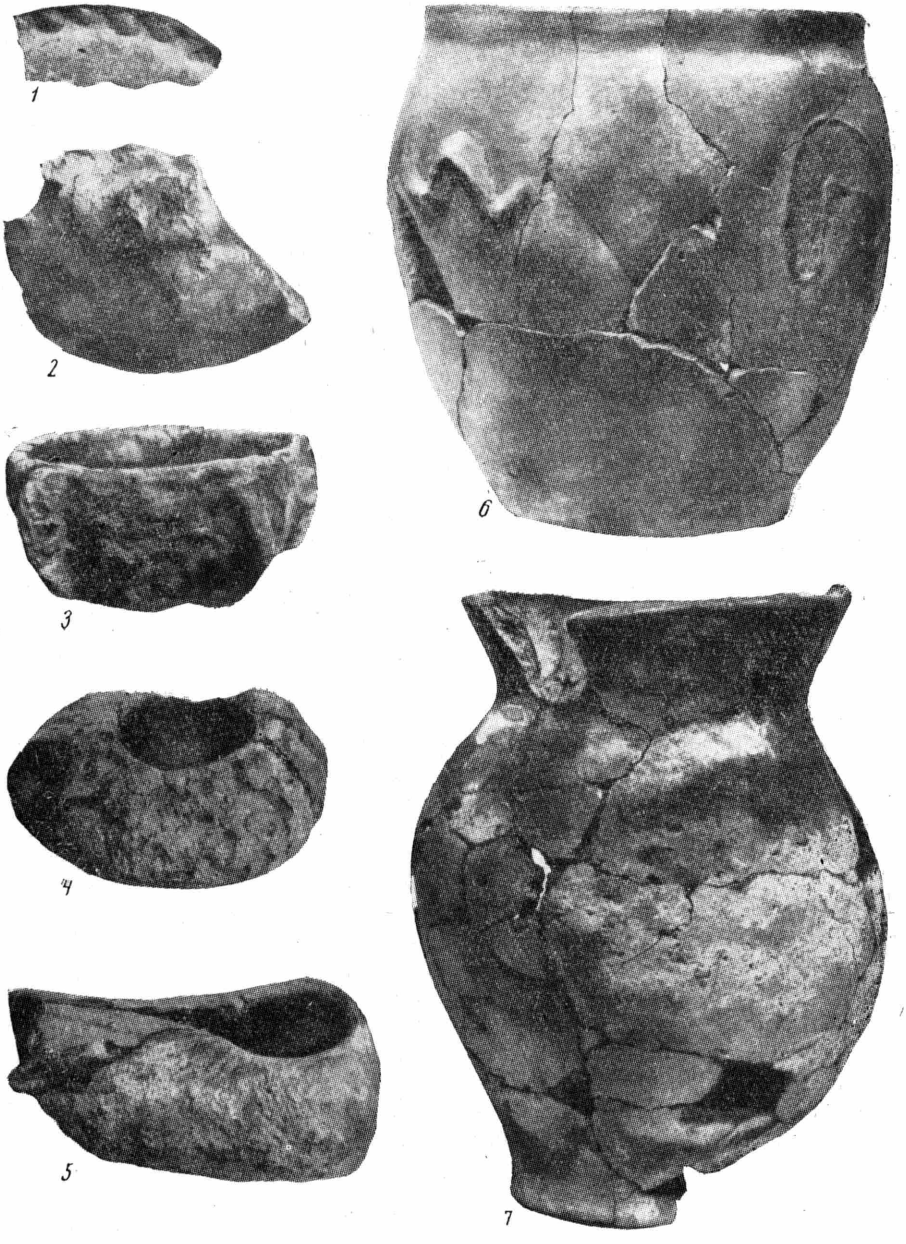


Рис. 18. Николаевка. Местная лепная керамика:
1, 2, 6, 7 — из раскопа I; *3, 5* — из раскопа III

с выступом или без него в центре. Край некоторых из них украшен ямками, сделанными пальцем (рис. 18, *1, 2*) [12].

Примерно 20% лепной керамики принадлежит сосудам гетских типов. Многие из них отличаются от скифских не только по форме, но по глиняному тесту и способу обработки поверхности. Тесто более рыхлое, поверхность заглажена, а иногда слабо залощена. Однако имеются сосуды гетского типа, ничем не отличающиеся от скифских по технике изготовления.

[12] Б. Н. Граков. Указ. соч., табл. V, *4, 6*.

Преобладающей формой среди гетской керамики являются миски, представленные в основном двумя типами, одни из них имели загнутый внутрь край и плавно сужающееся ко дну тулово; другие характеризуются наличием округлого или более острого ребра в месте перехода от верхней части тулова к нижней. Некоторые из мисок украшены рельефным орнаментом, другие имели ручки или упоры, расположенные по наиболее широкой части тулова.

Горшки мешковидной формы несколько сужаются к краю. Небольшим количеством фрагментов представлены горшки со слабо намеченной шейкой, прямым венчиком и плавно сужающимся ко дну туловом (рис. 18, *6*). На стенках многих горшков имеются ручки-упоры, круглые или подковообразные налепы, иногда сочетающиеся с валиками с защипами. Керамика этой группы близка к посуде, найденной на гетских памятниках IV—III вв. до н. э. в Молдавии [13], Румынии и Болгарии. Небольшую группу сосудов составляют лепные светильники. Два из них сделаны в подражание античным формам и близки к найденным в ряде мест Северного Причерноморья, например в Ольвии [14] (рис. 18, *4*, *5*). Два представляют собой небольшие плошки овальной формы и один в виде круглой чашки с четырьмя выступами по бокам (рис. 18, *3*). Эти формы, по-видимому, следует считать местными. Аналогичный последнему светильник известен из раскопок на городище у с. Роксаланы [15].

Из вещественных находок самую большую группу составляют глиняные пряслица. Они разных форм — биконические, почти круглые, в виде усеченного конуса или низкого цилиндра, сделаны из такой же глины с примесью шамота, как и лепная керамика. Поверхности пряслищ то шероховатые, то заглаженные или даже слабо лощеные.

Четыре бронзовых наконечника стрел все трехлопастные с выступающей втулкой, принадлежат к числу типичных скифских наконечников IV—III вв. до н. э. Бронзовое кольцо из круглого в сечении прута с заходящими друг на друга концами и обломок браслета из круглого же прута относятся к числу широко распространенных украшений, встречающихся в разновременных памятниках. Найдены также поделки и заготовки из кости, свидетельствующие о существовании костерезного производства. Значительным количеством находок представлены точильные и растиральные камни из мягких и твердых пород [16].

Костей животных при наших раскопах найдено сравнительно немного (около 1000 экз.). Все они принадлежат домашним животным. По определению В. И. Цалкина, первое место в стаде принадлежало крупному рогатому скоту, на втором месте — мелкий рогатый скот, на третьем — лошадь, на четвертом — свинья. Небольшое количество костей принадлежит собаке.

Находки рыбьих костей, чешуи и грузил, сделанных из стенок амфор, свидетельствуют о занятии жителей рыболовством.

Поселение у с. Николаевка, судя по всему комплексу археологического материала, полученному при раскопках, относится к числу памятников, характеризующихся смешанной греко-варварской культурой. По данным разведок одесских археологов, поселения такого облика появились на берегах Днестровского лимана в конце VI — начале V вв до н. э., но большинство их относится к IV—III вв. до н. э. [17] Остатки наземных жилищ,

---

[13] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Поднестровья. МИА, № 64, рис. 30.

[14] Т. Н. Книпович. Указ. соч., табл. XXVII, *5*; О. Вальдгауэр. Античные глиняные светильники из Ольвии. СПб., 1914, табл. I, *1—2*.

[15] Не издан, хранится в Одесском музее.

[16] И. Т. Черняков. Указ. соч., стр. 209—218. Г. А. Дзис-Райко. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана. КСОГАМ, 1961. Одесса, 1963, стр. 40 и сл.

[17] М. С. Синицын. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957 г. ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 189 и сл.; Г. А. Дзис-Райко. Раскопки Надлиманского городища в 1960 г. КСОГУ и ОГАМ, 1961, стр. 42.

основания стен которых были сложены из необработанных камней известняка, близкие к исследованным в Николаевке, известны на городищах у сел Надлиманское и Пивденное[18]. Примитивный характер кладок не позволяет считать их сделанными греческими мастерскими. По-видимому, такие дома строило местное население, так же как и большую землянку на поселении у с. Николаевка, пока не имеющую аналогий на других памятниках. Что касается находок, то и в Надлиманском и в Пивденном, так же как в Николаевке, на первом месте стоят амфоры. Среди всей остальной посуды преобладала местная лепная керамика. Такое же сочетание групп в керамическом материале характерно для ряда памятников греко-скифской культуры на Бугском лимане, которые принято считать принадлежавшими каллипидам[19].

Представляет интерес сравнение лепной керамики из Николаевского поселения с другими памятниками. Оказывается, что из исследованных на Днестровском лимане только те из них, которые расположены на левом берегу, дают преобладание скифских форм над гетскими. На Надлиманском городище наблюдается почти такое же сочетание скифской и гетской посуды, как в Николаевке[20]. В противоположность этому в Пивденном, на правом берегу лимана, преобладала гетская посуда, тогда как скифская составляет небольшой процент[21]. Эти данные позволяют предполагать, что среди местного населения на левобережье лимана, так же как в степи далее на восток, господствовали скифы, на правобережье — геты. Присутствие гетской посуды на левобережных памятниках, а скифской — на правобережных скорее всего объясняется существованием культурных и этнических контактов между соседившими племенами.

Обилие греческих амфор и значительное количество находок простой античной керамики, употреблявшейся наряду с местной лепной посудой жителями поселений, свидетельствует об интенсивных связях с греками. Они легко осуществлялись благодаря территориальной близости интересующих нас памятников к античным городам, находящимся в устье Днестровского лимана, таких, как Тира, Офиуса и другие.

Не исключена возможность существования торговых греческих факторий на местах поселений, культура которых носит греко-варварский характер. Однако пока, из-за отсутствия достаточного количества исследований невозможно сделать сколько-нибудь определенный вывод о роли греков в процессе возникновения и существования памятников, подобных исследованному у с. Николаевка.

---

[18] А. Г. Сальников. Раскопки поселения IV—II вв. до н. э. у с. Пивденное. КСОГУ и ОГАМ, 1961, стр, 48, 49.

[19] Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугокского лимана. МИА, № 50, 1956, стр. 271; Я. В. Доманский. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 2, 1961, стр. 43.

[20] Г. А. Дзис-Райко. Указ. соч., стр. 38 и сл., табл. 1, 2.

[21] А. Г. Сальников. Указ. соч., стр. 45—50, рис, *2, 3, 4*.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

РАСКОПКИ ЮЖНО-ДОНУЗЛАВСКОГО ГОРОДИЩА в 1963—1965 гг.

Донузлавская экспедиция ИА АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея продолжала начатые в 1960 г. раскопки Южно-Донузлавского городища у с. Поповка, на побережье в 28 км к северо-западу от Евпатории [1].

В результате первых трех лет работы [2] удалось установить, что городище относится к числу поселений, основанных на рубеже IV—III вв. до н. э. Херсонесом, расширившим свою сельскохозяйственную территорию. Строительные остатки и вещественные материалы городища отражают захват его скифами около середины II в. до н. э., что согласуется с известными письменными источниками и хорошо их дополняет [3]. Скифское укрепление, обнесенное валом и рвом, оказалось меньше первоначального греческого поселения. Городище прекратило свое существование в конце I или начале II в. н. э.

За последние три года площадь основного раскопа (I) значительно увеличилась и достигла 887,5 м^2, при толщине культурного слоя 3 м. Здесь раскрыто 17 каменных зданий и 20 зерновых ям. Заложены два новых раскопа (IV и V) в 75—80 м к юго-востоку от раскопа I.

Основной раскоп находится в северо-восточной части территории скифского укрепления. Центральным памятником раскопа является монументальное эллинистическое здание В (рис. 19, *2*, *3*), обнаруженное в 1960 г. Мощеные каменными плитами полы двух его помещений, немного заглубленные по отношению к дневной поверхности, лежат на песчаном материке, а основание стен на один ряд впущено в материк. Раскопками 1963—1965 гг. выяснено, что этому зданию и другим одновременным ему (К и М) на данном участке предшествуют зерновые ямы. Таких ранних ям открыто пять (№ 2, 8, 11, 16 и 19а). Глубина их не превышает 1,70 м, диаметр дна — 1,80 м. Одна из них была закрыта каменной крышкой; стенки и дно ям обмазаны глиной. В ямах найдена эллинистическая керамика: обломки херсонесских амфор (в том числе ручки с клеймами астиномов III в. до н. э. Ксанфа и Филиппа [4]), херсонесских кувшинов с красными

---

[1] В раскопках 1963—1965 гг. участвовали О. Д. Дашевская (начальник экспедиции), В. И. Цехмистренко, Ю. А. Лифшиц, В. Ю. Есаулов, С. Я. Берэина, Ю. Г. Виноградов, Г. Н. Евстропова, Н. Б. Клячко, Д. С. Раевский, Л. А. Стебакова, И. П. Филимонова и др. Земляные работы выполнены студентами-практикантами Марийского ГПИ и МГУ, учащимися школ-интернатов Николаевской области (руководители лагеря Н. М. Малютин и Г. Е. Митрофанов) и Археологического кружка ГИМ.

[2] О. Д. Дашевская. Раскопки Южного Донузлавского городища в 1960 г. КСОГУ и ОГАМ в 1960, 1961 гг.; Она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. КСОГАМ 1962 г., 1964.

[3] О. Д. Дашевская. ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта. ВДИ, 1964, № 3.

[4] Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 106, табл. I, *12*; стр. 107, 108, табл. II, *26*.

полосками, чернолаковых сосудов, лутериев и др. Сопоставление находок из ям и зданий показывает, что застройка исследуемого участка произошла вскоре после того, как ямами перестали пользоваться.

К зданию В примыкают еще два здания: с юга — здание К и с запада — здание М. Стены их сложены из рваного, грубо подтесанного камня на глиняном растворе. Они, как и здание В, ориентированы с северо-северо-востока на юго-юго-запад (ниже для удобства изложения в тексте мы не учитываем отклонения от стран света).

Здание М (рис. 19, *1*) отличалось особенно большими размерами и состояло не менее чем из шести помещений. Частично перекрывающие его более поздние строительные остатки не позволили пока доследовать его полностью, однако планировка в основном выяснена. Непосредственно к зданию В с запада примыкало помещение I здания М, имевшее характер пристройки узкой и вытянутой с юга на север, вдоль здания В. Вход, видимо, был с юга. Следующее к западу помещение II — еще более узкое (ширина 1,75 м), коридорообразное (рис. 19, *1* справа). Оно перекрывает раннюю яму 19а и в свою очередь прорезано ямами I в. н. э. № 10 и 19. Между этими двумя помещениями — стена (№ 49) толщиной 0,46 м. Кладка ее восточного фаса, который до пристройки был внешним, носит характер полигональности, как и некоторые другие стены того же времени на городище. Южные стены (№ 48 и 50) обоих помещений продолжают линию южной стены здания В. Северные стены пока не прослежены. Длина помещения I была не менее 8 м. Западная стена помещения II толще восточной — 0,55 м. В ней имеется заложенный дверной проем шириной 0,95 м, который вел в помещение III. Площадь его 4 × 3,40 м. Это помещение в значительной степени перекрыто стенами из крупного рваного камня и угловой загородкой здания Л, относящегося к I в. до н. э. (см. рис. 19, *1*, в центре), оно частично раскопано. В северо-западном его углу — хозяйственная загородка из плоских поставленных на ребро плит, разделенная на две секции (0,78 × 0,58 и 0,60 × 0,57 м). С севера к помещению III примыкало помещение VI, пока не доследованное, а с юга дверной проем шириной 0,75 м вел в помещение IV, которое удалось раскрыть полностью (рис. 19, *1*, слева). Площадь его — 3,35×3 м. Оно полностью выступает к югу за общую линию южных стен здания В и помещений I и II здания М, замыкая собою с запада мощеный дворик, находящийся к югу. С юга к помещению III примыкает помещение V, пока не раскопанное.

Полы всех помещений здания М были глинобитные, в отличие от здания В, имевшего каменные вымостки. Внутренние стены-перегородки сложены из мелкого камня. Толщина их 0,47—0,50 м. Западная стена (№ 60) здания отличается большей толщиной — 0,60 м. Она сохранилась в высоту на 1,25 м. Восточный фас ее также сложен из мелкого камня, а западный, внешний — из крупного. Такой характер кладки внешних стен наблюдается и в других эллинистических зданиях В и К.

Здание К (рис. 19, *2*, слева) расположено к югу от здания В, и восточные стены обоих зданий образуют одну линию. Между зданиями В и К был дворик, вымощенный каменными плитами. Северная стена здания К пока не прослежена (остатки ее перекрыты стенами более позднего здания А). Протяженность здания с севера на юг составляла около 7 м; ширина (с востока на запад) полностью раскрытого восточного помещения (I) — 4,50 м; западное (II) помещение пока не доследовано. Перегородка (№ 55) между помещениями почти полностью разрушена ямами I в. н. э. (№ 7 и 9). Лучше всего сохранилась в высоту восточная стена здания (№ 37) — на 1,76 м. Толщина стены 0,60 м. Западная сторона ее, внутренняя, выложена из довольно мелкого камня, а восточная — из камней разного размера, среди которых встречаются очень крупные (например 0,77×0,64 м по фасу), и имеет черты полигональности (см. рис. 19, *2*). К юго-восточному углу здания снаружи примыкает стена № 57, идущая с севера на юг

Рис. 19. Южно-Донузлавское городище. Раскоп I. Виды с юго-востока:

1 — здание М и перекрывающее его здание Л; *2* — здания Н (с погребением на полу), К (слева его стена № 37) и В (на заднем плане справа); *3* — скифская оборонительная стена и здание В (стена № 10)

и ограждавшая какую-то пристройку. На глинобитном полу здания К встречен эллинистический материал — обломки чернолаковых сосудов, херсонесский кувшинчик с тремя красными полосками, ручка херсонесской амфоры с клеймом Агафона Гнафонова (III в. до н. э.).

Как это постоянно наблюдается на городище, отдельные стены более ранних зданий, хорошо сохранившиеся, используются при возведении новых построек. Так, стена № 37 здания К была в первой половине II в. до н. э. включена в здание ГН. Подошва остальных стен этого здания лежит на 0,75 м выше подошвы стены № 37, построенной на материке. При этом вдоль стены № 37 пристроили с западной стороны стену № 37а, так что общая толщина достигла 1,14 м (толщина остальных стен здания 0,80 м).

В помещении Н, пристроенном к стене № 37 с востока, у его северной стены № 59, обнаружено погребение (см. рис. 19, *2*), еще одно было открыто в 1961 г. в здании В. Скелет мужчины среднего возраста, лежавший на спине головой на восток, был завален камнями, причем голова присыпана золой. Левая рука согнута в локте и положена на таз, правая вытянута вдоль туловища, ноги скрещены. У левого плеча находились раздавленная краснолаковая миска и бедренная кость лошади, а слева от головы — красноглиняный кувшинчик. Помещение Н вместе с погребением было перекрыто валом скифской оборонительной системы, присыпанным вплотную к линии восточных стен зданий В и К. Судя по стратиграфии этого участка, погребение было совершено во время захвата городища скифами (около середины II в. до н. э.), когда здание Н было разрушено, а вал еще не насыпан. Особенности погребального обряда (согнутая рука на тазу и скрещенные ноги погребенного, лошадиная кость в головах скелета) позволяют думать, что перед нами — погребение скифа с признаками сарматизации[5].

Скифские оборонительные сооружения, открытые в северо-восточной части городища, представляют собой вал и ров, облицованные с наружной стороны камнем (рис. 19, *3*). Вал служил основанием каменной стены, которая впоследствии рухнула, в результате чего огромный завал камня заполнил ров. Каменная облицовка вала и рва — это уступчатая кладка из рваного камня на глине, общей высотой по наклонной 4,10 м (до 18 рядов камня). Полная сохранность облицовки на эту высоту прослежена уже на протяжении 25 м. Со стороны городища облицовки нет: ее заменяет линия стен эллинистических зданий, явившаяся как бы подпорной стеной для вала. Толщина вала 7—8 м. Глубина рва, прорезавшего эллинистический культурный слой и материк, составляла 2,20 м; ширина рва, зафиксированная пока на минимальном участке, 7 м. Намечается облицовка камнем и восточной стороны рва. Через ров проходит поперечная стена-перемычка толщиной 1 м, сохранившаяся в высоту на 1,50 м. Она имеет два панцирных фаса из крупного камня, а середина забита более мелким. С запада стена примыкает к облицовке оборонительного вала, а с востока ее подошва поднимается соответственно наклону восточной стороны рва.

Кладка исследуемых оборонительных сооружений находит ближайшие аналогии на городище Тарпанчи, расположенном в 20 км к северо-западу от Южно-Донузлавского. Скифские стены Тарпанчи также лежат на греческом слое III—II вв. до н. э.[6] Прием возведения оборонительных стен поверх вала мы встречаем и у скифов Центрального Крыма[7].

---

[5] Ср. В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. ВДИ, 1951, № 1, стр. 113, 118, 119; Н. Н. Погребова. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского. МИА, № 96, 1961, стр. 107.

[6] А. Н. Щеглов. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. СХМ, III, 1963, стр. 69 и сл.; Он же. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 144, 145.

[7] О. Д. Дашевская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 110—111.

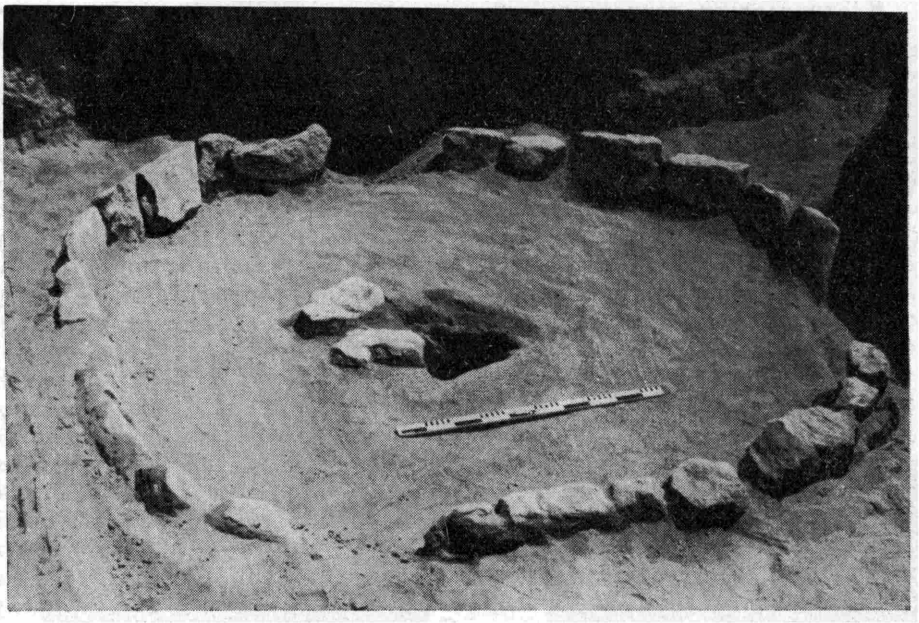


Рис. 20 Основание юрты

Раскрытый на Южно-Донузлавском городище участок скифской оборонительной стены имеет в плане дуговидные очертания. Судя по рельефу, а также по данным контрольного раскопа II к западу от раскопа I, скифская оборонительная система заключала небольшую крепость овального плана, протяжением с севера на юг свыше 130 м, а с востока на запад — 45 м.

Как уже упоминалось, первоначальное (херсонесское) поселение занимало бо́льшую площадь. Предполагаемые оборонительные стены его нам пока обнаружить не удалось[8], и поиски их будут одной из главных задач дальнейших раскопок.

Новый раскоп V, заложенный в 75 м к юго-востоку от скифской крепости, дал культурный слой толщиной около 2 м, содержащий строительные остатки и находки того же времени, что и в пределах укрепления (III в. до н. э.— I в. н. э).

На соседнем раскопе IV, в центральной части одного из холмов с культурным слоем I в. н. э. и песчаным наносом, мы обнаружили круглое сооружение типа юрты (рис. 20). Обкладка юрты в плане сохранилась полностью. Она представляет собой почти правильный круг, выложенный из поставленных на ребро плоских камней (в высоту — в один ряд, в ширину — тоже), диаметром по внешнему обводу 2,70×3 м. Входом, очевидно, являлся промежуток 0,70 м между камнями с юго-западной стороны. Пол обмазан глиной. На полу, а также вне юрты попадалась рушеная глиняная обмазка, а также куски обмазки со следами прутьев, видимо, составлявших каркас юрты. На полу в центре расчищены два лежащих рядом камня, а около них — ямка диаметром 0,30 и глубиной 0,30 м. В ней найдены ручка амфоры I в. н. э., фрагмент краснолакового сосуда, бронзовая серьга и двустворчатые раковины мидий. Ямка, вероятно, служила для установки центрального столба.

---

[8] В 1964 г. К. К. Шиликом проводилась с этой целью электроразведка, однако исследования были затруднены значительным песчаным балластом (в прибрежной части — свыше 1,5 м).

Юрту следует датировать, судя по материалу, I в. н. э. и относить к скифам. Ближайшей аналогией к ней является юрта-зимник, открытая П. Н. Шульцем в 1934 г. на поселении Кара-Тобе в том же Сакском районе, также датированная I в. н. э.[9] Оба сооружения представляют большой интерес для характеристики позднего периода жизни городищ северо-западного Крыма. Для этого периода по исследуемому району мы почти не располагаем письменными источниками, если не считать упоминания Арриана о «скифском» Калос Лимене[10]. Археологические данные позволяют думать, что это определение можно толковать прямо. Наряду с обилием лепной керамики и прямоугольными зданиями из рваного камня в верхних слоях основного раскопа открытое нами круглое сооружение является еще более веским свидетельством того, что после победы Диофанта скифы не покинули Южно-Донузлавское городище окончательно.

К I в. н. э. относится большинство хозяйственных ям, открытых на раскопе I (№ 3—5, 7, 9, 10, 12, 14, 15, 18, 19).- Они имели грушевидную форму, обычную для зерновых ям, широко распространенных на поселениях Северного Причерноморья. Горловины были обложены камнем. Ямы вырыты в культурном слое, а нижние их части врезаются в песчаный материк, реже — лишь доходят до него. Стенки и дно обмазаны глиной. Глубина достигает 2,50—3,50 м, диаметр дна — 2 м. Для ям Южно-Донузлавского городища характерно весьма обильное заполнение, благодаря которому мы получили ряд разнообразных керамических комплексов, заслуживающих специального изучения. Среди найденной в ямах керамики преобладают обломки амфор (главным образом светлоглиняных с двуствольными ручками и узкогорлых с профилированными ручками) и лепных сосудов, много краснолаковой керамики. Интересен комплекс из ямы № 18. Здесь, кроме амфор и больших горшков с защипами по венчику, найдены ладьевидный лепной светильник (рис. 21, *8*), лепная «солонка» (рис. 21, *7*), большая гончарная сковорода, тонкостенный кувшинчик с черным ангобом (рис. 21, *5*). Из многочисленных обломков удалось полностью собрать две огромные одинаковые красноглиняные амфоры с коническими ножками, починенные и вторично использованные в древности. На обеих сохранились свинцовые скрепы, вставленные в просверленные отверстия. Ручки и горло отбиты, край заглажен. Таким образом, эти амфоры превратились в своего рода пифосы. Такая же амфора с теми же признаками вторичного использования найдена и в другой яме — № 19. Среди находок в яме № 19, кроме редких типов амфор, надо отметить краснолаковый горшок с белой росписью в виде горизонтальных полос — трех на тулове и одной на горле (рис. 21, *3*).

Из прочих керамических находок на городище за последние три года наиболее интересны обломки лепного горшка с греческой надписью, сделанной по сырой глине, лепной лощеный сосуд, подражающий по форме античному канфару (рис. 21, *6*), найденный в слое I в. н. э., орнаментированная овами херсонесская черепица (рис. 21, *2*).[11]

Среди металлических предметов особый интерес представляет железный виноградарский нож (рис. 21, *1*), второй в северо-западном Крыму[12]. Эти ножи (в разновременных слоях) наряду с тарапанами на Южно-Донузлавском городище (в завале) и на верхней вымостке в башне

---

[9] П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 253, 254; Он же. Евпаторийский район. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» М.— Л., 1941, стр. 273—275.

[10] «Arriani Periplus Ponti Euxini», § 30.

[11] Н. П. Сорокина. Архитектурная терракота Херсонеса. СХМ, II, 1961, стр. 3 и сл.; В. В. Борисова. Эллинистические архитектурные детали. СХМ, I, 1960, стр. 7.

[12] А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 138, рис. 48, *8*.

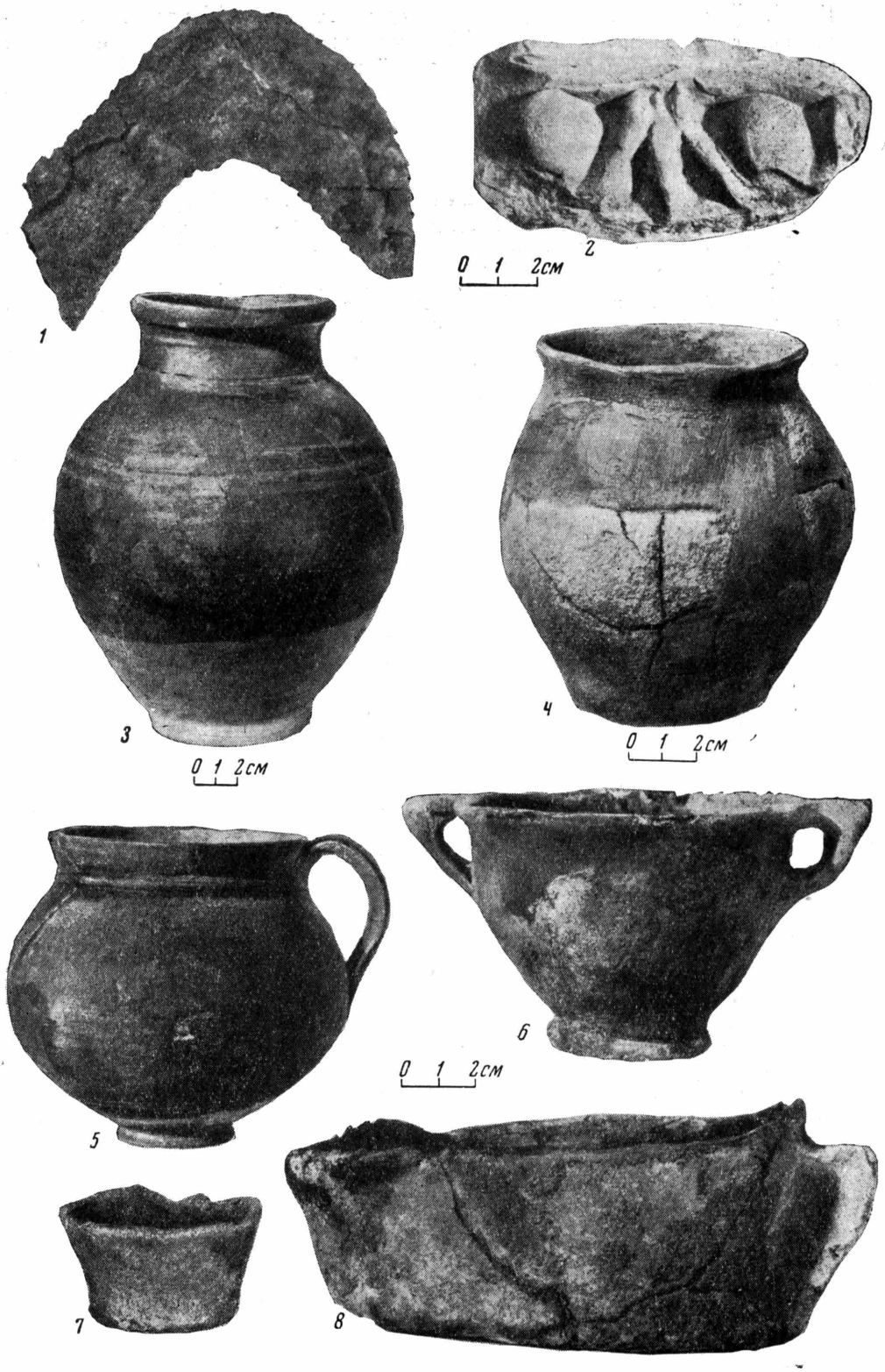


Рис. 21. Южно-Донузлавское городище. Находки из раскопа:

1 — виноградарский нож; *2* — орнаментированная черепица; *3* — краснолаковый сосуд с белой росписью; *4, 6, 7* — лепные сосуды; *5* — кувшинчик с черным ангобом; *8* — светильник

Беляуса[13], зерна культурного винограда на городище Тарпанчи и особенно виноградные плантажи на Тарханкутском полуострове[14] позволяют говорить о виноградарстве как об одной из основных отраслей сельского хозяйства северо-западного Крыма в античную эпоху[15], игравшей определенную роль и в последний период существования исследуемых поселений.

---

[13] Наши раскопки 1964 г. Тарапаны экспонированы в Евпаторийском музее.

[14] А. Н. Щеглов. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма. СХМ, II, 1961, стр. 77; Он же. К истории древнего виноградарства в Крыму. «Виноградарство и садоводство Крыма», 1961, № 12, стр. 40 и сл.

[15] Мнение о существовании на западнокрымской равнине не только полей, но и виноградников было высказано В. Д. Блаватским, сопоставившим херсонесскую надпись в честь Агасикла с первыми археологическими наблюдениями А. И. Шмакова (В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 28, 29).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

В. Д. БЛАВАТСКИЙ, Б. Г. ПЕТЕРС

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В РАЙОНЕ ЕВПАТОРИИ

В 1964 и 1965 гг. Институтом археологии АН СССР было организовано три экспедиции на территории строительства Евпаторийского морского порта на Донузлаве[1].

В этом районе, по сообщению лоцмана А. К. Киричека, водолазами были обнаружены античные амфоры.

В январе 1964 г. экспедиция ИА в тяжелых зимних условиях обследовала морское дно, выявила и нанесла на план места скопления керамики, собрала археологический материал. Все эти находки позволили предположить, что здесь произошло в древности кораблекрушение. Подводная экспедиция в июле 1964 г. вновь обследовала морское дно, применив геофизические методы для уточнения места будущих работ.

В этом районе на дне моря с помощью капроновых тросов было разбито шесть квадратов 25×25 м, круг и полукруг с радиусами 25 м (рис. 22). Поверхность морского дна на размеченной площади исследовалась металлическим щупом на глубине 1 м через каждые 10 см.

Поверхность дна также изучалась с помощью специально сконструированного зонда, нож которого по мере его движения углублялся в грунт; движение зонда приостанавливалось при обнаружении твердого предмета.

В тех местах, где щуп или зонд встречали препятствие, были заложены четыре разведочных квадрата, стены которых крепились металлической или деревянной опалубкой.

В месте обнаружения древнего судна была установлена на дне моря укрепленная в грунт бетонная веха — репер. Веха возвышалась не менее чем на 1 м над дном и не препятствовала судоходству. Она явилась важным ориентиром и исключила путаницу при дальнейших работах. Рядом с вехой устанавливался на якоре долговременный буй.

В 1965 г. в связи с дноуглубительными работами на данном участке были осуществлены охранные подводные археологические раскопки на средства, отпущенные черноморским пароходством. Руководством Евпаторийского морского порта и военно-морскими силами была оказана техническая помощь в проведении подводных работ: улучшение снаряжения и оборудования, изготовление малогабаритного компрессора, сооружение цельно-металлического плота.

[1] В экспедициях в различное время участвовали: начальник экспедиции В. Д. Блаватский, археологи-подводники: В. И. Кузищин, Г. А. Кошеленко, Б. Г. Петерс; археологи: Т. В. Блаватская, Р. Ф. Воронина, О. Д. Дашевская, Н. А. Онайко. Техническим обеспечением занимались А. Б. Блаватский, А. З. Изотов, В. П. Лебедь. В подводных работах участвовали аквалангисты Воронежского подводного клуба, Калужского подводного клуба, Московские подводные клубы: «Дельфин», Института стали и Энергетического института.

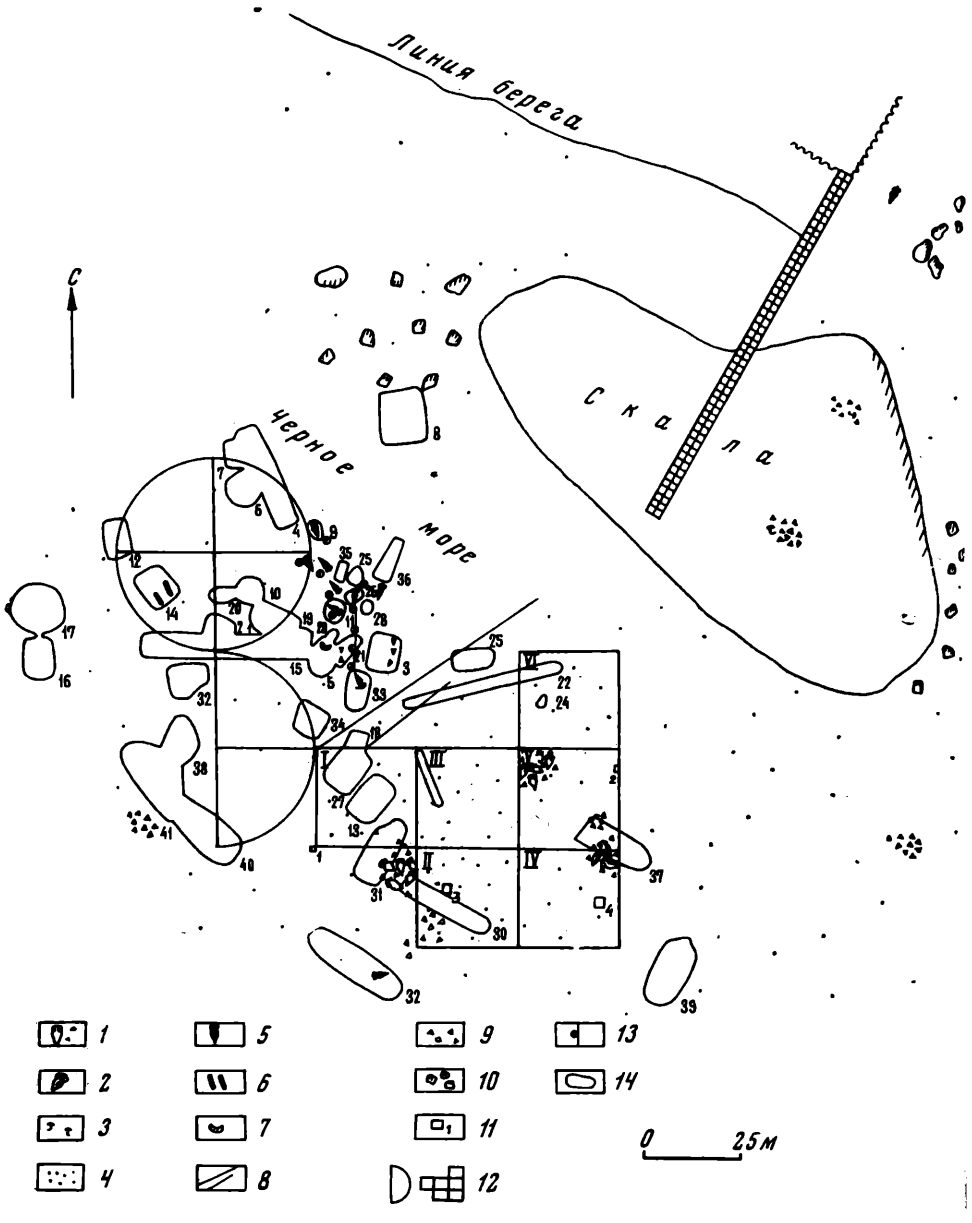


Рис. 22. План места работ Черноморской подводной экспедиции у Донузлава в 1964—1965 гг.:

1 — амфоры, поднятые в 1963—1964 гг.; *2* — амфоры, обнаруженные в 1964 г.; *3* — бронзовые корабельные гвозди; *4* — песок; *5* — амфоры, поднятые в 1965 г.; *6* — свинцовая обшивка корабля; *7* — деревянные части корабля; *8* — пути движения зонда; *9* — скопление керамики; *10* — скопление камней; *11* — разведочные шурфы; *12* — зоны, исследованные щупом; *13* — буровые скважины; *14* — котлованы, пройденные в 1965 г. рефулерными баржами

Исследования велись в открытом море на расстояниях 140—180 м от берега на глубине 4—5 м (в раскопках глубина достигала 9 м).

Сначала производилась визуальная разведка дна моря, состояние поверхности которого в данном районе часто меняется вследствие штормов. В результате разведок обнаружена вновь выступившая на поверхность античная керамика, в местах скопления ее были заложены восемь буровых скважин ручного бурения, которые прошли аквалангисты под водой,

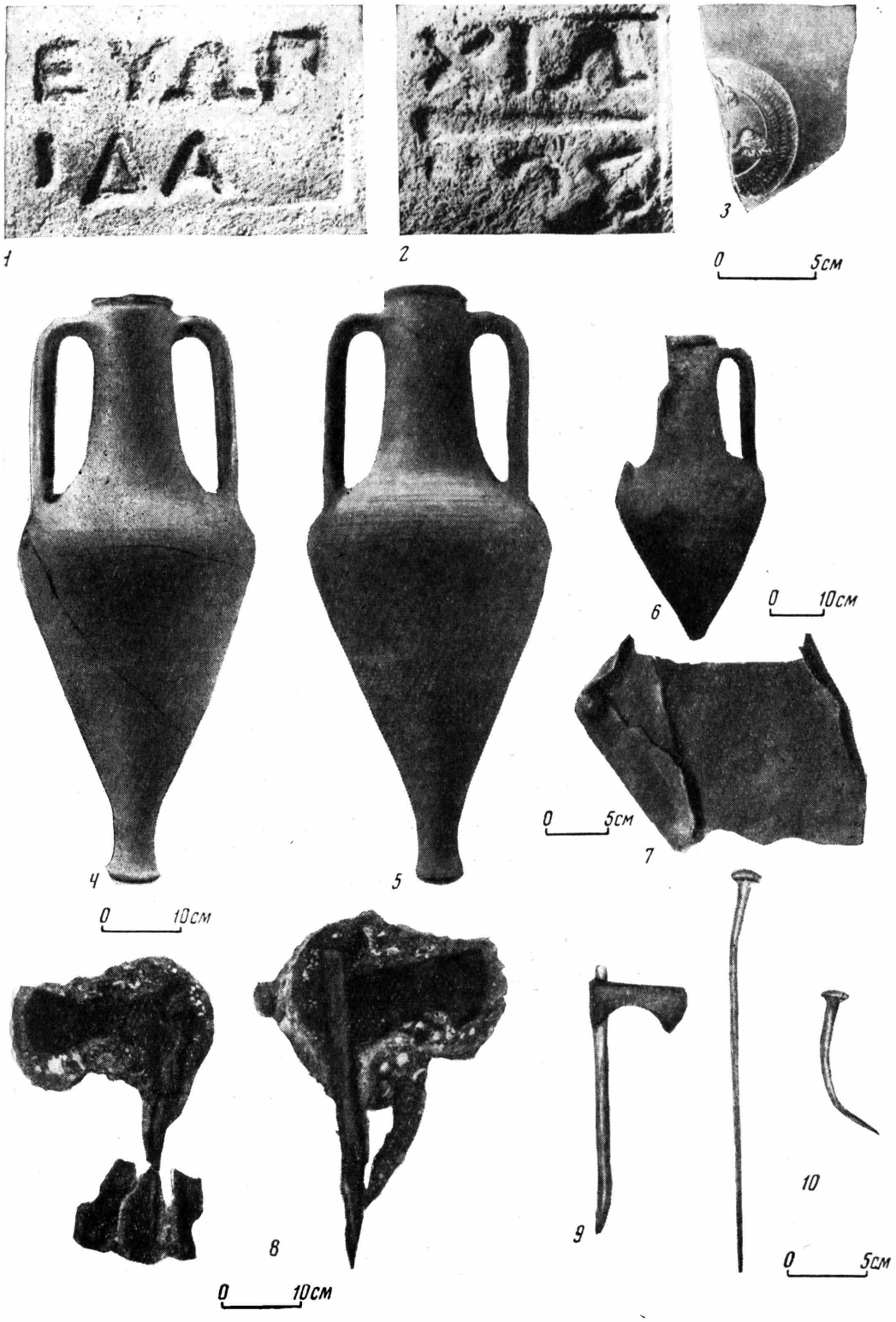


Рис. 23.

1 — клеймо гераклейской амфоры мастерской Евопида; *2* — клеймо гераклейской амфоры мастерской Хиона; *3* — фрагмент чернолакового килика со штампованным орнаментом; *4* — гераклейские амфоры мастерской Евопида; *5* — гераклейская амфора мастерской Хиона; *6* — гераклейская амфора мастерской Мико; *7* — свинцовый лист обшивки судна с отверстиями от гвоздей; *8* — топор корабельного плотника; *9* — гипсовый слепок топора корабельного плотника; *10* — бронзовые корабельные гвозди

глубина скважин 1,8 м, в одной из них на глубине 0,4 м были обнаружены фрагменты амфор.

Разведки, а также последовавшие за ними раскопки сопровождались составлением плана и подводным фотографированием.

Затем производились подводные раскопки. Был пройден 41 раскоп глубиной от 2 до 4 м, из которых вынуто более 5 тыс. м^3 грунта с помощью самозагружающихся рефулерных барж, отсасывающих в один рейс мокрого песка (пульпы) до 450 т, при этом обнаружено много находок, лежавших на глубине до одного метра.

Во время раскопок водолазы иногда поднимали на поверхность отдельные куски песчаника, внутри которых находились остатки деревянных и металлических частей судна. Если же куски песчаника, покрывавшие корабельные детали, в дальнейшем были разломаны, то внутри них оставались гнезда этих частей.

При вскрытии одного из песчаников внутри обнаружен железный топор корабельного плотника (рис. 23, *8*). Длина топора 19,5 см, высота обуха 9 см, ширина обуха 4 см. Длина деревянной рукояти 40 см, ее диаметр 2,5 см.

В том месте, где на рукоять был насажен топор, сохранились следы обжима дерева, хорошо видны зарубки и следы подтесов рукояти острым орудием. Деревянная часть топорища возвышалась в верхней части на 3,5 см над топором. Как со стороны обуха, так и со стороны лезвия топора, в центральной части возвышения рукояти,— глубокие горизонтальные зарубки длиной 1 см, над которыми имеются круглые углубления. Возможно, здесь с помощью специальной обмотки фиксировалось положение топора на топорище или крепилась ременная петля для его подвески.

Надо отметить, что от коррозированной металлической части топора осталась своего рода каменная форма, из песчаника гипсовый слепок, отлитый в ней, воспроизводит форму железного топора (рис. 23, *9*).

Аналогией ему может служить топор, от которого также уцелела «каменная форма», обнаруженный в 1953 г. при подводных археологических работах в районе Канн[2].

Во время подводных работ нами были подняты несколько бронзовых корабельных гвоздей. Один из них (рис. 2, *10*) в выпрямленном состоянии длиной 25,8 см имеет шляпку сферической формы диаметром 2 см, с внутренней стороны которой имеется небольшой бортик для лучшей гидроизоляции. Шляпка гвоздя переходит в постепенно сужающийся стержень длиной 4,5 см, диаметром от 0,5 до 1,0 см. Конец стержня изогнут, сечение квадратное, заканчивается острием. Можно предположить, что прямая часть гвоздя соответствует толщине доски судна — 4,5 см.

Длина выпрямленного другого бронзового корабельного гвоздя (рис. 23, *10*) 10,5 см, диаметр сферической шляпки 1,8 см. Верхняя часть гвоздя прямая длиной 3,5 см, его диаметр изменяется от 1,0 см до 0,5 см. Остальная часть гвоздя сильно изогнута, имеет квадратное сечение и заострение на конце. Можно предположить, что прямая часть гвоздя соответствует толщине доски судна — 3,5 см.

Интересно отметить, что верхние части гвоздей имеют форму усеченных конусов, плотно закрывающих проделанные в судовых досках отверстия.

Во время подводных раскопок нами было поднято десять отдельных кусков свинцовой обшивки (рис. 23, *7*). Все листы порваны на части и скомканы.

Наибольшие размеры развернутых листов 60×50×0,1 см. На многих листах свинцовой обшивки оттиснуты шляпки крупных и мелких гвоздей

[2] G. Barnier. Decouvertes d'outils antiques au fond de la mer. Atti del II Congresso Internazionale di Archeologia Sottomarina. Albenga, 1958, стр. 310 и сл., рис. 9—15.

диаметром до 1,6 см. Часто края отверстий от гвоздей рваные, т. е. свинцовая обшивка была оторвана от борта. Расстояние между отверстиями от гвоздей на свинцовых листах колеблется от 4,5 до 7 см. Иногда такие отверстия расположены рядами на расстоянии 7,5 см. Один свинцовый лист сохранил два сходящихся под прямым углом выреза, сделанных в ходе строительства судна и, очевидно, покрывал носовую или кормовую часть киля.

На внутренней поверхности свинцовой обшивки сохранились остатки корабельных гвоздей, дерева и смолы. Как мы предполагаем, свинцовая обшивка находилась в основном ниже ватерлинии, она способствовала большей устойчивости судна, предохраняла его металлические части от коррозии, а деревянные от гниения и древоточцев, а также от обрастания днища ракушкой.

Во время подводных раскопок со дна моря были извлечены остатки плохо сохранившихся деревянных частей судна, несколько обломков досок обшивки и обломок части шпангаута дугообразной формы 34×6,5×5 см.

В 1964—1965 гг. со дна моря было поднято 20 целых гераклейских амфор[3], на 13 амфорах имеются клейма.

Первая группа: мастерской Евопида (рис. 23, *4*), глина этих семи амфор оранжево-коричневая с энглифическими клеймами на горле ΕΥΩΠ/ΙΔΑ (рис. 23, *1*). К этой группе, возможно, относятся еще несколько амфор с частично утраченными верхними частями, но одинаковыми по размерам, цвету и характеру глины.

Вторая группа: мастерской Хиона[4] (относится Б. Н. Граковым ко II группе) (рис. 23, *5*), глина этих двух амфор серая с желтовато-коричневым оттенком с энглифическими клеймами на горле ΠΑΛΙΩΝ/ΧΙΩΝΟΣ (рис. 23, *2*). К этой группе, возможно, относится еще несколько амфор с частично утраченными верхними частями, но одинаковыми по размерам, цвету и характеру глины.

Третья группа: мастерской Мико (рис. 23, *3*), глина этих двух амфор серая с желтовато-коричневыми пятнами на поверхности, с рельефными клеймами на горле: ΜΙΚΟ.

Кроме того, имеется два энглифических клейма на гераклейских амфорах, одно из них круглое, содержащее буквы ΧΙΟ...,— часть клейма не вышла, второе клеймо не разборчиво, сохранилось две строки, из которых в первой читается... ΙΟ и в последней — ΙΟ.

Все эти группы гераклейских амфор[5] можно датировать концом IV—III в. до н. э. Несмотря на то, что клейма ΕΥΩΠ/ΙΔΑ по большей части оттиснуты довольно небрежно, все они несомненно нанесены одним и тем же штампом. Достаточно отчетливо это наблюдается также на двух амфорах с клеймами ΧΙΩ/ΝΟΣ и двух амфорах с клеймами ΜΙΚΟ.

Видимо, описываемые нами амфоры некогда принадлежали к одной партии товаров, которые составляли часть корабельного груза.

Внутренняя часть стенок многих амфор сохранила следы смолы. Все амфоры внутри были заполнены плотной массой песка и ила. Их поверхность, за исключением нескольких, была совершенно чистая, свободная от

[3] Десять амфор и большое количество фрагментов, поднятых в 1964—1965 гг. нами, были переданы в Евпаторийский краеведческий музей.

[4] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках, горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 126, № 167; Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. «Труды ГИМ», вып. I, 1926, стр. 191, 205, № 63 (из раскопок 1884 г. в Ольвии).

[5] И. Б. Зеест. Керамическая гора Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 134, 158, табл. XXII, *45*.

каких-либо наростов песчаника и раковин, которые обычно появляются на древних керамических изделиях, долго лежавших на морском дне в открытом состоянии.

Это обстоятельство позволяет думать, что, оказавшись на морском дне, эти амфоры начисто были занесены песком.

В числе предметов, находившихся на этом корабле, возможно, был чернолаковый килик со штампованным орнаментом, фрагмент которого был найден на том же участке (рис. 23, 3).

Все сказанное рисует картину гибели торгового корабля, груженного амфорами с вином, который в конце IV—III в. до н. э. вышел из Гераклеи Понтийской и был прибит сильным штормом к пустынному берегу возле Донузлава, где и потерпел аварию, разбившись о прибрежные рифы. Гераклейский корабль затонул на небольшой глубине, в связи с этим при последующих штормах он неизбежно подвергался значительному разрушению.

В исследованном районе, помимо остатков гераклейского корабля, обнаружены также другие находки: обломки амфор VI в. до н. э. с росписью в виде полос коричневатого лака, фрагмент большого краснолакового лутерия и обломки амфор римского времени.

Перечисленные находки позволяют предположить, что в античную эпоху в этом районе Черного моря неоднократно происходили кораблекрушения.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

И. Д. МАРЧЕНКО

РАСКОПКИ ЗДАНИЯ II в. до н. э. В ПАНТИКАПЕЕ в 1963—1965 гг.

При археологических исследованиях в северной части Ново-Эспланадского раскопа в 1963 г.[1] обнаружено большое общественное здание II в. до н. э. (рис. 24). Оно расположено на пятой террасе, которая поднимается на 4 м выше раскопов К. Е. Думберга, где в конце XIX в. был открыт участок древнего Пантикапея с монументальными зданиями IV—II вв. до н. э.[2] Эти сооружения были оставлены открытыми как уголок древнего Пантикапея, но с течением времени разрушились и определить место их не представлялось возможным[3]. Раскопки XIX в. показали, что на глубоких перепадах террас, под слоем насыпи, могут сохраняться в Пантикапее довольно крупные сооружения античного времени.

В процессе раскопок 1962 г. найдены плиты дорического архитрава; возникло предположение, что под насыпью, в северной части раскопа, залегает крупное здание.

В 1963 г. была прокопана насыпь и открыт центральный двор, окаймленный с юга дорической колоннадой. За ней открылась галерея и перекрывающая ее более поздняя подпорная стена, сложенная из частей рухнувшего здания. В южной части террасы обнаружены три помещения А, Б, В (рис. 24, 25).

В 1964 г. раскопана западная часть этой же террасы. Выяснилось, что под прямым углом к южной колоннаде шла западная колоннада, а за ними еще два помещения Г и Д.

Таким образом, открылся архитектурный ансамбль, состоящий из двух комплексов помещений, не соединенных между собой, но сгруппированных вокруг центрального двора как единого центра. Входы в помещения устроены в углу сходящихся галерей, а выход из южной галереи вел во двор, расположенный с востока.

При исследованиях 1965 г. выяснилось, что центральный двор с северной стороны не имел колоннады и оставался открытым на всю длину пятой

---

[1] Результаты раскопок Ново-Эспландского раскопа за годы 1956—1958 (В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2, стр. 171—185; Н. И. Сокольский. Раскопки Пантикапея. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 32—45). С 1959 по 1963 г. и в 1965 г. раскопки Пантикапея проводил ГМИИ; в 1964 г.— совместная экспедиция ИА АН СССР и ГМИИ.

[2] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 113 и сл.; В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 57; Он же. Пантикапей. «Очерки истории столицы Боспора». М., 1964, стр. 118 и сл.

[3] ОАК за 1899 г., стр. 18 и сл.; М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 115 и сл., рис. 24, табл. XXXVII и сл.

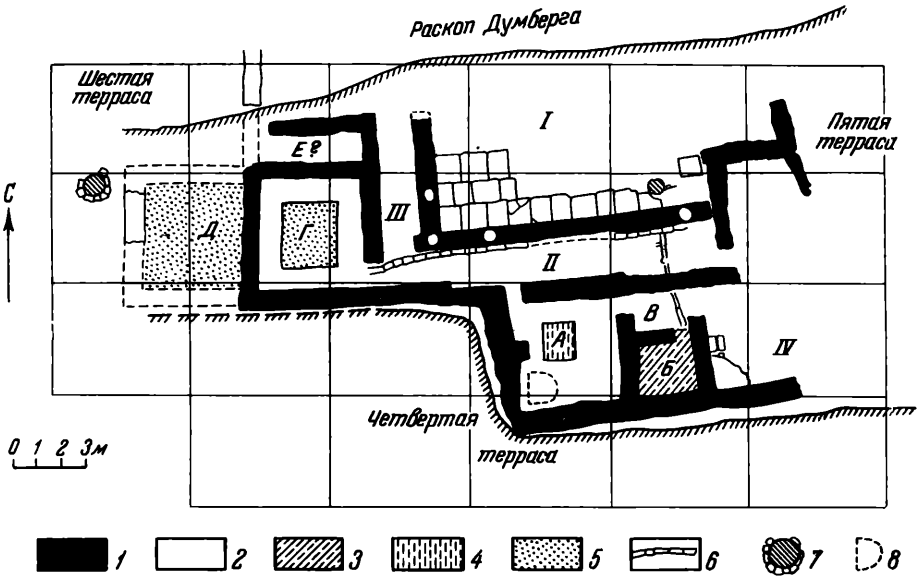


Рис. 24. План здания II в. до н. э.:

I — центральный двор; *II* — южная галерея; *III* — западная галерея; *IV* — восточный хозяйственный двор (А, Б, В — южные помещения; Г, Д и Е — западные помещения).

1 — сохранившиеся остатки стен; *2* — разобранные или перекрытые стены; *3* — цемянковый пол; *4* — остатки мозаики из кусков мрамора; *5* — полы из галек, уложенных на белую или розовую цемянку; *6* — водостоки; *7* — цистерны; *8* — развал очага

террасы. На следующей, шестой, террасе залегают кладки сооружений, принадлежащих к участку раскопок К. Е. Думберга.

Можно предположить, что с севера здание было закрыто стеной, воздвигнутой на шестой террассе, или же здесь была лестница, ведущая в центральный двор. Бесспорно одно, с северной стороны не было колоннады. Своеобразием планировки здания является несимметричность западной и восточной стороны. Возможно, в этом отразился некоторый консерватизм боспорской культуры, поскольку в архитектурных комплексах метрополии этого же времени симметрия уже начинала приобретать значение[4]. Вероятно, эту несимметричность следует отнести за счет местных особенностей в архитектуре[5].

Не исключено, что при планировке строители принимали во внимание вид здания с северо-востока с места расположения агоры. Оно выделялось среди других построек своей угловой колоннадой, ограждающей широкий двор с богатым алтарем и скульптурой. Если бы на восточной стороне здания была воздвигнута колоннада, она закрыла бы центральную часть здания.

По своим пропорциям ордера здание выполнено в стиле эллинистической дорики и близко архитектурным сооружениям Приены и Пергама. Наличие всех компонентов позволяет восстановить дорический ордер, большое количество частей здания — девятнадцать барабанов колонн, четыре плиты архитрава (рис. 26), карниз, две капители и плита порога — дают возможность провести частичную реставрацию здания на месте.

---

[4] «Всеобщая история архитектуры», т. II, кн. I. М., 1949, стр. 272.

[5] В. Д. Блаватский. Античная архитектура Северного Причерноморья. «Всеобщая история архитектуры». М., 1948, стр. 392.

Хорошо сохранились фрагменты с росписью синей и красной красками, благодаря которым можно проследить всю систему раскраски здания. На плите гейсона (рис. 27) раскраска лежит плотным слоем. Роспись органически сливается с архитектурным рельефным поясом в верхней части здания. Декоративный пояс окаймлен сверху и снизу горизонтальными полосами красной краски, проведенной на полочке снизу фриза и на выступающей над фризом выносной плите карниза. Внутри этого пояса синей краской подчеркнуты вертикали триглифов и помещенных над ними мутул.

О богатстве внутреннего декора здания можно судить по фрагментам расписной штукатурки, очень близкой по фактуре и сюжету росписи, открытой К. Е. Думбергом. Отдельные фрагменты с полосой меандра принадлежат рельефному фризу, профилированным карнизам, архитектурному поясу с рельефными колонками, помещенными на красном или желтом фоне. На многих фрагментах штукатурки орнаментальные полосы плетенки, ов, лесбийского киматия, растительных мотивов. В нижней части стен галерей открыты заштукатуренные участки, покрытые темно-вишневой матовой краской. Здание построено из местного белого известняка.

Остановимся на вопросе датировки здания.

Культурный слой, в котором открыто здание, представляет собой суглинок сероватого и коричневатого оттенка, он залегает на глубине от 4,0 до 4,30 м. В южной части террасы он лежит на материке, а с северной — на тонком культурном слое III в. до н. э. Фундаменты кладок здания впущены в материк и кое-где лежат на остатках стен здания предшествующей поры.

Керамика культурного слоя, в котором залегает здание, относится к характерным типам эллинистической керамики II в. до н. э. Здесь найдено много сероглиняных тарелок и плоских блюд, покрытых черным и коричневым лаком, глубоких киликов с прямым краем, мегарских чаш, многорожковых светильников, синопских и косских амфор. Большинство найденных здесь в 1963 г. пантикапейских монет относится ко II в. до н. э. Это позволяет датировать здание II в. до н. э.

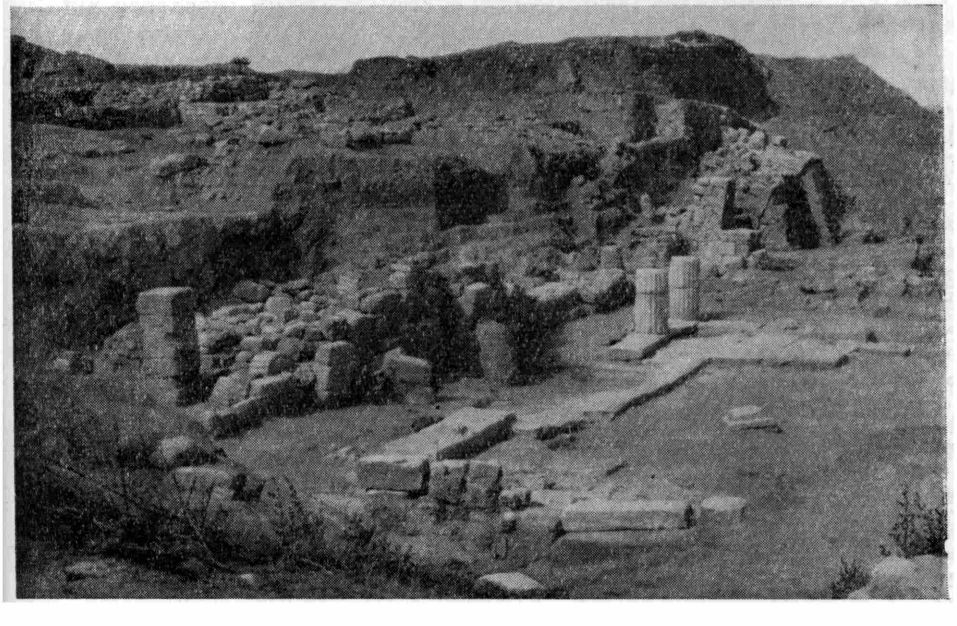


Рис. 25. Общий вид раскопа с сооружениями четвертой и пятой террасы. Снято с северо-востока

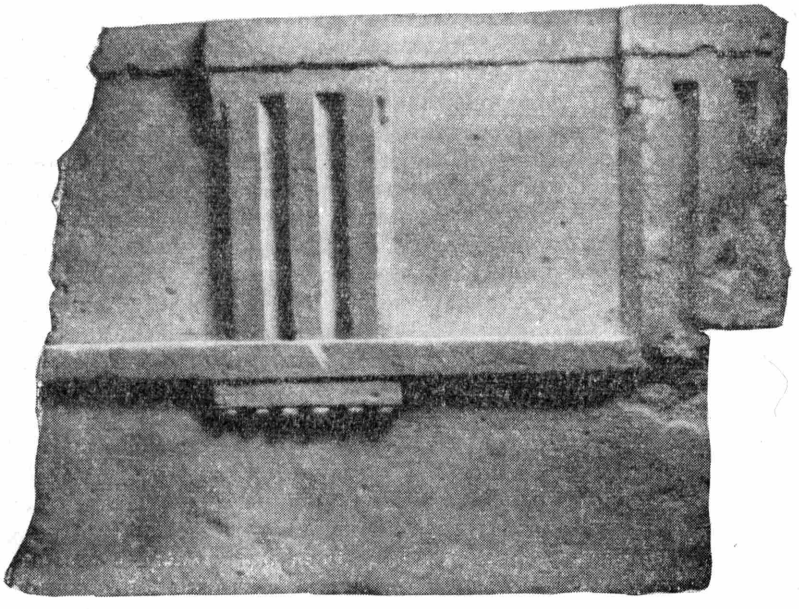


Рис. 26. Плита дорического архитрава с триглифным фризом

Рис. 27. Плита карниза с росписью красной краской на выносной плите и синей на мутулах

Время сооружения здания — II в. до н. э. является одним из наиболее интересных и малоизученных периодов истории Пантикапея. В это время, как показывают исследователи, экономическое и политическое положение Боспора «испытало немалые перемены, что сказалось и на его столице»[6]. Известно, что у власти находились несколько царей, один из них носил имя Спартока IV, трое — Перисадов. Перисад V передал власть в 109 до н. э. Митридату Евпатору. С его именем связано восстание Савмака, и это здание было свидетелем бурного периода жизни Боспора. Оно погибло от пожара в конце II в. до н. э.

Перейдем к описанию отдельных помещений. Центральный двор площадью 80 м^2 вымощен правильными рядами крупных плит, плотно примыкающих к плитам стилобата. Плиты уложены на слой щебенки. Вероятно, в центре его находился алтарь, от которого найдена часть с рельефным изображением гирлянд и букрании. Подобный мотив есть на карнизе храма Артемиды Левкофриены в Магнесии и на фризе нижнего гимнасия в Приене[7]. В восточной части двора имеется плита, видимо, служившая базой статуи. Это предположение подтверждается находками фрагментов пяти статуй (двух крупных и трех небольших). К первым относится фрагмент мраморной женской статуи, для которой аналогией является статуя танцовщицы в Пергаме[8], и верхняя часть женской гермы. К небольшим статуэткам относится статуэтка Пана[9], овальная база со ступнями ног и кисть маленькой женской руки. По обнаруженной здесь верхней части черепа быка с рогами, у которой задняя сторона специально подпилена, чтобы он мог быть прикреплен к вертикали стены, можно считать, что такие букрании украшали стены галерей.

Южная колоннада имеет длину 12 м. Восточным концом она упиралась в стену другого здания. Плиты стилобата (1,05 × 0,78 × 0,22) лежат в два ряда, нижние наполовину впущены в материк, верхние тщательно обработаны и уложены горизонтально. Глубина залегания стилобата 4,10 м. На этой линии стилобата стояло шесть колонн, из них сохранились три: две на высоту 1,3 м в западной части и одна в восточной. От нее уцелела нижняя часть с отверстием 0,18 м центре, куда вставлялся деревянный шип, удерживавший вертикально колонну. Основание ее залито свинцом.

На западной линии стилобата (длина 5,2 м) сохранились три плиты верхнего ряда. На второй из них стояла колонна, от нее уцелела нижняя часть. В основании она также залита свинцом.

Колонны сделаны из отдельных барабанов, они имеют по 20 каннелюр. Судя по диаметру (0,65 м), высота колонны была примерно 4 м. Капитель высотой 0,20 имеет на эхине три ремешка, окрашенных красной краской; абак завершен небольшим карнизом. Антефикс из боспорской глины дополняет украшение кровли здания (рис. 28).

Архитрав состоит из двух частей: дорического триглифного фриза (высотой 0,47) и гладкого архитрава (высота 0,30), выполненных из одного блока. Такой прием изготовления фриза с архитравом — явление довольно редкое, но оно встречено и в Эпидавре в храме Асклепия[10], и в Малой Азии[11], и у нас, в Мирмекии[12].

---

[6] В. Д. Блаватский. Пантикапей, стр. 125.

[7] «Всеобщая история архитектуры», т. II, кн. III, рис. 320; T. Wiegand, H. Schrader. Priene. Berlin, 1904, стр. 281.

[8] A. Conze. Altertümer von Pergamon. B. VII, 1. Berlin, 1908, стр. 63, табл. 43; H. Bulle. Archaisierende griechische Rundplastik. München, 1918, № 42a, стр. 21.

[9] Каталог античной скульптуры ГМИИ (в печати).

[10] J. Durm. Die Baukunst der Griechen. Leipzig, 1910, стр. 170, 143.

[11] A. Conze. Altertümer von Pergamon. B. II, табл. XXIII.

[12] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1933—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 152—153; рис. 31, 32; Л. Е. Ковалевская. Из истории архитектуры Мирмекия. МИА, № 85, 1956, стр. 317.

На плите помещено четыре триглифа шириной 0,25 м. Вертикальные каналы триглифов заканчиваются вверху прямой линией, что характерно для построек эпохи эллинизма. Метопы гладкие (0,36 × 0,3), они немного отступают вглубь от плоскости архитрава. Край карниза профилирован глубокими бороздками, окрашенными в красный цвет. На карнизе помещена рельефная маска льва.

Одна находка связана с системой сброса воды и интересна как пример сооружения кровли из отдельных деталей. Она представляет собой своеобразный лоток с желобом посередине; последний проходит через переднюю стенку с массой льва (рис. 29). Вероятно, эта деталь вставлялась в плиту карниза угловой части здания.

Под выносной плитой карниза помещены мутулы (0,25×0,14) с тремя рядами довольно низких капель.

Все элементы ордера выполнены в стиле и в пропорциях дорического ордера, применявшихся в постройках позднего эллинизма. Это позволяет сближать его с общественными зданиями Малой Азии, особенно с пританеем Приены[13] и с портиками святилища Афины Никефоры в Пергаме.

Обратимся к отдельным помещениям здания. Следует отметить некоторую асимметрию в ширине галерей. Стены, отделяющие галереи от помещений, сохранились плохо. Стена южной галереи оказалась почти вся закрыта подпорной стеной I в. до н. э. и только в двух нижних рядах улавливается система кладки блоков логом и тычком.

Помещение А почти квадратное (4,6×4,3) в плане. Две его стены подпорные, глубоко впущенные в подрез материка, у западной сделан контрфорс. Они сохранились на высоту 1,5—0,5 м, местами на них видны следы белого штукатурного слоя. Выявлены два земляных пола, на уровне верхнего в центре помещения залегал пласт строительного раствора. По найденным здесь кускам зеленого и белого мрамора с прикипевшей розовой цемянкой можно заключить, что эти куски вместе с подстилающим их пластом строительного раствора составляли мозаику в центре помещения. В юго-западном углу этого помещения обнаружен развал очага. У восточ-

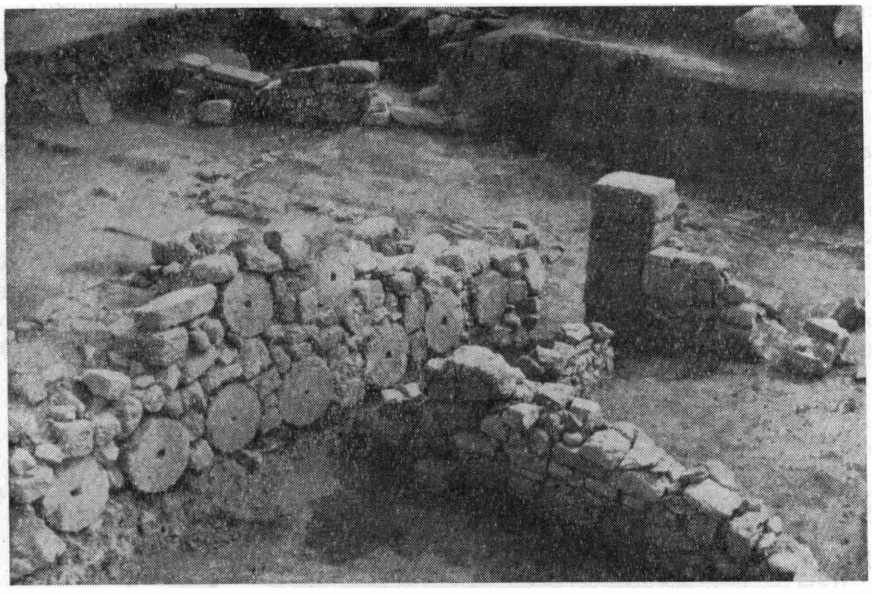


Рис. 28. Подпорная стена I века до н. э., сложенная из архитектурных частей здания II в. до н. э.

[13] T. Wiegand, H. Schrader. Указ. соч., стр. 231—234.

Рис. 29. Антефикс кровли здания.

ной стены на уровне верхнего пола найдены два белых мраморных блока (0,48×0,23×0,18), которые, вероятно, служили опорой для скамьи. Об этом говорят вырезы на боковых сторонах блоков в виде гнезд глубиной 1,5 см для вхождения в них шипов от деревянных досок. Блоки сделаны из одного распиленного пополам куска мрамора, возможно пьедестала статуи. Большой размер помещения, следы мозаики, остатки очага, блоки, фрагменты расписной штукатурки от настенных росписей дают основание видеть в этом помещении одно из главных и парадных зданий.

Восточная комната Б (2,6 × 2,5) меньше по размерам, она имела иной характер, ее пол сделан из пласта розовой цемянки, она заходила на высоту 0,24 м на стены, покрытые белой обмазкой. В дверном проеме — расположенный к северу водосток из глиняных калиптеров. Низ его сложен из полукруглых желобчатых калиптеров, а верх — из боспорских с гранеными стенками. На одном из них клеймо ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ, относящееся к концу III—началу II в. до н. э.[14] Вероятно, эта комната имела какое-то специальное хозяйственное назначение и одновременно могла быть баней. Сходное устройство имела комната в большом доме Ольвии, расположенном в нижнем городе[15].

За восточной стеной вплотную к ней выявлен большой развал обгорелых сырцов и кусков черепицы, которые являются остатками хозяйственной печи.

---

[14] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. «Известия ГАИМК», вып. 104, 1934, стр. 275, № 84, 85.

[15] Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», I. М., 1955, стр. 228, рис. 16.

Весь участок к востоку от помещения Б являлся внутренним двором. Он вымощен каменными плитами, в углу был сделан как бы закром из поставленных плит, здесь найдены три обломка жерновов.

Третье помещение В соединялось с помещением Б. Оно почти перекрыто поздней подпорной стеной и поэтому его размеры неясны.

Если комплекс южных помещений имеет четкие очертания и каждая комната ограждена стенами, то в западных они сохранились значительно хуже. Бесспорным является одно большое помещение Г за западной галереей, соединенное с ней дверным проемом в южной части. Оно ограждено тремя стенами, площадь его 4,5×5 м. Восточная половина его перекрыта каменной вымосткой двора I в. до н. э., а южная стена — подпорной стеной. Пол его представляет собой своеобразный вид мозаики, уложенной из серых галек на пласт белого строительного раствора. Середину пола образует квадрат со сторонами 2,3 м из крупных плоских галек белого, серого, розового цвета. С четырех сторон квадрат ограничен тремя рядами мелких продолговатых галек. Пол находится на глубине 7,64 от современной дневной поверхности. В устройстве его видны черты сходства с полом дома Ольвии, открытом в 1912 г.[16] Стены помещения Г были покрыты росписью, в нижней части стена окрашена красной краской.

Второй галечный пол из галек меньшего размера, впущенных в слой цемянки розового цвета, относится к другому, самому западному помещению Д. Плохое состояние участка не позволяет уловить очертания второй комнаты и ее размер. Уровень этого галечного пола был на 0,30 м выше пола помещения Г.

Не исключено, что в западном комплексе помещений было еще одно, третье, в северной части. В этом участке видны следы поздних перестроек, не позволяющих уверенно отнести к внутреннему убранству третьего помещения найденный в этом месте интересный фрагмент штукатурки. Он окрашен красным и желтым цветом и соединен полосой белой плетенки с голубыми треугольниками внутри. Эти мотивы росписи встречены впервые.

Следует упомянуть о системе водостоков, по которой вода собиралась в двух цементированных цистернах грушевидной формы, устроенных в восточном углу центрального двора и западнее помещения Д. Цистерны имели каменный венец и вырезаны в материке. Главной магистралью был каменный водосток, уложенный вдоль южной колоннады. Дно его вымощено кусками соленов, среди которых обнаружен обломок черепицы треугольной формы, боковые стенки и перекрытие из каменных плит. В эту магистраль входил водосток из помещения Б, и к ней же были подключены более поздние водостоки. Следует отметить, что внутри водостоков оказалось большое количество мелких костей рыбы, судака, плотвы, анчоуса. По наблюдению специалистов, состояние костей говорит о том, что здесь не было технической обработки рыбы, как на рыбозасолочном предприятии, а из нее готовили пищу[17].

Весь комплекс открытых помещений несомненно должен быть определен как общественное здание. Об этом говорит тип постройки, украшенной дорической колоннадой, богатство его внутренней и внешней отделки, высокое техническое выполнение, большой размер занятой зданием площади — более 500 м^2 и, наконец, крупный масштаб земляных работ, связанных с его устройством на подрезе террасы.

Каково же назначение здания? Нам представляется возможным отнести его к типу пританея, здания, являвшегося местопребыванием пританов, где устраивались торжественные общие трапезы, приемы послов, где был очаг и собирались почетные граждане. Наиболее близким по вре-

---

[16] ОАК за 1917 г., стр. 26, рис. 39.

[17] Выражаю большую благодарность кафедре ихтиологии МГУ и Е. А. Цепкину, проводившему определение костных остатков рыб.

мени нашему зданию является пританей в Ольвии [18] и Приене [19]. Последний представляет собой здание, повторяющее в общем устройство жилого дома. Центром его служил вымощенный камнем и обнесенный колоннами двор, на котором установлен жертвенный стол. Здесь же был бассейн. С севера двор имел стену с проходом, а с трех сторон располагались помещения. В одном из них был очаг, представляющий собой остатки общественного очага.

Вновь открытое здание Пантикапея обладает рядом общих признаков с пританеями Греции и особенно Малой Азии. Центром его являлся двор с алтарем; здесь же была цистерна подобно бассейну в пританее Приены. В главной комнате помещения А был очаг, пол украшен мозаикой, у расписной стены стояла парадная с мраморными основаниями скамья. Два других помещения Г и Д тоже богато отделаны, стены имели роспись, а полы представляли собой вид мозаики из разноцветных галек.

Наличие внутреннего восточного дворика с хозяйственным комплексом в виде большой печи, остатков трех зернотерок, а также огромного количества керамических находок одного типа — в основном сероглиняных чернолаковых блюд, киликов и тарелок как местного, так и привозного происхождения, а также множество костей рыб подчеркивают одну из сторон функционирования этого здания, как пританея, места, где собирались заслуженные граждане города и устраивались общественные трапезы.

Вновь открытое здание Пантикапея важно как ценный памятник архитектуры Северного Причерноморья, близкий по внутреннему содержанию и по внешнему оформлению архитектуре городов Малой Азии эллинистической поры. Пантикапей до сих пор не имел «ни одного здания, настолько сохранившегося, чтобы можно было восстановить его фасад, который бы дал нам представление о художественном образе архитектурных сооружений Пантикапея этого времени» [20]. Наконец, оно отражает экономическое состояние Боспора в эпоху позднего эллинизма, периода, о котором сохранилось недостаточно исторических документов.

---

[18] ОАК за 1909—1910 гг. Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках, стр. 74. В. Д. Блаватский. Античная архитектура Северного Причерноморья, стр. 377.
[19] T. Wiegand, H. Schrader. Указ. соч., стр. 234.
[20] В. Д. Блаватский. Пантикапей, стр. 120.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

Д. Б. ШЕЛОВ

РАСКОПКИ ТАНАИСА в 1964—1965 гг.

В 1964 и 1965 гг. Нижне-Донская археологическая экспедиция продолжала исследования городища и некрополя Танаиса. В этих работах принимали участие Институт археологии АН СССР, Ростовский областной музей краеведения, Московский и Ростовский государственные университеты [1].

Основные работы экспедиции были сосредоточены на западной окраине городища первых веков н. э. (раскопы IV и VI), где выяснялась система оборонительных сооружений города римского времени и открывались примыкающие к оборонительной стене сооружения. В центральной части западной крепостной линии закончено исследование оборонительного рва, частично вырытого в грунте, частично вырубленного в материковой скале. Этот ров, сооруженный в начале II в. н. э., являлся фортификационным сооружением исключительной мощности, свидетельствующим не только о большой военной роли Танаиса в первые века н. э., но и о значительном экономическом потенциале этого города, сумевшего создать столь монументальную систему обороны. На этом участке вскрыт и отрезок оборонительной стены II—III вв. н. э., протяженностью до 25 м. К сожалению, стена здесь оказалась почти полностью разрушенной позднейшей выборкой камня, от нее сохранились по большей части только огромные камни фундамента. Однако от выборки камня уцелел проход в крепостной стене, выложенный тесаным камнем и тщательно вымощенный каменными плитами. Проход имеет в длину около 3 м, что соответствует ширине оборонительной стены в этом месте. Проход несколько сужается к наружной стороне стены, так что ширина внешней двери, запиравшей этот проход снаружи, составляла 1,30 м, а ширина двери, ведшей из прохода внутрь города,— 1,70 м. Стены прохода сохранились в высоту всего на 1 м, но по находкам в этом месте завала трапециевидно отесанных камней можно предполагать, что проход имел сводчатое перекрытие. Видимо, снаружи в крепостной стене над этой сводчатой калиткой была укреплена прямоугольная известняковая плита, найденная на расстоянии 1 м к западу от прохода. На плите высечен рельефный тамгообразный знак (рис. 30), который может быть предположительно приписан боспорскому царю Риметалку (131—153 гг. н. э.). Эта плита является первым свидетельством строительной деятельности Риметалка в Танаисе.

Участок оборонительной стены, в котором находилась калитка, защищался мощной крепостной башней III, центральной башней всей западной оборонительной линии. Башня дважды перестраивалась. Первоначально

[1] Состав экспедиции: Д. Б. Шелов (начальник), Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева, А. И. Болтунова, С. Н. Братченко, Д. В. Деоник, Ю. П. Ефанов, Л. М. Казакова, Н. М. Казакова, В. Е. Максименко, студенты и школьники Москвы и Ростова.

(II в. н. э.) она имела размеры 8,3×9 м и была сложена из камня средней величины. На рубеже II и III вв. н. э. башня была разрушена или разобрана, и на ее остатках, как на субструкции, была возведена новая башня колоссальных размеров (почти 12×13 м), самая мощная из открытых до сих пор танаисских башен. От башни, сооруженной в начале III в. н. э., сохранились только фундаменты из огромных каменных глыб и массивная каменная вымостка внутрибашенного помещения. В одном из углов помещения была вкопана интересная амфора с воронкообразным горлом и клеймом ΕΛΕΥΘΕ на ручке. Здесь же найдены бронзовый сосуд и скульптурная бронзовая театральная маска — украшение ручки ойнохои или кувшина.

Рис. 30. Танаис. Плита со знаком

В 12 м к северу от башни III обнаружены остатки еще одной прямоугольной башни IV. Башня IV неоднократно перестраивалась и, видимо, существовала на всем протяжении II и первой половины III в. н. э., т. е. одновременно с функционированием башни III обоих периодов. Во внутрибашенном помещении сохранились прямоугольная цистерна из обожженной глины и остатки очага. Близкое расположение двух мощных башен в центре западной оборонительной линии позволило предположить, что между ними должны были существовать, помимо описанной выше калитки, еще и западные крепостные ворота. В таком случае близкое соседство фланкирующих башен было бы вполне оправдано. Оборонительная стена на этом участке оказалась совершенно разрушенной, и от ворот, если они здесь были, ничего не осталось. Но о существовании здесь ворот свидетельствует наличие хорошей черепяной вымостки на участке, примыкающем снаружи к стене между башнями III и IV. Окончательно подтвердила местонахождение здесь городских ворот найденная в 1965 г. мраморная плита с надписью. Эта плита, разбитая на несколько кусков, лежала на упомянутой вымостке перед предполагаемыми воротами недалеко от башни III. В полностью сохранившейся надписи говорится о восстановлении городских ворот при царе Котии III в 526 г. боспорской эры, т. е. в 229 г. н. э. Работы произвел хорошо известный нам по другим надписям знатный танаисский гражданин Хофразм, сын Форгабака. В надписи упомянут также архитектор Деметрий, сын Герсея и должностные лица — эпимелеты стен. Плита увенчана треугольным фронтоном, в тимпане которого помещено скульптурное изображение богини в покрывале. Это первое изображение женского божества, почитавшегося в Танаисе, о существовании культа которого до сих пор можно было только догадываться.

На этом же участке открыты следы оборонительных сооружений IV в. н. э., в том числе остатки каменной лестницы, которая вела на стены или на башню этих позднейших укреплений Танаиса.

Оборонительные сооружения исследовались также на другом участке, в юго-западном углу городища первых веков н. э. Здесь был расширен к югу и к северу раскоп IV, исследовавшийся еще в 1956—1958 гг.,

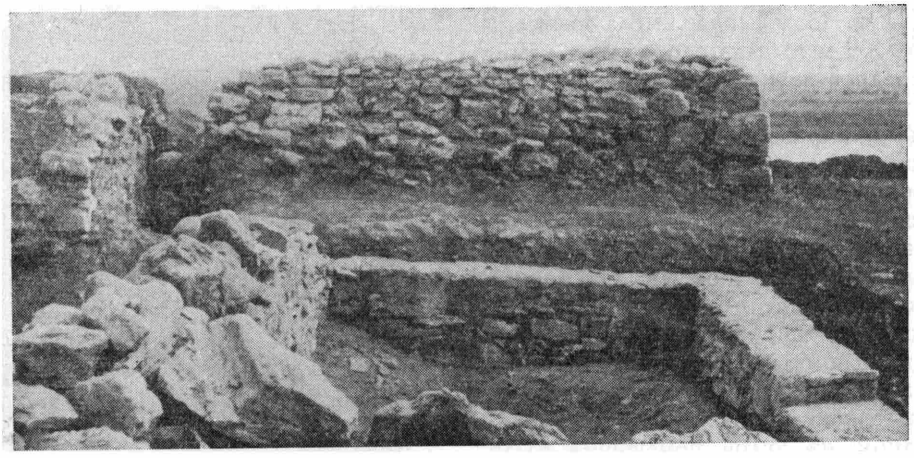


Рис. 31. Танаис. Башня II в. н. э.

продолжены раскопки оборонительной стены, которая теперь прослежена на этом участке на протяжении почти 40 м. Эта стена создана еще во II в. до н. э., но около рубежа нашей эры была разрушена и какое-то время не выполняла своих прямых функций. Разрушение оборонительной стены предположительно связывается с разгромом Танаиса боспорским царем Полемоном. В конце I или в начале II в. н. э. крепостная стена вновь была восстановлена и еще усилена дополнительным панцирем, который довел мощность ее почти до 5 м. В южной части этой оборонительной линии открыта новая башня I (рис. 31). Она построена одновременно с восстановлением оборонительной стены и существовала во II в. н. э. Как и все танаисские постройки, эта прямоугольная башня сложена из необработанных крупных камней неправильной формы на глинистом растворе; но в углы башни положены штучные тесаные квадры, даже со следами рустовки. Башня имеет общие размеры 8,4 × 8 м, внутри нее находилось вымощенное плитами помещение размером около 3×3,5 м. Под руинами башни I обнаружены остатки более ранних оборонительных сооружений позднеэллинистического времени. Сама башня просуществовала до конца II в. н. э., когда была разрушена. Таким образом, она одновременна первому строительному периоду башни III. Но башня не была восстановлена после разрушения на рубеже II и III вв., как башня III, а вместо нее несколько севернее была построена другая башня II (раскопана еще в 1957 г.).

В юго-западной части городища продолжались раскопки хозяйственных помещений II—III вв. н. э., примыкавших изнутри к городской стене. Исследование одного из них, помещения И, было начато в 1964 г. и закончено в 1965 г. Это длинное хозяйственное помещение, вытянутое с севера на юг вдоль городской оборонительной стены, которая составляла одновременно и западную стену помещения. Помещение было разделено поперек деревянной перегородкой, обмазанной глиной.

В южной части помещения И открыт очень интересный хозяйственный комплекс (рис. 32), связанный главным образом с переработкой зерна. Зерно хранилось в восьми больших красноглиняных амфорах, стоявших у западной стены помещения. К моменту катастрофы, постигшей этот дом, как и весь город, около середины III в. н. э., в амфорах зерна почти не было, только на дне их сохранились остатки пшеницы, ячменя и проса. К амфорам была прислонена поставленная вертикально большая глиняная плита трапециевидной формы с сильно скругленными углами и с приподнятыми бортиками. Длина ее 1,25, ширина 0,8 м, толщина (без бортиков) 10 см. В юго-западном углу помещения на специальной подставке из слоев

мелкого камня, керамических обломков и глины была смонтирована гранитная прямоугольная зернотерка. Нижний плоский камень был вделан в подставку, верхний, с центральным отверстием для засыпки зерна, укреплен на деревянной раме, от крепления которой в подставке сохранились углубления. Рядом с зернотеркой на подставке стояла маленькая красноглиняная мисочка, наполненная перегоревшей мукой. Мукой была засыпана и вся верхняя часть подставки и пол помещения вокруг нее. У западной стены непосредственно возле подставки для зернотерки находилась большая амфора с мукой.

В центре помещения И на полу лежала зернотерка другого типа, состоящая из двух круглых вращающихся жерновов. Рядом с этой мельницей обнаружены остатки двух корзин, наполненных зерном. И зерно, и корзины сгорели во время пожара и сохранились лишь в виде угольков, по которым, однако, можно хорошо проследить форму и конструкцию корзин. Корзины сплетены из ивовых прутьев и имели овальную форму; длина их около 1 м, ширина 0,6 м, глубину определить не удалось, но, судя по количеству сгоревшего зерна, можно полагать, что высота стенок корзин не менее 0,4—0,5 м. Одна из корзин была наполнена пшеницей, другая — ячменем.

В разных местах того же помещения найдены еще два камня от различных зернотерок, а также много разных предметов бытового назначения — целые и раздавленные небольшие светлоглиняные амфоры, лепные горшки, краснолаковые сосуды, два фрагментированных бронзовых кувшина, глиняные грузики и пряслица, железные гвозди, скобы, дверной пробой, крючок, обломки фибул, монеты. Около дверного проема на полу найдена кучка боспорских бронзовых монет, большинство которых принадлежит чеканке Ининфимея (234—239 гг. н. э.).

В юго-восточном углу помещения рядом с входом открыты остатки хлебопекарной печи типа тандыра, около 1,5 м в диаметре. Такие печи очень характерны для Нижне-Донских городищ первых веков н. э. (Нижне-Гниловское, Подазовское), но в Танаисе печь этого типа встречена впервые.

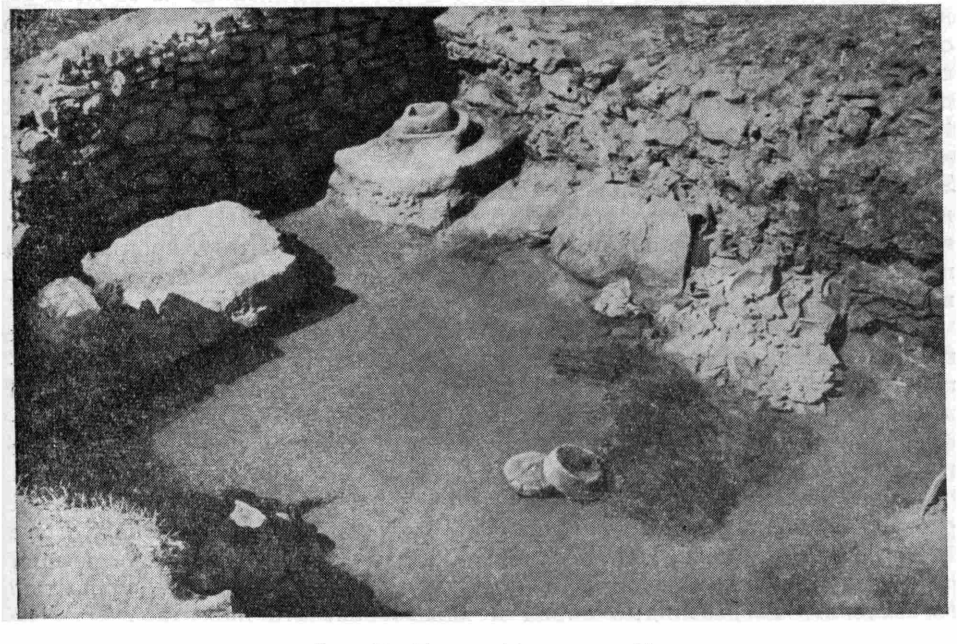


Рис. 32. Танаис. Помещение И

Особого внимания заслуживают находки в помещении И остатков стеклоделательного ремесла. Это большое число фрагментов стеклянных сосудов, главным образом чаш, в том числе и обломков бракованных изделий, керамическая форма для формовки стеклянных чаш, небольшой глиняный тигель или льячка со следами утраченной железной ручки и с остатками стекла внутри. Они впервые засвидетельствовали существование в Танаисе собственного стеклоделия и, в частности, местное изготовление стеклянных полусферических чаш со шлифованным орнаментом по образцу изделий рейнских мастерских.

Северная часть помещения И служила, по-видимому, кладовой. Здесь найдены стоявшие вдоль стен сосуды — амфоры, горшки, светильники, курильницы и пр. Некоторые из них дошли до нас целыми, другие оказались раздавленными обвалившимися камнями и перекрытием здания. Под северной частью помещения И, как и под многими другими танаисскими домами первых веков н. э., находился глубокий подвал, частично высеченный в материковой скале, частично выложенный камнем. Здесь впервые отчетливо прослежена конструкция деревянного перекрытия подвала, в частности отверстия в стенах для крепления балок, поддерживающих это перекрытие. На дне подвала найдена обгоревшая крышка прямоугольного люка, ведшего в подвал из наземного помещения. В подвале находились светлоглиняные амфоры с надписями красной краской на горлах. Там же найдены обломки железного треножника, бронзовый котел и другие предметы.

Помещение И, как и все другие постройки первых веков н. э., погибло в огне при разгроме Танаиса неприятелем около середины III в. н. э. Хорошо прослежены обгоревшие балки рухнувшего перекрытия, лежавшие поверх пола помещения и найденных в нем предметов.

В южной части того же раскопа открыто еще одно помещение, также вытянутое с юга на север вдоль оборонительной стены, помещение Л. Восточная часть помещения была вымощена каменными плитами и отгорожена небольшими вертикально поставленными каменными плитами. Может быть, это мощенное камнем пространство предназначалось для содержания какого-то домашнего скота. Основная, западная часть помещения, примыкавшая непосредственно к оборонительной стене, была, в свою очередь, перегорожена поперечной стенкой из досок, обмазанных с двух сторон глиной. К югу от перегородки находилась кладовая, где были найдены амфоры, лепные сосуды, глиняные грузила и другие бытовые вещи. К северу от перегородки располагалась хлебопекарня, в углу которой находилась точно такая же зернотерка на постаменте, как и в помещении И. Здесь же расположена большая двухъярусная хлебная печь (рис. 33). Она имела овальную форму, стены ее были глинобитными. В нижнем ярусе, вокруг центрального опорного столба, поддерживающего глинобитный под печи, разводился огонь, во втором ярусе пеклись хлебы. Загрузочное отверстие второго яруса закрывалось глиняной плитой с ручкой.

В 1965 г. в хуторе Недвиговка, на берегу Мертвого Донца, при рытье колодца на значительной глубине случайно обнаружены вертикально стоящие пифосы первых веков н. э. Очень плотная современная застройка этого района не позволяет произвести здесь раскопки. Но открытие пифосов важно в том отношении, что указывает на возможное расположение в этом месте танаисского порта.

Грунтовой некрополь Танаиса в 1964 г. не исследовался, а в 1965 г. раскапывался на участке V к востоку от городища. Здесь вскрыто еще 15 погребений, из них около половины — детские. Большинство погребений разрушено или ограблено еще в древности, что не позволяет полностью восстановить погребальный обряд и характеризовать инвентарь. Тем не менее раскопки некрополя дали небольшую коллекцию предметов погребального инвентаря, относящихся к последним векам до н. э. и к первым

векам н. э.,— краснолаковых и лепных сосудов, бус, перстней, железных и бронзовых пряжек, браслетов и др.

Кроме раскопок грунтового могильника закончено исследование двух курганов, начатое в предыдущие годы. Один из курганов находился на территории хутора Недвиговка среди современных усадеб, и исследование его было вызвано тем, что местные жители стали добывать камень из его насыпи, разрушая крепиду кургана. Раскопки кургана показали, что он насыпан в I в. н. э. Но погребение, над которым сооружен курган, было уничтожено еще в древности грабителями. Сохранились лишь остатки крепиды в виде сложенной из известняка стены толщиной 1,20 и высотой около 0,60 м. Эта стена опоясывала курган кольцом и имела около 18 м в диаметре. Рядом с крепидой найден небольшой погребальный столик, составленный из трех каменных плит, и обильные остатки тризны — разбитые светлоглиняные амфоры, повернутые, как правило, горлами к центру кургана. Курган I в.

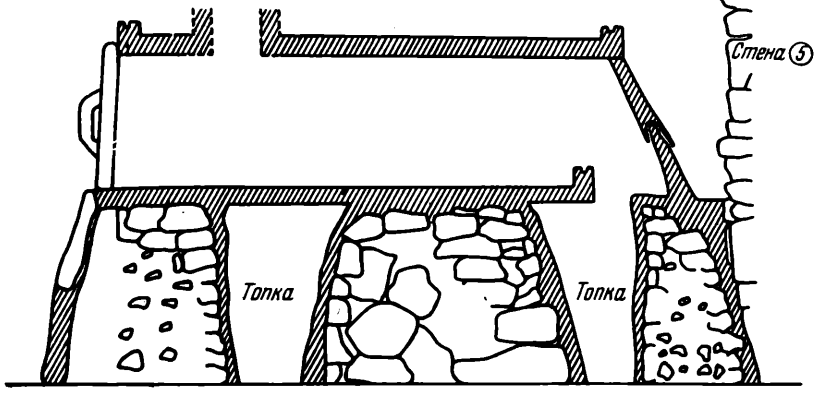


Рис. 33. Танаис. Печь в помещении Л

0 30 см

н. э. насыпан поверх остатков более раннего небольшого кургана эпохи бронзы, сильно перерытого впускными могилами еще в эллинистическое время. В свою очередь в насыпи кургана римского времени также были позднее прорыты еще могилы. Таким образом, раскопки этого кургана № 1 обнаружили 14 погребений разных эпох. Кроме того, под насыпью кургана открыты грунтовые ямы, куда были свалены в древности человеческие останки из каких-то других разрушенных захоронений эллинистического времени.

Курган № 2, принадлежавший также курганному некрополю Танаиса, расположен в поле к северо-востоку от городища. В кургане обнаружено одно погребение I — начала II в. н. э., полностью ограбленное в древности. Из инвентаря погребения сохранились только обломки деревянного, обитого кожей и обтянутого золотой фольгой щита, железного кинжала, железные наконечники стрел, маленькая золотая фибула, фрагменты керамики, каких-то железных изделий, стеклянных сосудов, мелких золотых бляшек и нитей. Интересна прослеженная при раскопках обшивка стенок могильной ямы камышом, прикрепленным к глинистым стенкам при помощи железных гвоздей. Вокруг могильной ямы обнаружены остатки тризны: часть большого столика из каменных плит, множество фрагментов светлоглиняных амфор (около 36 тысяч обломков), другой керамики, кости животных и птиц.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

Э. Я. НИКОЛАЕВА

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА КЕПЫ в 1964 г.

В 1964 г. Таманская экспедиция [1] в числе других работ проводила исследование городища Кепы, где вскрыты участки (раскоп М), примыкающие к остаткам святилища, обнаруженного раскопками 1963 г.[2]

В раскопе 1963 г. обнаружены периметр фундаментов святилища и интереснейшие находки, в том числе и мраморная статуя Афродиты. Возникла необходимость исследовать территорию, примыкающую к святилищу, особенно с северо-восточной и восточной сторон, где культурные напластования уничтожаются проходящей здесь грунтовой дорогой. В этом месте и частично к югу был заложен раскоп М площадью 425 м^2.

На раскопе зафиксированы культурные слои (I—IV), охватывающие период времени от эллинизма до средневековья. Первый (нижний) слой относится ко II—I вв. до н. э. Это самый мощный и самый четко выраженный слой на всем раскопе, к тому же содержащий строительные остатки. Залегал он непосредственно на желтом материковом песке. Слой светло-коричневый, с включениями раковин мидии, изредка золы и угольков, а также прослойками желтой глины, являвшимися остатками разрушенных стен строений. Здесь обнаружены фундаменты № 8—10, 12—14. Остатки двух из них (№ 8 и 9) расположены с северо-западной стороны святилища. Ориентированы они с юго-запада-запада на северо-восток-восток и находятся на расстоянии всего 0,60 м от северной (5) стены святилища. Эти фундаменты сложены из мелких камней ракушечника и крупных фрагментов керамики, плотно уложенных в один по высоте ряд.

Фундамент № 8 сохранился в длину на 2,92 м; ширина его 0,70 м. На камнях фундамента можно проследить плотный глинистый массив, являющийся, видимо, остатками сырцово-кирпичных или глинобитных стен здания; прослежены сырцовые кирпичи толщиной 0,08 м.

Фундамент № 9 был худшей сохранности. Длина его открытой части 2,45 м. Ширина наиболее сохранившейся части 0,80 м. К северу от кладки фундамента № 9 обнаружен глиняный завал, доходящий до материка. Внутри пространства, ограниченного кладками № 8 и 9, обнаружена нижняя часть кувшина на кольцевом поддоне, а в ней — край тарелки эллинистического времени.

Для датировки фундаментов этой постройки большое значение имеют найденные в них фрагменты керамики. Самые многочисленные и самые поздние из них — фрагменты родосских амфор, в том числе ручки с клеймами. Среди прочих находок в кладках фундаментов много крашеной боспорской черепицы (один калиптер с клеймом), ручки и ножки синопских амфор IV—III вв. до н. э., фрагмент мраморной скульптуры.

[1] Начальник экспедиции Н. И. Сокольский. Автор статьи — начальник раскопа М.
[2] Н. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Кепах. СА, 1964, № 4, стр. 101—118; Он же. Афродита Таманская. «Искусство», 1964, № 7, стр. 68—72.

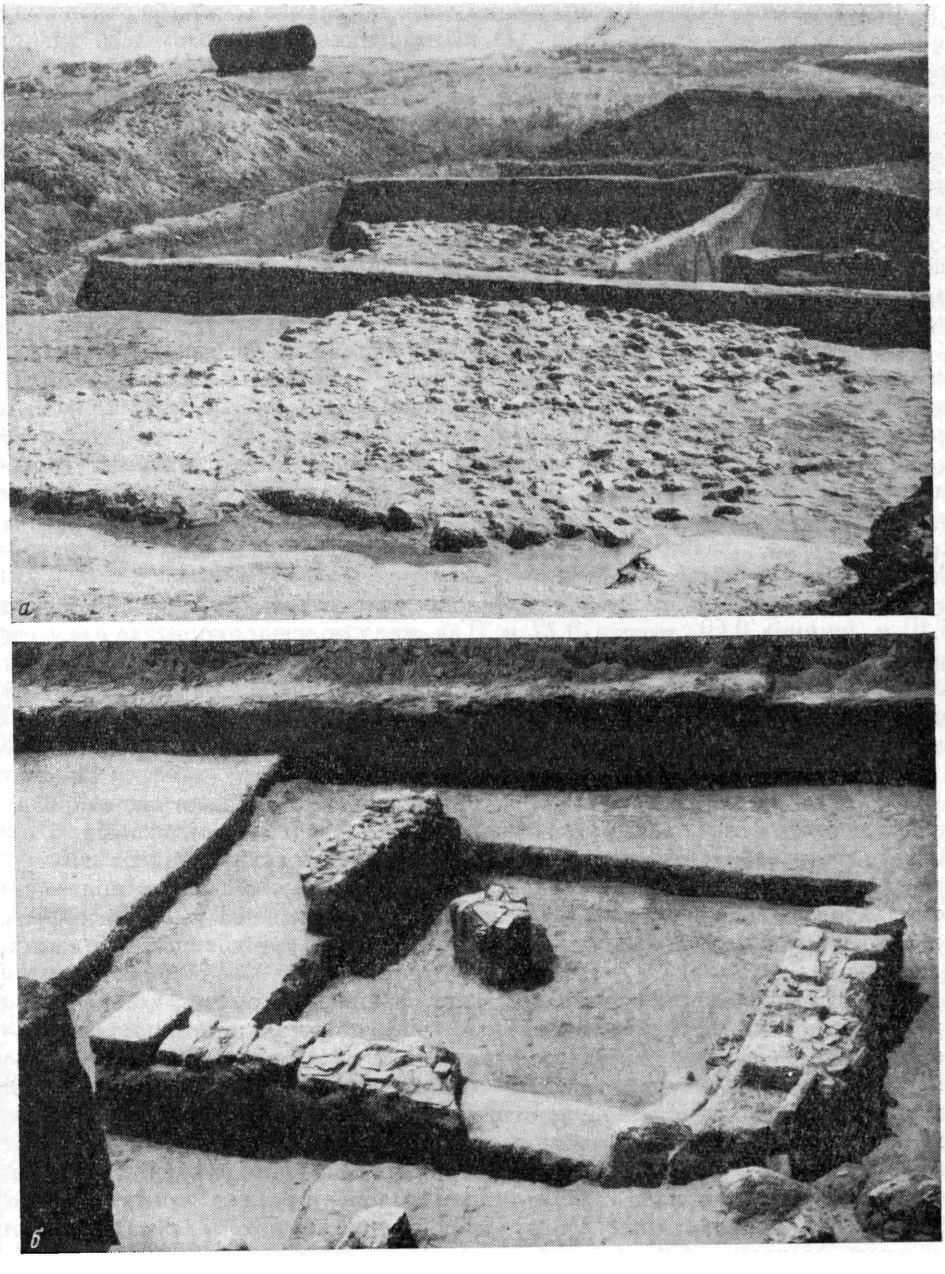


Рис. 34. Кепы. Строительные остатки на раскопе М:
а — фундаменты здания II—I вв. до н. э., *б* — средневековая вымостка

Единый горизонт залегания, техника кладки указывают на то, что эти фундаменты одновременны фундаментам святилища, непосредственно связаны с ним; вся постройка являлась каким-то подсобным помещением, возможно, типа фависсы [3].

Немного севернее описанных фундаментов обнаружено было скопление (№ 10) из мелких камней известняка и фрагментов керамики; возможно, это разрушенный фундамент стены.

[3] М. М. Худяк. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. М., 1962.

Более полные остатки сооружения того же времени лучше сохранились в северной части раскопа (рис. 34). Фундаменты открытого здесь здания ориентированы, как и фундаменты святилища, по сторонам света и расположены на расстоянии 21 м к северу от него.

Западный фундамент здания не сохранился. Остальные три вполне дают возможность представить размеры и планировку постройки. Судя по сохранившимся частям кладок, внутренние размеры постройки составляли примерно 3,50 × 3,80 м.

Уцелевшая часть южного фундамента (№ 14) имеет длину 2,10 м, ширина его до 0,60 м, высота не превышает 0,14 м. Характер кладки аналогичен кладке фундаментов святилища; он сложен из мелких необработанных камней ракушечника, плотно уложенных в один по высоте ряд.

Восточный фундамент (№ 12) также сохранился неполностью. Северный его конец в месте стыка с северным фундаментом здания выбран, южный конец оформлен большим хорошо обработанным известняковым квадром размером 0,50×0,36×0,13 м. В средней своей части фундамент сложен в два ряда камней, нижний из них состоит из мелких камней, фрагментов керамики и черепицы, а верхний — из уплощенных камней средних размеров, уложенных довольно аккуратно на глиняном растворе. Длина сохранившейся части восточного фундамента — 2,09 м; ширина — 0,56—0,60 м.

Северный фундамент (№ 13) сохранился лучше других. Его длина 3,10 м, ширина 0.60, высота 0,27 м. Так же, как и восточный фундамент, он сложен в два яруса. Постель его выложена фрагментами черепицы и глиняных сосудов. Сам же фундамент сложен из довольно крупных камней ракушечника и плитняка. В северном фундаменте достаточно четко выделены внешние панцири, между которыми имеется забутовка из мелких камней и фрагментов керамики, связанных глиняным раствором.

В кладку северо-восточного угла здания заложена известняковая кормушка с отбитыми краями; к югу от нее уложен известняковый блок (0,63×0,30×0,18 м) с четырехугольным вырезом, обращенным внутрь помещения. Западный конец северного фундамента оканчивается подтесанной плитой из ракушечника. Для выравнивания верхней плоскости фундамента под глиняную кладку были применены мелкие уплощенные камни и фрагменты керамики.

В кладке фундаментов оказалось много фрагментов амфор, главным образом родосских, и фрагменты боспорской черепицы эллинистического времени, большинство которой оказалось окрашенной красной краской. Калиптеры окрашены почти все, солены — наполовину. Наибольшее количество находок содержал северный фундамент здания. Здесь, в частности, найдена часть чернолакового рыбного блюда III в. до н. э., фрагменты синопских амфор эллинистического времени, донья больших кувшинов, край кастрюли с ручкой, ручка родосской амфоры, пирамидальное грузило. Среди находок в кладке № 14 следует отметить ручки родосский амфор с клеймами (одна с именем Агатарха, другая — Афистирата), колпачковую ножку хиосской амфоры IV в. до н. э., ножку синопской амфоры, ручку амфоры светлой серовато-бежевой глины с клеймом, имеющим надпись ΙΣΟΚΡΑΤΟΥ, возможно, паросской III—II вв. до н. э.

Из находок в восточном фундаменте укажем обломки белого мрамора, горлышко небольшого лагиноса светловатой, похожей на родосскую глины, ручку синопской амфоры, фрагменты стенок коричневоглиняных амфор II—I вв. до н. э.

Из находок внутри здания (на уровне подошвы фундаментов) нужно отметить известняковый двускатный калиптер, фрагмент мраморного калиптера, кусочки желтой штукатурки, донце довольно большого кувшина с просверленным в центре отверстием, три фрагмента окрашенных соленов, ручки гераклейской, синопской и родосской амфор.

Таким образом, материала, бесспорно относящегося к I в. до н. э., в кладках фундаментов не обнаружено. Основная масса материала относится к периоду III—II вв. до н. э. Следовательно, постройку здания следует отнести ко II в. до н. э. и скорее всего к первой его половине.

Судить о назначении открытого здания довольно трудно, однако можно предполагать, что оно не было обычной жилой постройкой. Здесь не найдено ни одной хозяйственной вещи. Каменные солены и мраморные калиптеры, а также штукатурка, открытая внутри здания, говорят о его относительном богатстве. В святилище в 1963 г. найдена белая и расписная штукатурка, а в здании, открытом в 1964 г.,— только желтая.

Близость исследованного здания к святилищу, одинаковая ориентация фундаментов и одновременность этих построек позволяют предполагать, что здание было частью единого культового комплекса, существовавшего во II в. до н. э. на восточной окраине Кеп.

Находки из культурного слоя на всем раскопе довольно единообразны. Из амфорного материала явно преобладает родосский, среди которого имеются десять ручек с клеймами; довольно часто встречаются обломки коричневоглиняных амфор III—I вв. до н. э.

Большой интерес представляет найденная в яме Д ручка такой амфоры с очень нечетким клеймом, амфоры этого типа с клеймами пока неизвестны[4]. Часто попадаются фрагменты косских и синопских амфор. Есть фрагменты амфор оранжевой глины, напоминающей гераклейскую, возможно, местного кепского производства.

Из простых сосудов наиболее распространены кастрюльки, маленькие эллинистического типа тарелки, мисочки и сосуды типа урны (рис. 36, *1—4*). Особо следует упомянуть фрагмент довольно большого сосуда, возможно, урны, изготовленной из местной глины с налепом под горизонтальной витой ручкой в виде рельефной мужской головы (рис. 35).

Примечательно, что на участках, примыкавших к святилищу, найдено восемь фрагментов сосудов с клеймами кепской мастерской. Причем одно из них — на плечиках кувшина, другое — на дне сосуда типа лутерия, остальные на внутренней стороне доньев небольших чашечек или блюдец. Довольно часты обломки мраморных облицовочных плиток белого и пестрого мрамора, найдено несколько обломков мраморных скульптур, один из которых использован в кладке фундамента № 8. Обломки мрамора были и в кладке № 12. С южной стороны святилища обнаружены относящиеся к нему мраморные фрагменты статуй: согнутый палец в натуральную величину и ступня в сандалии, сохранившая следы темной краски (рис. 35б). В слое найдены также фрагменты так называемых мегарских чашек II в. до н. э., чернолаковых киликов, унгвентариев, терракот, железный ножичек, астрагалы, три монеты, одна из которых (первая половина II в. до н. э.) найдена на кладке № 13, вторая — фанагорийская (II в. до н. э.), третья — пантикапейская (третья четверть III в. до н. э.). Кроме того, в раскопе 1964 г. найдены шесть монет, относящихся к периоду от первой половины II в. до н. э. до рубежа II—I вв. до н. э. Эти монеты принадлежат пантикапейскому и фанагорийскому чекану[5]. Более поздних монет здесь не найдено, что подтверждает мнение, высказанное Н. И. Сокольским о том, что после разрушения святилища на его месте некоторое время не было построек и лишь в верхнем культурном втором слое, относящемся уже к I—III вв. до н. э., содержится небольшое количество находок[6]. Толщина слоя 0,20—0,30 м. Наиболее поздним и датирующим материалом в нем являются фрагменты узкогорлых светлоглиняных и больших красноглиняных с массивными ручками амфор, часто ангобированных или окрашенных. Встречаются также фрагменты полукруглых желобчатых

[4] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 108.
[5] Монеты определены Н. А. Фроловой.
[6] Н. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Кепах, стр. 101.

Рис. 35. Кепы. Находки из позднеэллинистического слоя:
а — фрагмент сосуда с рельефным изображением головы Диониса; *б* — фрагмент мраморной скульптуры (ступня в сандалии)

калиптеров. В слое имеется материал II—I вв. до н. э., попавший в слой из нижнего горизонта. В слое попадаются фрагменты краснолаковых сосудов как I в. до н. э., так и I—II вв. н. э. (рис. 36, 5, 7—13), Особо отметим фрагмент терракоты, астрагал с просверленным отверстием, двускатный калиптер с клеймом ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ.

Третий слой, относящийся к позднеантичному времени III—IV вв. н. э. (толщиной 0,30—0,40 м), состоит из плотной серой супеси. Строительных остатков в слое не обнаружено. Из керамического материала количественно преобладают, как и в предыдущем слое, фрагменты керамики позднеэллинистического времени. Слой датируется массивными ручками и венчиками красноглиняных и оранжевоглиняных широкогорлых амфор, реберчатыми стенками амфор и фрагментами узкогорлых светлоглиняных амфор позднейшего типа.

Верхний слой (IV) относится к средневековой эпохе. Он прослежен главным образом в северной части раскопа. Здесь его толщина достигает 0,60 м. На других участках он едва сохранился или полностью уничтожен при строительстве дороги.

К строительным остаткам слоя относится большая, протянувшаяся с запада на восток вдоль северных участков раскопа мостовая (№ 11). Она сложена из необработанных обломков известняка, плитняка, ракушечника, железняка, булыжника. Изредка среди камней встречаются фрагменты керамики. В кладке мостовой найден и обломок жернова. В западной части,

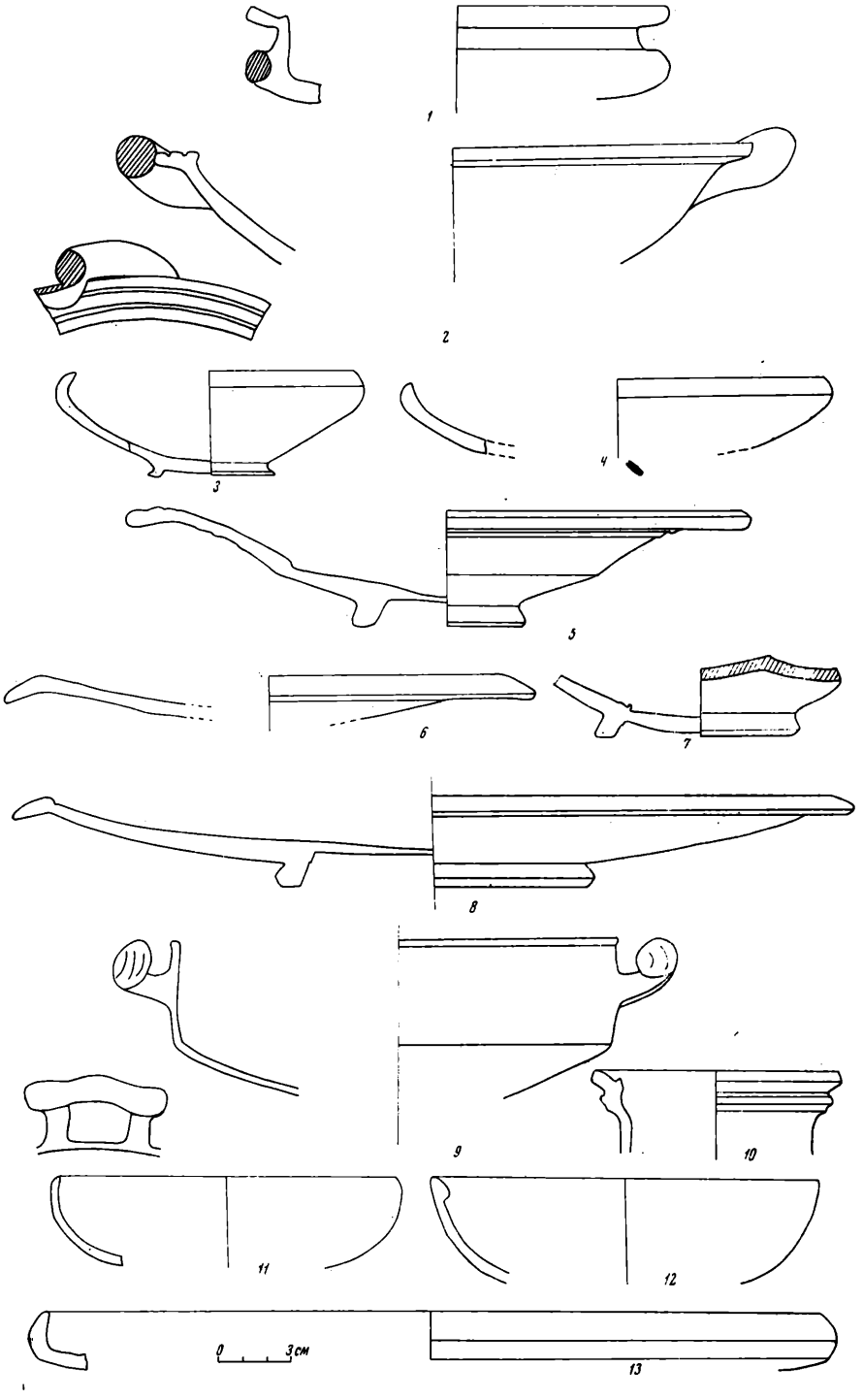


Рис. 36. Кепы. Керамика позднеэллинистического слоя:

1—4 — красноглиняные сосуды кепского производства; *5, 7—13* — краснолаковая посуда; *6* — обломок чернолаковой тарелки

в районе современной дороги, мостовая сохранила плотный настил. Длина вымостки с запада на восток 12 м, ширина 9,5 м. Среди камней мостовой обнаружено небольшое количество разновременной античной керамики (от эллинистической до позднеантичной эпохи). Хотя явно средневековых находок в самой мостовой обнаружено не было, ее все же следует датировать, по-видимому, VIII—X вв. н. э., основываясь на характере камней, глубине залегания и находках в слое, покрывающем вымостку в северо-восточной части раскопа. В этом слое находок немного, но среди них имеются шесть ручек средневековых амфор, несколько фрагментов рифленых сосудов и средневекового пифоса. Возможно, что открытая вымостка представляла собою часть мостовой или большого двора средневекового поселка, остатки которого уже были зафиксированы на городище. Так, в 1957 г. на Северном раскопе открыто подобное скопление камней, занимающее площадь 35 м^2. В нем обнаружен обломок серомраморной колонны византийского времени и фрагменты керамики X—XII вв.[7] Сооружения того же времени открыты и на центральном раскопе в 1958 г.[8]

Некоторые средневековые постройки обнаружены за пределами городища античной эпохи. К ним относится и обнаруженная мостовая VIII—X вв., на незастроенном после разрушения святилища в I в. до н. э. месте. Средневековые погребения в каменных ящиках врезаны в городской античный культурный слой; все это говорит о значительном перерыве в жизни городища (по крайней мере с IV по VIII в. н. э.)[9].

---

[7] Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах в 1957 г. КСИА, вып. 78, стр. 56.
[8] Н. И. Сокольский. Работы в Кепах в 1958 г. КСИА, вып. 83, стр. 71.
[9] Н. И. Сокольский. Кепы. Сб. «Античный город», 1963, стр. 114.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 109 1967 год

Н. П. СОРОКИНА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ КЕП В 1962—1964 гг.

В течение 1962—1964 гг. были продолжены исследования, начатые в 1959 г., некрополя Кеп. За эти годы открыто 166 погребений на площади 1175 м^2, снятой на глубину от 2 до 4,5 м.

Хронологически погребения, как и открытые в предыдущие годы, относятся к трем периодам: V в. до н. э. (18 могил), III—I вв. до н. э. (66 могил) и I—III вв. н. э. (43 могилы). Тем самым подтвердилось сделанное ранее наблюдение о том, что в IV в. до н. э. исследуемая территория под могильник не использовалась [1].

Погребения V в. до н. э. представляли собою как захоронения младенцев в амфорах (6) без инвентаря, так и погребения подростков и взрослых в земляных ямах (12). В 1959—1961 гг. не представилось возможности выяснить форму земляных могил этого периода, а в последние годы удалось проследить, что для V в. до н. э. характерна довольно широкая (до 0,50 м) могила прямоугольной формы.

Благодаря раскопкам расширились представления о погребальном обряде V в. до н. э. Наряду с положением покойного в могилу на спине с вытянутыми конечностями существовал обряд захоронений умерших в скорченном положении. Скорченные захоронения наблюдаются двух типов: на боку с подогнутыми ногами и на спине с согнутыми в коленях ногами, кости которых распадались и образовывали ромбическую фигуру. Второй тип захоронений в скорченном положении прослеживается в кепском некрополе только в могилах V в. до н. э., а первый — изредка встречается в могилах III—I вв. до н. э. и даже первых веков н.э.

В V в. до н. э. покойных было принято класть в могилу головою на восток. Такая ориентировка свойственна как захоронениям в скорченном, так и вытянутом положении.

В большинстве могил V в. до н. э., как это наблюдалось и ранее, сосуды было принято ставить вдоль тела покойного. Среди обычного инвентаря этого времени, который состоял из глубоких красноглиняных мисок, амфор, кувшинов или ойнохой, чернолаковой керамики, изредка изделий из бронзы и сосудов так называемоего финикийского стекла. Следует отметить прекрасно сделанную золотую подвеску в виде львиной морды с оскаленной пастью (рис. 37). Она найдена в погребении девочки (могила 282), где также находились четыре чернолаковые солонки, две из которых имели монограммы КА, бронзовое зеркало с деревянной рукояткой, плоскодонная амфора, чернолаковый амфориск со штампованным растительным орнаментом, чернолаковый килик на низкой ножке, бронзовые иголка и перстень с узким щитком. Чернолаковые сосуды хорошо датируют могилу серединой — второй половиной V в. до н.э. Золотая

[1] Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 60 и сл.

ювелирная поделка найдена среди инвентаря кепских могил раннего периода впервые.

Захоронения в III—I вв. до н. э. совершались в земляных ямах (31), которые являлись наиболее распространенным типом погребальных сооружений, подбойных могилах (7), земляных склепах (6). Детей хоронили в амфорах (22).

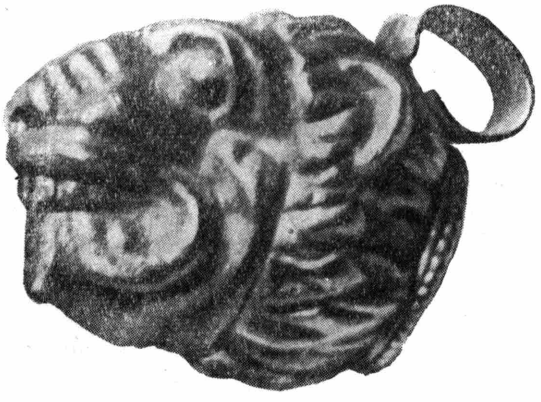


Рис. 37. Кепы. Некрополь. Золотая подвеска в виде львиной головы (могила № 282)

Простые земляные ямы имеют форму довольно узкого вытянутого овала, что отличает их от широких могил V в. до н. э. Наблюдается также иное размещение инвентаря. Его группировали около головы или ног.

Под детские захоронения использовались в основном амфоры, негодные в хозяйстве, с отбитыми ручками, горлами: это амфоры Фазоса, Синопы, Родоса, амфоры из коричневой и светлой глины (последние с двуствольными ручками). Одна из родосских амфор II—I вв. до н. э. представляет большой интерес: на верхней части ее тулова четко и аккуратно процарапан греческий алфавит от А до Р. На обеих ручках имеются клейма, к сожалению, очень плохо оттиснутые и стертые.

Для многочисленной группы амфорных захоронений характерно отсутствие сопутствующего инвентаря и неглубокое залегание. Видимо, младенцев закапывали без соблюдения всего общепринятого погребального ритуала; погребения детей более старшего возраста и подростков сопровождаются сосудами, зеркалами, украшениями, терракотами, монетами.

Подбойные могилы III—I вв. до н. э., подобно ранее открытым, состояли из колодца с подбоем вдоль его северной узкой стороны с редким отклонением от этого типа (подбой не в северной, а в южной стенке колодца). В 1963 г. в двух могилах удалось проследить более детально их устройство, особенно верхних частей, редко сохраняющихся (могила 209, (рис. 38, 2): сначала выкапывалась широкая яма, затем в центре яма переходила в ступенчатый колодец, в северной стенке которого сделан подбой, отделенный от колодца невысокой перемычкой. В отличие от подобных могил III—I вв. до н. э., заложенных сырцовым кирпичом, колодец описанной могилы был почти полностью засыпан песком.

Подбойные могилы III—I вв. до н. э. за редким исключением сооружены для одного захоронения. Покойные с вытянутыми конечностями были положены головою на восток, в могиле 209 кости ног погребенного находились в скрещенном положении.

Земляных склепов эллинистического периода открыто шесть. Как и прежде открытые, они ориентированы по оси северо-восток — юго-запад, иногда с большим или меньшим отклонением от этого направления. Склепы (рись 38, 4, 5) состояли из небольших камер и дромоса ступенчатого или пологого, сообщавшихся между собой посредством короткого коридорчика. Вход в склеп находился в южной стенке камеры, уровень пола которой был ниже пола дромоса на 0,30—0,50 м. Вход в камеру заложен кровельной черепицей.

Для некоторых склепов характерно наличие в камерах лежанок. В могиле 166 лежанки расположены только вдоль западной и восточной стенок камеры (рис. 38, 5). В могилах 208, 209 лежанки устроены вдоль трех стенок помещений.

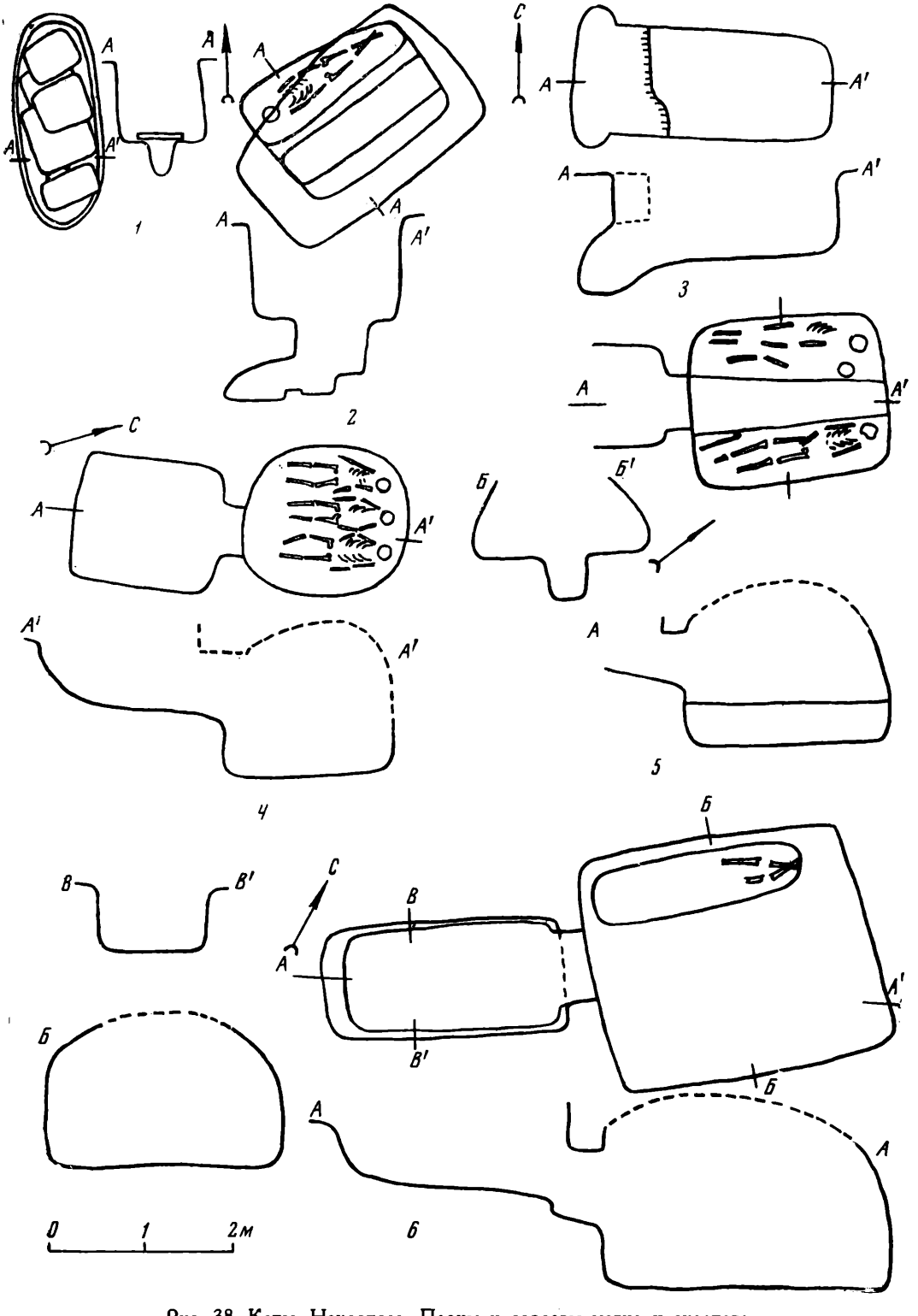


Рис. 38. Кепы. Некрополь. Планы и разрезы могил и склепов:

1 — могила № 193; 2 — подбойная могила № 209; 3 — подбойная могила № 236; 4 — склеп № 159; 5 — склеп № 166; 6 — склеп № 245

Описанные склепы некрополя Кеп относятся ко времени позднего эллинизма. В одном из них найдена урна (рис. 39, *2*) с трупосожжением. Такие урны датируются концом II в.— первой половиной I в. до н. э.[2], поэтому склеп с урной следует отнести к I в. до н. э.— началу I в. н. э. по имеющемуся еще там стеклянному флакону раннего типа и другому характерному для этого времени инвентарю. Видимо, земляные склепы с лежанками вдоль трех стен появились в некрополе Кеп на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. и продолжали существовать в первых веках н. э. (склеп № 293).

В 1962—1963 гг. удалось проследить интересную деталь погребального обряда. Почти около каждого склепа III—I вв. до н. э. найдены захороненные головы лошади, коровы или даже целые туши лошадей, собак. Рядом с дромосами некоторых склепов обнаружены эсхары и части составных жертвенных столов из камня-ракушечника. Все это свидетельствует о том, что погребения в земляных склепах сопровождались сложным ритуалом и тризнами. Видимо, в это время в религиозных представлениях боспорцев, и в частности обитателей Кеп, происходят серьезные изменения. Стало необходимым наделять умерших не только их личными вещами, сосудами с пищей, но и символами домашней жизни и жилья. Поэтому около склепов погребались домашние животные, части туш скота, а непосредственно под тела умерших, почти как правило, клался обломок черепицы.

В эту эпоху господствует трупоположение на спине, головой на восток, нередко с отклонениями. Только в четырех случаях зафиксирован обряд трупосожжения. В одном случае покойного сжигали с последующим захоронением кальцинированных костей в сосудах — урне (рис. 39, *2*), амфоре, кувшине, которые зарывались отдельно в яму или ставились в склепы (могила 225 — II в. до н. э., 208 — I в. н. э.). В другом — покойник сжигался в могиле и кости его оставались нетронутыми. Таких погребений I в. до н. э. — I в. н. э. открыто три (могилы 193, 228, 251). Прокаленность стенок могил позволила проследить устройство (могила 193) (рис. 38, *1*) глубоких ям с заплечиками. Сожжение совершалось на дне могилы. После этого она была перекрыта большими плоскими сырцовыми кирпичами, положенными на заплечики, а затем засыпана землей.

В могилах III—I вв. до н. э. содержался многочисленный инвентарь, состоящий в основном из сосудов: кувшинов, пелик, лягиносов, лекан, тарелок, мисок, солонок, унгвентариев, реже светильников. На дне одной пелики (рис. 39, *3*) редкое рельефное изображение лица (рис. 39, *4*). Встречались монеты и украшения: разнообразные по набору бусы, браслеты, кольца. На щитке бронзового перстня II в. до н. э. изображена Кибела, сидящая в портике святилища (рис. 39, *1*)[3]; интересны три терракотовые статуэтки из подбойной могилы 249 (II в. до н. э.), редкая находка в некрополе Кеп (рис. 39, *5—7*).

Во время работ 1962—1964 гг., так же как и в предшествующие годы, многократно наблюдались следы тризн над могилами III—I вв. до н. э. Особенно большая тризна была совершена над могилой 249. В рассматриваемый период широкое распространение получил обычай ставить над могилой надгробные памятники. Некоторые из них представляли антропоморфные изваяния, другие — стелы с рельефными изображениями, среди которых наиболее част сюжет всадника[4].

---

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 211 и сл.; В. Д. Блаватский. Античная археология. М., 1961, стр. 198.

[3] А. А. Захаров. Геммы Государственного Исторического музея. М., 1928, табл. IV, *174, 175*.

[4] Близкий тип всадника приведен в книге Кизерицского и Вацингера (G. Kieseritzky und Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, табл. XI, E87, 591, 593, 594).

Рис. 39. Кепы. Некрополь. Сосуды, терракотовые статуэтки и перстень из Кепского некрополя:

1 — бронзовый перстень II в. до н. э.; *2* — глиняная урна. Склеп № 209; *3* — пелика. Могила 192; *4* — клеймо на дне пелики; *5—7* — терракотовые статуэтки. Могила № 249

Для I—III вв. н. э. наиболее характерны погребения в земляных ямах. Их открыто 21. Форма могильных ям этого периода наследует форму могил предшествующего времени. На втором месте по количеству стоят захоронения в подбойных могилах (10). Сохраняется обычай захоронения младенцев в сосудах. Однако для захоронений употребляют не амфоры, а сосуды других форм, например кувшины и даже кастрюли. Кувшины, содержащие сильно истлевшие детские кости, отличаются большим размером, некоторые из них лепные, местного производства. Инвентарь отсутствовал, но они хорошо датируются обломками амфор, которыми были накрыты кувшины.

Подбойные могилы I—III вв. н. э. подразделяются на три типа. Первый представлен большим количеством могил, продолжающих традицию устройства могил предшествующего периода. Они состояли из узкого колодца и подбоя у северной стены. Подбойные могилы I—III вв. н. э. отличаются только большей глубиной. Они выкопаны в материковом очень влажном глинистом грунте, заключающем прослойки песка. Заклады подбоев более разнообразны: употребляется сырцовый кирпич, обломки известняковых плит, комья серой глины.

Второй тип, представленный пока одной могилой I в. н. э., отличается тем, что подбой расположен по западной узкой стороне колодца (рис. 38, *3*). Такое устройство подбойной могилы напоминает могилы Прикубанья.

Подбойные могилы третьего типа имеют следующее устройство: яма круглой формы диаметром 2,55 м, на глубине 0,50 м в ее центре сделан узкий колодец (ширина 0,60 м) с подбоем вдоль южной стенки, в котором находилось два захоронения, совершенных не одновременно. Колодец был засыпан мусорным грунтом. Заклад не прослеживался.

В простых земляных ямах и подбойных могилах преобладающее положение покойных — на спине с вытянутыми конечностями, головою на восток с отклонениями. Встречаются изредка могилы с покойниками, положенными головою на север, юг и запад. Отмечены случаи скорченного положения погребенных. Земляные склепы первых веков н. э. концентрировались в северо-западном районе некрополя. Сравнение этих склепов с эллинистическими позволяет проследить их эволюцию как в архитектуре, так и в погребальном обряде.

Традиционны для склепов I—III вв. н. э. ориентировка и обычай устройства входов в южной стене погребальной камеры (рис. 38, *6*). Изменения в самих склепах произошли в сущности не столько в архитектуре, сколько в их размерах. Склепы первых веков н. э. значительно больше эллинистических. Изменился с увеличением входного отверстия характер заклада. Входы склепов I—III вв. н. э. никогда не бывают заложены черепицей, а большими каменными плитами или надгробиями. Склепы первых веков залегали гораздо глубже, чем эллинистические.

Погребальный обряд захоронений в склепах значительно отличается от обряда в ранних склепах. Покойных кладут головою, а не ногами ко входу и очень часто не на земляной пол склепа, а в гробах или саркофагах, украшенных гипсовыми и терракотовыми налепами. Если в земляных склепах III—I вв. до н. э. имелось чаще всего два и редко три захоронения, то в первые века н. э. склепы служили местом погребения, видимо, не одному поколению — в некоторых склепах открыто до восьми-девяти скелетов.

Набор инвентаря в склепах первых веков н. э. очень разнообразен: краснолаковая посуда (кувшины, кубки, миски), сосуды из стекла, терракоты, светильники, бусы, фибулы, пряжки и оружие, которое в склепах эллинистического периода полностью отсутствует. Особенно интересна мраморная женская голова II в. до н. э., найденная в склепе 245 (I—II вв. н. э.). Богатство инвентаря склепов и особенно изделия из золота привлекали к себе грабителей. Большинство их оказалось разграбленным, но несмотря на это, нами в ряде склепов обнаружены изделия из драгоценных металлов,

которые позволяют судить о расшитой золотыми бляшками одежде, золотых погребальных венках и других украшениях.

Из погребений этого периода самый богатый инвентарь I—III вв. н. э. характерен для склепов. В остальных могилах он из двух, реже четырех предметов: краснолаковых сосудов (особенно часты миски), стеклянных бальзамариев, фибул, ножей, пряслиц, иголок, украшений (браслеты, бусы). Среди группы керамики первых веков н. э. интересна лепная посуда из грубой глины, которая до последнего года раскопок почти не была представлена в коллекции некрополя. Монеты в могилах I—III вв. редки.

Шестилетние раскопки некрополя выявили топографию и границы некрополя, уточнив местоположение могил VI—V вв. до н. э., III—I вв. до н. э. и первых веков н. э. Это важно отметить потому, что большая часть некрополя уничтожена, рельеф местности искажен отвалами и выборкой грунта. Раскопки последнего года позволили уточнить местоположение группы могил I—III вв. н. э. В северо-западном участке некрополя, расположенного на холме, склоны использовались для захоронений главным образом в I—III вв. н. э., а вершина — в V и III—I вв. до н. э.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

КРЕПОСТЬ НА ПОСЕЛЕНИИ БАТАРЕЙКА II

Батарейка II — одно из городищ холмов, расположенных в северо-западной части Таманского полуострова [1], в 2 км от городища Батарейка I [2], в центре современного селения Батарейка. Городище находится в 300 м от линии воды, на низком берегу северо-восточного края Денского залива.

Границы древнего поселения точно определить трудно, так как оно застроено современным поселком; вся западная половина селения Батарейка расположена на древнем городище.

Ранее это городище не исследовалось, хотя о существовании «батарейки» было известно давно [3]. Здесь неоднократно находили обломки древней посуды, монеты, целые пифосы и другие вещи; только некоторые из них попали в Темрюкский музей. В районе поселения найдено несколько надгробий [4].

С 1962 г. Таманская экспедиция приступила к раскопкам городища Батарейка II. В центре современного селения имеется пустырь, на котором с северной стороны находился курганообразный древний зольник, а с южной стороны — холм «Батарейка». Пространство между этими двумя объектами (около 70×50 м) в 1962 г. было глубоко вспахано под посадку деревьев. В разрушенной части культурного слоя было много находок позднеантичного периода (III—IV вв. н. э.) и конца I в. до н. э.— I в. н. э. Более ранние находки единичны.

Холм Батарейки возвышается над городищем до 5,5 м; он сильно разрушен многочисленными ямами, а главное, долголетней выборкой качественной глины. Перед началом раскопок «батарейка» в плане имела почти прямоугольную форму: размер по подножию с востока на запад 60 м, с севера на юг — 40 м. В верхней части холма находилось чашеобразное углубление.

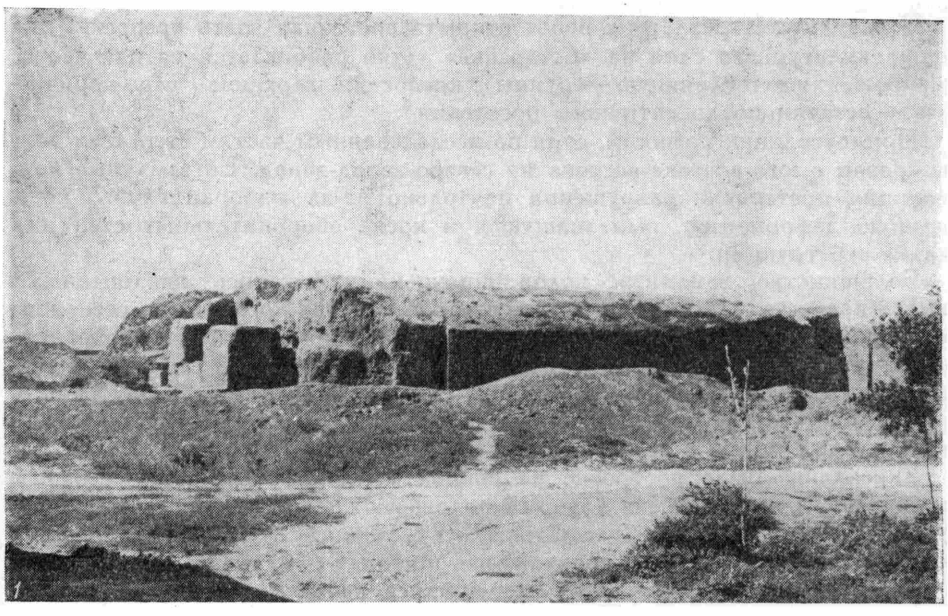
Для раскопок был избран восточный край Батарейки. В срезах видны выходы сырцово-кирпичных кладок, пятна пожарища, фрагменты керамики. Разведочный раскоп 1962 г. (А) площадью 30 м^2 был заложен у северо-восточного угла. Этот раскоп (в дальнейшем площадь I) обнажил часть разрушенной северо-восточной башни крепости античной эпохи (рис. 40, *1*).

[1] К. К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898, стр. 134.

[2] Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хутора Батарейка I. СА, 1963, № 1, стр. 179—191. Работы на этом городище продолжены в 1961 и 1963 гг.

[3] К. К. Гёрц. Указ. соч., стр. 140.

[4] Например, надгробие Апфии конца I — начала II вв. н. э. (А. И. Болтунова. Надписи Боспора. ВДИ, 1959, № 4, стр. 99—101, рис. 8); важной находкой является надпись на плите, относящаяся к 103 г. н. э. (Н. И. Новосадский. Неизданная надпись Темрюкского музея. «Доклады АН СССР», 1930, В, стр. 224—227).



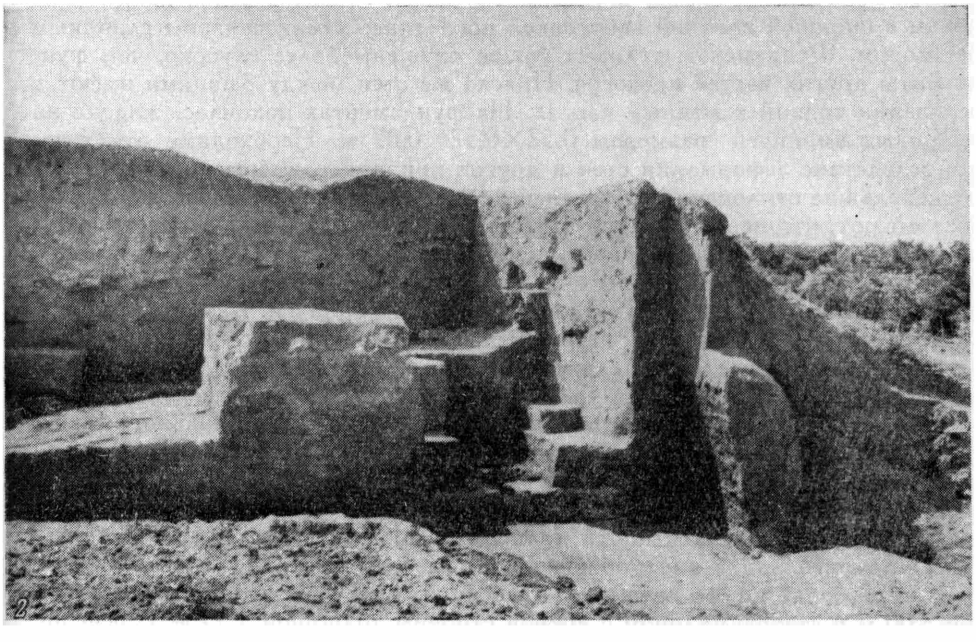


Рис. 40. Батарейка II. Крепостные сооружения:

1 — общий вид с раскопом А; *2* — остатки северо-восточной башни

В 1963 г. к раскопу с западной стороны были прирезаны по линии север — юг площади II и III, а с северной внешней стороны — удлиненный раскоп, обнаживший внешнюю сторону прясла крепостной стены и северную башню. Общая площадь раскопок достигла 135 м^2. Раскопки 1964 г. продолжили исследование внутрикрепостного пространства. Площади IV—X пересекли крепость от южной до северной крепостных стен по линии юг — север. Весь раскоп (рис. 41) достиг размеров 410 м^2. На юге и севере раскоп доведен до подошвы крепостных стен (глубина до 5 м). В большей части раскопа углубление шло до полов внутрикрепостных помещений.

В результате трехлетних работ открыта восточная часть крепости. Вся толща культурного слоя на «батарейке» четко разбивается на две части: нижнюю, желтоглиняную — руины крепости, верхнюю серо-коричневую — остатки позднеантичного поселения[5].

Прямоугольник крепости, судя по исследованным частям стен, был ориентирован с юго-востока-востока на северо-запад-запад. Ее земляные конструкции претерпели разрушения не только из-за выборки глины, но и сильную деформацию, выразившуюся в крене оборонительных стен и в осадке субструкции.

Большинство земляных полов помещений оказались наклоненными внутрь крепости. Ширина внутреннего пространства крепости от северного до южного прясел стен составляет 27,5 м. Раскопками открыты сохранившиеся части северо-восточной (рис. 40, 2), северной и юго-восточной башен, северного и южного прясел крепостной стены, а также девяти внутренних помещений, что позволяет представить основные элементы планировки и строительных приемов всей крепости.

Укрепление было построено на ровной местности. Для стен и башен произведен срез грунта, на который положена желтоглиняная плотная подушка; на этой подушке выкладывались каменные фундаменты разного качества. Под стены башен сооружались прочные фундаменты в несколько рядов камней по высоте; в них применялись необработанные камни различной величины и пород. Фундаменты башен сложены в два панциря по краям с широкой плотной забутовкой посредине; камни связаны глиняным раствором. Фундаменты угловых башен опущены более глубоко, чем фундаменты других частей крепости. Прясла же стен между башнями имеют в основании тонкий каменный настил. На фундаментах покоилась кладка из сырцовых кирпичей размером 0,52×0,52×0,07 м. Необходимо отметить, что вследствие деформации стен и других причин[6] размеры кирпичей имеют небольшие отклонения от средней нормы, но многочисленные измерения показывают, что первоначально кирпичи были стандартных размеров. Они изготовлены из хорошо промешанной местной глины с примесью мелкорасщепленной морской травы — камки. Ряды кирпичей сложены вперевязь; кое-где применялись не целые, а части кирпичей. Вначале создавалась кладка стен башен, а затем между ними впритык выкладывались прясла стен. Эта последовательность выявлена в северном участке раскопа. В толщу сырцовой кладки крепостных стен помещались деревянные как поперечные, так и продольные прокладки-брусья прямоугольного сечения. Башни были прямоугольны; судя по остаткам северо-восточной башни, они выступали примерно на 1,5 м за линию стен.

Стены северо-восточной башни в большей части уничтожены, однако земляной пол ее выявлен почти полностью; он позволяет определить размеры прямоугольника внутрибашенного помещения — 4,20×3,55 м. Башня была образована двумя внешними (северной и восточной) стенами толщиной 3,00 м и стеною-пилоном с южной стороны толщиной 1,95 м. С северо-западной стороны в башню вел проход шириною 1,05 м, образованный выступами пилона и северной стены. Этот проход начинался позади (с западной стороны) пилона, где были сделаны четыре ступеньки, а затем, огибая угол пилона, пандусом подходил к внутрибашенному помещению. Проход заканчивался каменной ступенькой, спускавшейся на нижележащий пол башни. Внутрибашенное помещение I представляло собою полуподвал, пол которого лежал на 1,40—1,50 м ниже пола соседних помещений II—III; деревянное перекрытие его находилось на высоте 2 м от пола. Балки

[5] Об остатках этого позднеантичного поселения см. статью В. С. Долгорукова в настоящем сборнике.

[6] О причинах небольших отклонений в размерах одномерных сырцовых кирпичей в древних кладках см.: Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана. СА, 1963, № 4, стр. 73—75.

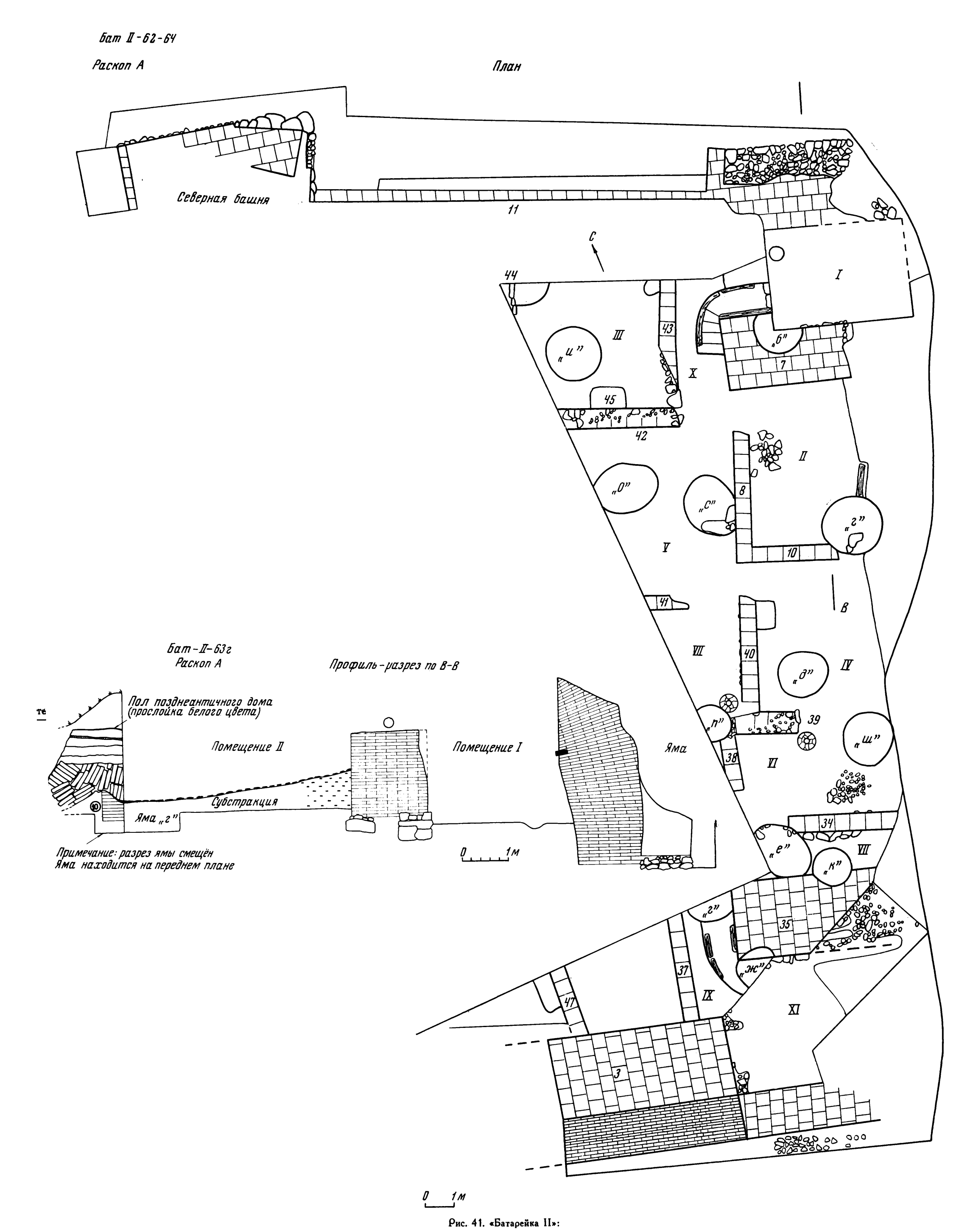


Рис. 41. «Батарейка II»:

1 — крепостные сооружения на раскопе А. 1 — План; 2 — разрез через северо-восточную башню и помещение II

перекрытия были концами вставлены в северо-восточную стену и пилон, как об этом говорят несколько сохранившихся гнезд в северной стене с концами сгоревших балок полуциркульного сечения. Таким образом, в башне фиксируется двухэтажная конструкция, но вероятнее всего существовал и 3 этаж, поскольку стены были достаточно высокими; высота сохранившейся сырцовой кладки северной стены, не считая фундамента, достигает 4,60 м. Верхние же части упали и составили мощный завал. В пользу того же говорит большое количество находок в башне, углей от сгоревших балок и досок от перекрытий, железных гвоздей. Сюда рухнуло все содержимое верхних помещений. По характеру находок на полу (пифосы, амфоры, большие кувшины, рассыпанное обуглившееся зерно) легко можно заключить, что здесь был склад запасов. О мощной двери говорит железная петля и огромный ключ, найденные у порога.

Юго-восточный угол крепости разрушен сильнее. Однако небольшой участок пола башенного помещения, часть пилона и начало наклонного прохода сзади пилона говорят о том, что устройство юго-восточной башни было аналогичным и симметричным северо-восточной башне: только толщина пилона здесь большая (3 м).

Северное прясло стены длиною 13,70 м прослежено в основном с внешней стороны, где оно сильно разрушено перекопом; однако у северной башни ее кладка сохранилась хорошо и достигает 4 м высоты. В северо-западной части раскопа обнаружена промежуточная прямоугольная башня крепости, сырцовая кладка которой покоится на фундаменте — цоколе высотой 0,70—0,80 м. Длина ее внешней стороны 6,80 м. Изнутри башня не раскапывалась, однако нам известна ее толщина — 1,85 м — по пустотелому гнезду от сгнившей поперечной деревянной прокладки. В кладке фундамента этой башни заложены фрагменты обожженных кирпичей размером 0,24 × 0,24 × 0,045 м, часто встречавшиеся в других частях раскопа.

Открытие северной башни дает возможность предположить, что в крепости имелось всего шесть башен: четыре по углам и по одной промежуточной у длинных сторон. Место ворот еще не определено.

Участок южного прясла крепостной стены, открытый в 1964 г., оказался лучшей сохранности. Высота его достигает 4,10 м. Полный поперечный разрез этой стены показывает, что крепостная стена состояла из двух частей: собственно стены толщиною 2,80 м, сложенной из горизонтальных рядов кирпичей, и откоса из кирпичей несколько иного цвета. Подножие откоса, заглубленное ниже подножия основной стены на 0,80 м, имело ширину 1,90 м, так что вся стена в нижней части достигала 4,70 м. Наклон откоса составляет 75° к горизонту. Расчет показывает, что откос должен был кончаться примерно на высоте 5,5 м, а высота всей стены была не менее 10 м. Это подтверждается сообщением В. Г. Тизенгаузена о том, что еще в 60-х годах XIX в. высота Батарейки достигала 5 сажен[7]. Есть основание полагать, что внешние откосы стен сооружены позднее, чем вертикальная стена. Видимо, угроза нападения заставила усилить фортификацию.

После выведения башен и крепостных стен внутри крепости была создана искусственная субструкция толщиною до 2,5 м у южной стены. Толщина субструкции была неодинаковой в зависимости от первоначального рельефа местности внутри крепости. Она сделана из специально приготовленной глины, причем в ней прослежены сырцово-кирпичные кладки, служившие каркасом для глиняного массива. На субструкциях воздвигались внутренние помещения, причем полы помещений представляли собою утрамбованную иногда с золою поверхность субструкции. Судя по тому, что центр крепости сильно понижен — толщина ее там меньше. Субструкция служила прежде всего для поднятия уровня пристенных помещений, а также для укрепления оборонительных конструкций и удобства защиты стен.

[7] К. К. Гёрц. Указ. соч., стр. 140.

Помещения располагались вдоль крепостных стен. Так, у несохранившейся восточной стены было четыре помещения (II, IV, VI и VIII), не считая башенных. У северной стены открыто помещение III, у южной — IX. Непосредственно за пристенными помещениями имелся другой ряд смежных помещений (V, VII), еще не полностью открытых. В плане все помещения прямоугольные, но имеют разные размеры. Соседние помещения соединены проходами. Все стены внутрикрепостных помещений построены в одной технике; они сложены были из одного ряда (по ширине) сырцовых кирпичей размером 0,52×0,52×0,07 м. Вместе с глиняной обмазкой с обеих сторон толщина стен составляла 0,53—0,54 м. Сырцово-кирпичные кладки стен покоились на фундаментах, каменных настилах, впущенных в пол-субструкцию. Стены сохранились на небольшую высоту (до 1,00 м и меньше), так как частично были разрушены при пожаре, а затем спланированы при новом строительстве.

Культурный слой, заполнявший все помещения (исключая глубокие позднеантичные ямы, входившие зачастую в субструкцию), представлял собою в нижней части сплошное пожарище, сверху покрытое завалом сырцово-кирпичных стен. Крепость погибла в огромном пожаре. Следов огня не обнаружено только в одном помещении VIII, у южного башенного пилона, представлявшего род узкого прохода, где, видимо, не было горючих материалов. Пожар был столь силен, что глиняные стены и даже полы прокалились на значительную толщину, приобретя красно-оранжевый цвет, в огне расплавлялись стеклянные и даже металлические предметы. Нужно думать, что в крепости было много деревянных конструкций. Большая часть полов покрыта углями от упавших балок и досок перекрытий. Особенно впечатлительна картина пожара в северо-восточной башне и проходе, ведущем к ней. В нем обнаружены части сгоревшей деревянной лестницы. Пожар здесь, вероятно, был усилен горевшим зерном и маслом, хранившимися в пифосах, амфорах и кувшинах. Обуглившееся зерно покрывало почти весь пол. Все указывает на то, что этот пожар не был случайным, а произошел в результате военного нападения при штурме крепости, в котором применялись, по всей видимости, и военные машины. В пристенных помещениях и башне обнаружены целые блоки стен, упавших во время пожара на пол в охваченные пламенем помещения, разрушая все, что находилось внутри.

В слое пожарища на уровне пола во всех помещениях обнаружено большое количество керамики и других находок. Важно отметить, что состояние находок в полуподвальном башенном помещении и в помещениях, расположенных у крепостной стены, сильно отличается от находок в помещениях.

В местах, более отдаленных от крепостных стен, находки сильно раздроблены и перемещены; здесь почти не встречается целых сосудов и ценных предметов. В противоположность этому в башне и пристенных участках находок больше, они разнообразнее и сохранились лучше, перекрытые упавшими при пожаре стенами.

Кровельная черепица, встречаемая в больших количествах при раскопках античных городов, здесь представлена единичными фрагментами; постройки крепости имели кровлю из дерева и морской травы. Возможно, что и над стенами была подобная кровля, поскольку пласты морской травы, упавшие сверху на внешнюю сторону стен, а потому не сгоревшие, обнаружены везде по внешней стороне стен.

Все помещения, кроме башенных и проходов, были жилыми или служили для хозяйственных целей. В большинстве из них открыты остатки печей. Так, в помещении III и IV печи имели вид прямоугольной жаровни; в помещении V печь сильно разрушена, в помещении VI печь, вероятно, имела иное устройство, так как от нее сохранилось много мелких прокаленных булыжников. В ряде помещений обнаружены перекаленные

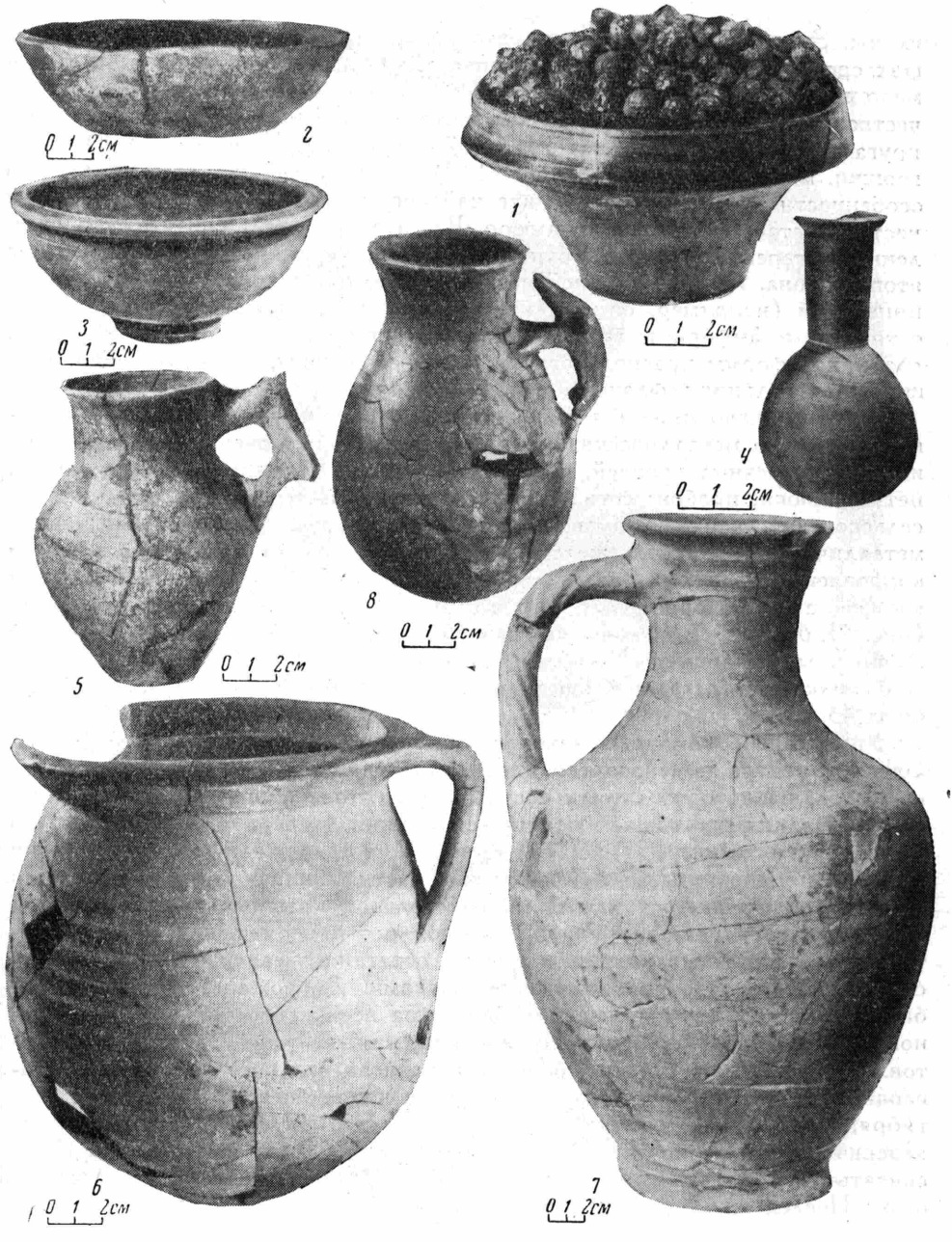


Рис. 42. Батарейка II. Керамика:

1 — краснолаковая чашка с обуглившимся виноградом; 2 — лепная тарелка; 3, 4 — краснолаковые сосуды; 5 — лепной кувшинчик; 6, 7 — горшок и кувшин местного производства, изготовленные на гончарном кругу; 8 — кувшинчик серой глины

и расколотые прямоугольные жернова из гранита, а также пифосы средних размеров для хранения зерна, вкопанные в пол.

Из керамических находок наибольшую группу составляют фрагменты амфор нескольких видов, из которых наиболее характерными являются красноглиняные плоскодонные с широкими плоскими профилированными ручками и расширяющимся к венцу горлом, а также большие остродонные широкогорлые с круглыми ручками темно-красной, часто слоистой

глины. Эти два типа амфор широко распространены на соседних городищах среди остатков погибших крепостей. Они местного производства и мало известны за пределами Фанталовского полуострова. Большое количество других видов керамики, как изготовленной при помощи гончарного круга (рис. 42, *6*, *7*, *8*), так и лепной,— кувшины (рис. 42, *5*), лутерии, горшки, миски, сковородки (рис. 42, *2*) — имеют тот же состав глины и особенности техники; на городище найдено много керамических шлаков и часть подставки для обжига амфор. Все это позволяет считать, что поселение Батарейка II было крупным центром керамического производства этого района. Помимо местной керамики имеется значительное количество привозной (например, светлоглиняные узкогорлые амфоры, тонкостенные остродонные амфоры и лутерии синопской светло-сиреневой глины и др.), различной формы краснолаковые сосуды — кувшины, чашки, блюдца, горшочки, светильники, флаконы (рис. 42, *3*, *4*).

Частыми находками были фрагменты стеклянных сосудов. Значительно количество металлических вещей, среди которых очень много больших кованых железных гвоздей, скреплявших балки перекрытий. Встречаются петли, крюки, пробои; есть несколько частей инструментов (рис. 43, *1*), сельскохозяйственных орудий (кос, серпов) (рис. 43, *4*). К сожалению, металлические, особенно железные предметы, сильно испорчены огнем и коррозией. Поражает относительно большое количество железных скоб и ключей, а также бронзовых вкладышей замков от деревянных сундучков (рис. 43, *6—10*). Две замковые накладки представляют собой изображение Афродиты Анадиомены[8], третья — в виде гермы. Найден набор подтесанных мелких астрагалов, монеты, бронзовые бляхи, накладки, зеркало (рис. 43, *3*).

Уникальный комплекс находок обнаружен на полу помещения II. Здесь в центре помещения найден сплющенный сгоревший прямоугольный стол, на котором стояли сосуды с приготовленной пищей. В краснолаковых глиняных чашках помещался свежий (теперь обуглившийся, но сохранивший форму) виноград (рис. 42, *1*), лежали свежие яблоки (рис. 43, *5*), вокруг стола обнаружены части горшков с остатками каши и куски обуглившегося хлеба, много столовой краснолаковой и простой посуды; в западной, восточной и южной частях помещения найдены остатки трех прутяных корзин с зерном, остатки веревочной рыболовецкой сети (рис. 43, *2*) с пробковыми поплавками. До пожара сеть висела на балке. Жизнь в этом помещении, как и на всей крепости, была приостановлена внезапно. Люди покинули помещения, не успев закончить приготовленную трапезу. Грозная опасность нависла над поселением, и она завершилась катастрофой. Это произошло в конце августа или начале сентября, когда в этом районе созревает виноград, поспевают яблоки и уже завершен сбор зерновых. При разведочных работах мы склонны были связать эту катастрофу с войною Котиса и Митридата в 40-х годах I в. н. э.[9] Последующие работы, анализ нового большого материала, раскопки соседней крепости на городище Батарейка I, имевшей ту же судьбу, позволяют предположить, что война, в которой погибла эта и соседние крепости, произошла несколько позднее, а именно в самом начале II в. н. э., в правление боспорского царя Савромата I.

Материалы раскопок подтвердили первоначальное мнение о том, что крепость построена в I в. до н. э. Ее обитатели или гарнизон тесно связаны с сельскохозяйственным производством, которое, несомненно, являлось основным занятием жителей окружающего крепость неукрепленного по-

---

[8] Н. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Кепах. СА, 1964, № 4, стр. 118, рис. 12, *2*, *3*.

[9] Н. И. Сокольский. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. «Acta antiqua philippopolitana, Studia archaeologica». София, 1963, стр. 24.

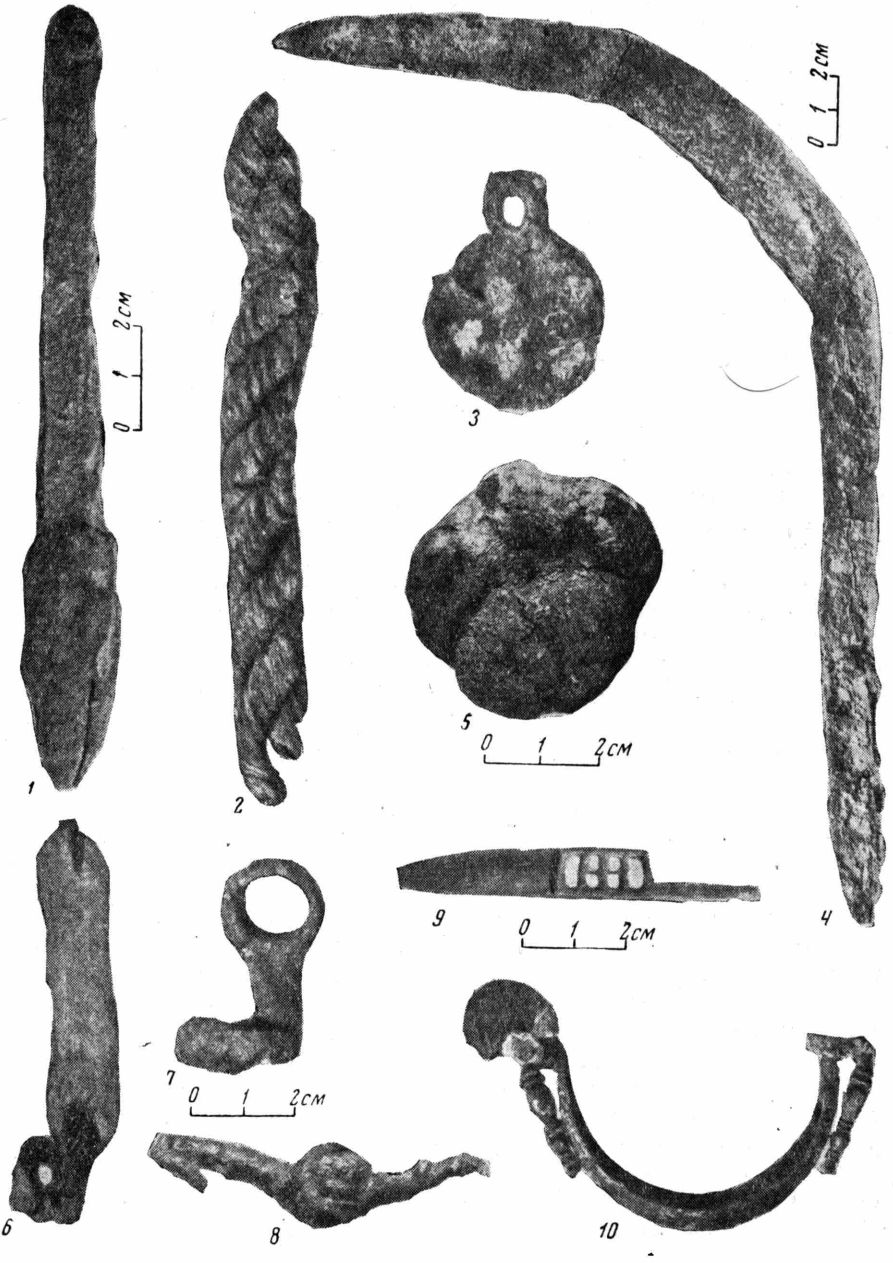


Рис. 43. Батарейка II. Металлические и другие находки:

1 — железный инструмент; *2* — веревка от рыболовной сети; *3* — бронзовое зеркало; *4* — серп; *5* — обуглившееся яблоко; *6, 7, 8* — железные накладка, ключ и петля от сундучка; *9* — бронзовый вкладыш замка; *10* — бронзовая ручка сундучка

селения. Есть основание думать, что, входя в оборонительную систему укрепленного района Боспорского государства («остров») на современном Фанталовском полуострове, крепость не осталась в стороне от событий, связанных с войной Митридата против Котиса. Возможно, тогда ее фортификационные сооружения усиливаются и ремонтируются. Раскопки на Батарейке II дают большой интересный материал для освещения конкретных исторических событий, происходивших в I и II вв. н. э. на Таманском полуострове.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

В. С. ДОЛГОРУКОВ

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ГОРОДИЩЕ БАТАРЕЙКА II

В 1962—1964 гг. Таманская экспедиция проводила исследования городища Батарейка II. Изучение этого памятника показало, что центральный холм городища, на котором проводились раскопки, представлял собой в основном руины крепости со стенами, сложенными из сырцовых кирпичей [1]. Верхний слой является остатками позднеантичного поселения. Спустя некоторое время после гибели крепости в начале II в. н. э. завалы сырцов были выровнены, и над ними возникли новые постройки позднеантичного поселения, которые занимали не только центральный холм, но и близлежащую территорию. Исследованная площадь позднеантичного поселения за эти годы составила 225 м^2. В результате работ здесь зафиксировано три слоя или строительных периода, относящихся к периоду III—IV вв. н. э. (рис. 44, *2*, *3*). Общая мощность слоев колеблется от 1,10 м до 2,20 м.

Нижний из позднеантичных слоев лежит непосредственно на завалах желтоглиняных сырцовых кирпичей ранее погибшей крепости. Этот слой характерен своим серозолистым грунтом, в перекопах и ямах спускающимся иногда ниже полов крепостных сооружений, где достигает толщины 2 м. Толщина в неперекопанных местах от 0,30 м до 0,70 м. В нижней части слоя лежат строительные остатки (рис. 44). Необходимо отметить, что ориентировка строений этого периода соответствует остаткам крепостных сооружений предшествующего периода. Это произошло, видимо, потому, что при новой застройке крепостные стены еще не возвышались и их направление определило планировку нового поселка. Мы пока не располагаем данными для определения промежутка времени между гибелью крепости в пожаре и ее новой застройкой, поскольку в слое, содержащем в основном находки III в. н. э. ряд находок вполне может быть датирован II в. н. э. Поэтому не исключено, что застройка участка бывшей крепости была начата еще в пределах II в. н. э., но с некоторым интервалом после пожара и гибели крепости. Новая застройка захватила все возвышение крепости. В северной части раскопа обнаружены строительные остатки сильно разрушенного дома, разделенного стеной № 2 на два помещения: западное и восточное. Западное помещение этого дома с юга ограничено фундаментами № 23 и 24, которые, вероятно, являются частями одного и того же фундамента, нарушенного перекопом. Западная часть этого фундамента (кладка № 24) опустилась и сползла к северу в связи с осадкой грунта в большую яму «И». Северный и западный края этого помещения еще не раскопаны. Сохранившиеся фундаменты дома, как и все остальные фундаменты этого периода, были сложены из необработанных

[1] Н. И. Сокольский. Крепость на поселении Батарейка II. См. статью в настоящем выпуске.

камней ракушечника, плитника и дикарного камня средних размеров, положенных в два панциря с забутовкой между ними более мелким камнем, фрагментами керамики и кусками керамического шлака. На фундаменте N 2 сохранились остатки стены дома, выложенной из сырцовых кирпичей, высотой до 0,20 м. К этому же помещению относятся и вымостки пола № 4, 22, 30, нарушенного перекопом. Вымостки № 4 и 22 лежали на серозолистой прослойке толщиной 0,05 м, в свою очередь по вымосткам проходит точно такая же утрамбованная прослойка. Вероятно, это три последовательно сменявшихся пола долго существовавшего дома. При устройстве этого дома была сделана вырезка в северном прясле крепостной стены; стены северо-восточной башни, находившиеся с восточной стороны дома и возвышавшиеся над фундаментами этого дома, сохранились и в настоящее время.

Каждый позднеантичный дом имел хозяйственную яму-хранилище, как и все позднеантичные дома поселений Фанталовского полуострова (Красноармейское, Батарейка I, Кепы и т. д.). Подобные круглые в плане ямы с горизонтальным дном кверху сужаются, горловины их накрывались каменными плитами. Глубина

Рис. 44. План строительных остатков III в. н. э.

ям колеблется от 1,50 до 2 м. К сожалению, верхние части ям в большинстве случаев разрушены. Подобная яма принадлежала западному помещению. Диаметр дна 1,70 м. Сохранившаяся глубина 1,40 м, в заполнении — серозолистый суглинок и керамика, датирующаяся III в. н. э. Отметим фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор с красными буквами, высокую ножку лепного светильника, фрагмент сосуда с зигзагообразным орнаментом III в. н. э.[2], фрагменты краснолаковых сосудов, куски керамического шлака, железный ключ от сундука.

С восточной стороны описанного помещения за стеною № 2 было смежное разрушенное помещение с вымосткой № 3 и ямой «б». Вымостка № 3, так же как и № 22, лежала на глиняной прослойке толщиною 0,05 м и сверху перекрывалась точно такой же прослойкой.

[2] Подобные сосуды найдены в Илурате и Кепах в слоях III в. н. э. (В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, рис. 23, 99, 102; Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах 1959 г. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 59, рис. 25).

Между северным домом и домом в центре раскопа находилось узкое помещение, к которому относится вымостка № 32 и яма «о». От вымостки сохранилась небольшая часть, состоящая из трех крупных камней и мелких камней между ними. Яма «о» была под стеной № 5 и, вероятно, поэтому восточная стенка ее выложена каменной кладкой, которая представляет собой остатки подпорной стены.

Южнее этого узкого помещения находились остатки другого большого дома, состоящего, как можно предположить, из целого ряда помещений; одно из них заключено между фундаментами № 5, 25, 26. К этому помещению относится яма «с» и вымостка № 33; вымостка проходит через порог в другое восточное помещение, сохранившее несколько прослоек глиняного пола № 6 и яму «в». Края дверного проема между этими двумя помещениями были оформлены двумя необработанными каменными плитами размером 0,95 × 0,53 толщиною 0,13 и 0,15 м. Плиты проема рухнули и лежали друг на друге, закрывая проход.

С юга восточное помещение, очевидно, ограничивала несохранившаяся стена, которая являлась продолжением на восток фундамента № 26. От южной части этого дома найдены только остатки одного фундамента, разорванного перекопами на три части: № 20, 20а, 20б. Общая длина фундамента 8 м. Несомненно, что по обе стороны стены, которая покоилась на этом фундаменте, располагалось по меньшей мере по два помещения с каждой (восточной и западной) стороны. Вероятно, этим помещениям принадлежали ямы «д», «н», «п», «р», в каждом помещении по яме. Исключение составляет V помещение, в котором находились две ямы, вероятно использовавшиеся последовательно.

К югу от фундамента № 20б находится яма «к», которая, возможно, принадлежала X помещению или другому южному комплексу, который стратиграфически также следует отнести к нижнему из позднеантичных слоев. К этому комплексу относятся фундаменты № 29, 47, 48, составляющие, видимо, части одного дома, поскольку они параллельны. Особенность этих фундаментов состоит в том, что они ориентированы точно с юга на север, т. е. не соответствовали ориентировке всех других строений этого слоя. Дом, которому принадлежали эти фундаменты, врезан юго-западным углом в южную крепостную стену. В помещении между стенами № 47, 48 находилась глинобитная печь, около стены № 47. На фундаменте № 47 сохранились остатки сырцовой кладки высотою до 0,30 м. В целом этот комплекс еще не доследован.

Находки этого слоя не очень многочисленны: фрагменты пифосов, красноглиняных и светлоглиняных узкогорлых амфор III в. н. э., кувшинов, горшков, обломки лепной керамики, осколки стекла, лепешкообразные грузила (в том числе с оттисками бородки ключа), пирамидальные ткацкие подвески, куски керамического шлака, колотые кости домашних животных, керамические пробки, фрагменты кирпичей, кусок красной штукатурки, несколько бусин и бронзовая обойма. Некоторые фрагменты керамики относятся ко времени существования крепости. Они попали в слой в результате перекопов.

В III в. н. э. некоторые сооружения пришли в негодность и были перестроены. При постройке нового здания сырцовые стены старого разрушали и площадку планировали. Поэтому над фундаментами нижнего слоя в центральной части раскопа оказалась искусственная подушка из однородного серозолистого суглинка, толщиною до 0,40 м. Эта подушка четко разделяет два строительных периода. Толща грунта со строительными остатками этого строительного периода выделяется во второй из позднеантичных слоев и на основании находок датируется III—IV вв. н. э. Остатки второго слоя прослежены в основном в средней части раскопа (рис. 45), он сильно поврежден поздними перекопами. Помещения северного и южного домов частично лежали на оборонительных стенах, а также на крепком

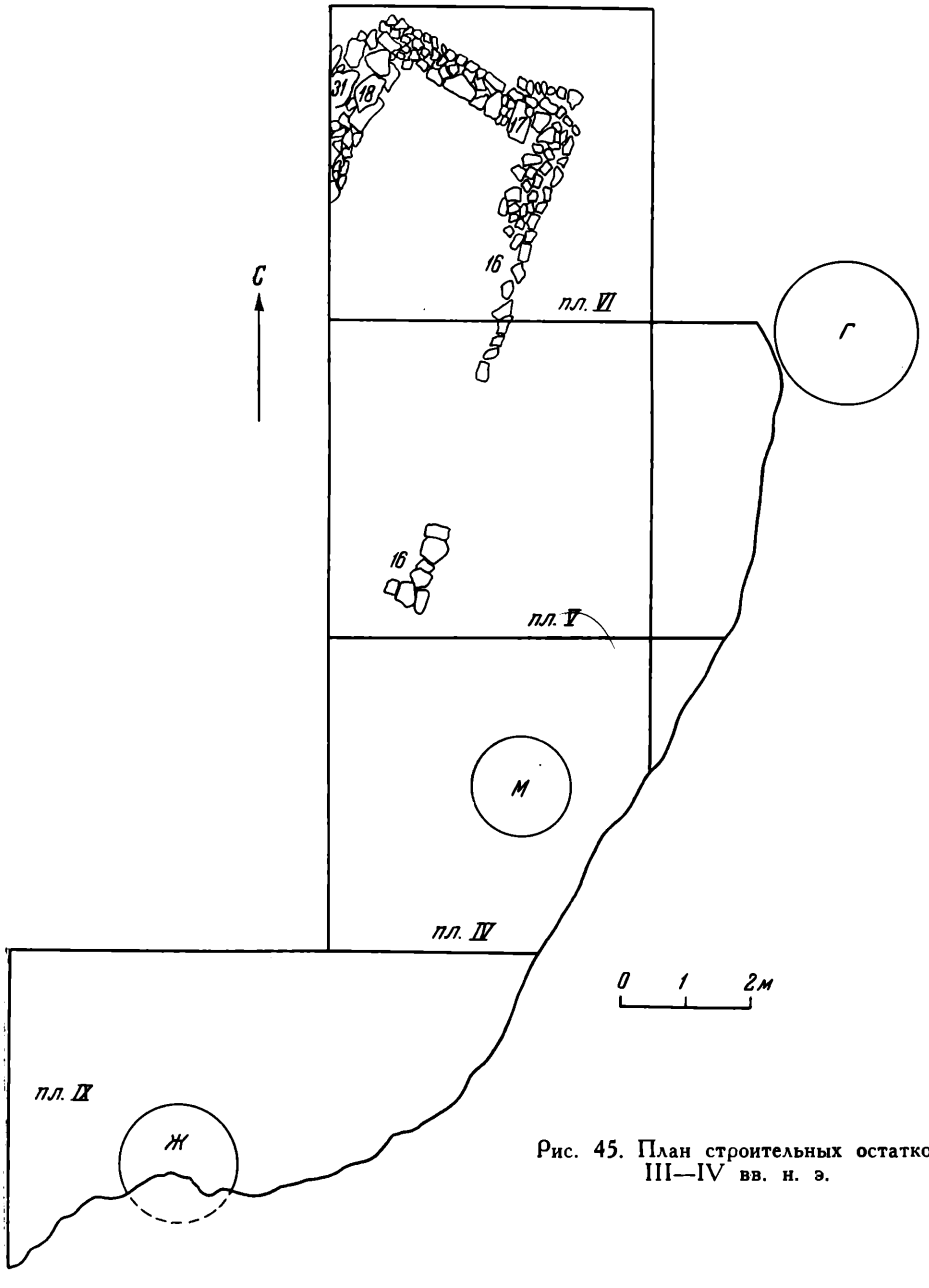


Рис. 45. План строительных остатков III—IV вв. н. э.

сплошном завале сырцовых кирпичей крепостных стен. Поэтому эти комплексы не разрушены, в то время как вся средняя часть первого слоя вместе с сооружениями сильно опустилась (рис. 46). В северном доме перестройка выразилась, вероятно, в ремонте и в новом замощении полов; поверх старых глинобитных полов были выложены вымостки № 3, 4, 22 из необработанного ракушечника, булыжников. В эти вымостки попали также фрагменты позднеантичных пифосов и амфор III—IV вв. н. э., куски керамического шлака. Камни были положены в один и два слоя (в зависимости от размера камней).

В средней части раскопа были возведены новые стены здания с фундаментами № 16, 17, 18. Фундаменты этого дома выложены в два пан-

циря с забутовкой из мелкого камня, ракушечника и плитняка мелких размеров на глиняном растворе. В забутовке находились также фрагменты пифосов и амфор III—IV вв. н. э., куски керамического шлака. Остатки нового дома повторяли планировку жилищ предыдущего периода, фундаменты № 16 и 17 точно лежат соответственно над фундаментами № 25 и 5. Это могло произойти при условии, если жители не покидали поселения и жизнь в других соседних домах не прерывалась. К этому же слою относятся и ямы «г», «ж», «м». Находки в ямах представлены главным образом фрагментами пифосов и позднеантичных амфор III—IV вв. н. э. В яме найдены фрагмент железного предмета и бронзовая пряжка, а в яме «м» — горло светлоглиняной амфоры с красной буквой «α» и чашечка светильника на высокой ножке с пятью отверстиями для фитилей (рис. 47, 5). В ямах «г» и «ж» обнаружены крышки для горловин ям, представляющие собой необработанные плиты ракушечника размером 0,55 × 0,50 × 0,05 м. Остальные находки слоя близки находкам нижнего слоя, но среди них больше находок IV в. н. э. В основном они представлены фрагментами пифосов, красноглиняных широкогорлых и светлоглиняных узкогорлых амфор III—IV вв. н. э., кувшинов, лепной керамики, грубыми

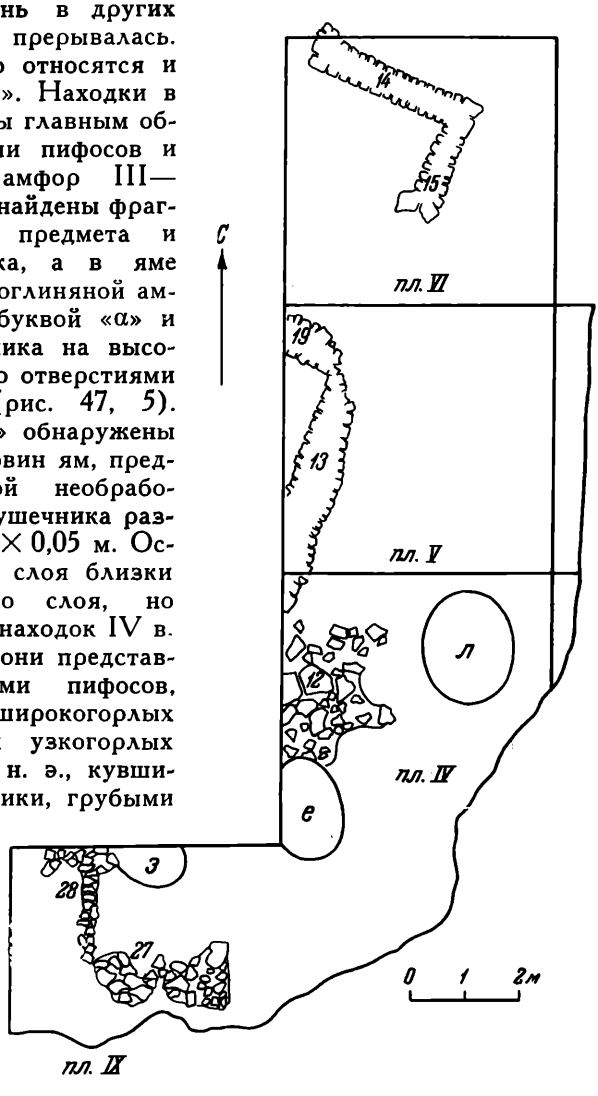


Рис. 46. План строительных остатков IV в. н. э.

открытыми светильниками на высоких ножках, обломками краснолаковых блюд и стеклянных сосудов, лепешкообразными грузилами, открытыми лодочкообразными светильниками (рис. 47, 1, 3) и т. д., кусками керамического шлака, печины.

Нужно думать, что вследствие оседания грунта в том же месте перестроенный дом III—IV вв. н. э. был вновь перестроен. Как и при первой постройке, вначале была спланирована строительная площадка и насыпана новая коричневоглиняная подушка толщиною до 0,50 м, перекрывшая остатки строений предыдущего слоя. К вышележащему слою, датируемому

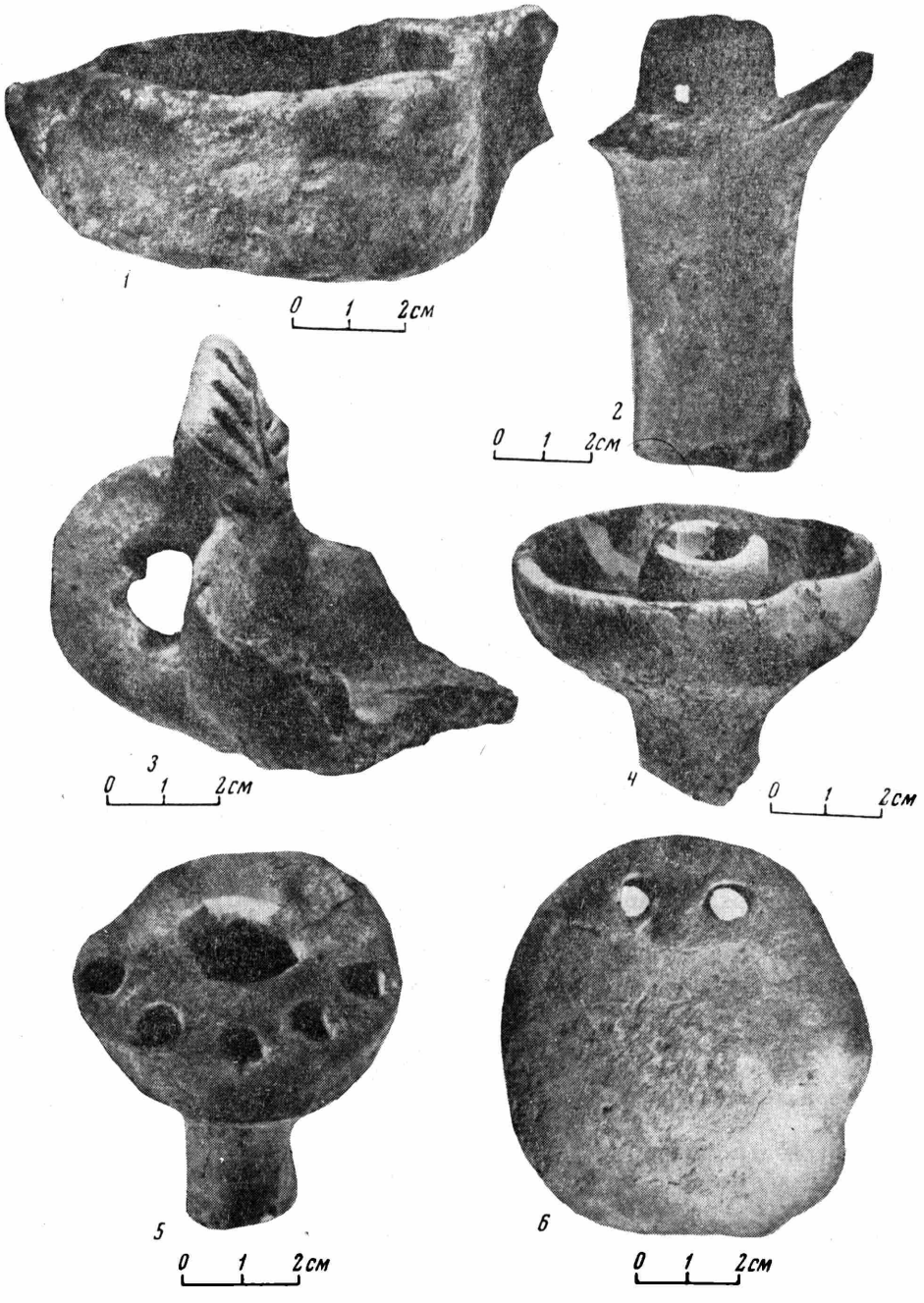


Рис. 47. Находки из позднеантичных слоев:

1, 3, 5 — светильники из слоя III—IV вв. н. э.; *2—4* — светильники из слоя IV в. н. э.; *6* — грузило из слоя III в. н. э.

IV в. н. э. относятся обнаруженные в центральной части раскопа остатки дома (рис. 47). Фундаменты этого дома № 13, 14, 15, 19 выложены в той же технике, что и фундаменты нижних слоев. От этого дома сохранилось два помещения, разделенных фундаментом № 19, и вымостка пола № 12, к которой на севере примыкает серозолистый глиняный пол, от третьего несохранившегося помещения.

Такое сочетание вымостки и глинобитного пола часто наблюдается в позднеантичных строениях[3]. Исходя из того, что дом IV в. построен точно над фундаментами домов предшествующих, можно заключить, что он состоял не только из двух западных помещений, но и с восточной стороны стен № 15 и 13 располагались по меньшей мере еще два помещения. Такое повторение ориентации и планировки фундаментов одного над другим является ярким свидетельством непрерывности жизни поселения в III—IV вв. н. э.

К юго-западу от этого дома обнаружены остатки еще одного дома IV в. н. э. в виде восточного панциря разрушенного фундамента № 28 и пола № 27, западная часть которого представляет собой вымостку, а восточная — серозолистую глиняную трамбовку. Ориентировка фундамента № 28 повторяет ориентировку фундамента № 29 предыдущего слоя. К этому же времени относятся ямы «е» и «з».

Среди находок этого слоя встречаются фрагменты керамики как I—II, так и III вв. н. э., но ведущими и датирующими слой являются фрагменты керамики IV в. (амфоры, краснолаковые блюда, лепная посуда). Отдельно отметим два обломка мраморного лутерия (один с декоративным сливом), два фрагмента блюда с черным покрытием типа букеро, фрагмент стеклянного стакана с темными кружочками IV в., несколько фрагментов бронзовых поделок, торс грубой терракотовой женской статуэтки, сходной с Тасуновской[4], фрагмент терракоты, изображающей всадника, скачущего в галоп на лошади, фрагмент терракоты III—IV вв. н. э., грубо изображающей сидящую богиню, часть лепной тарелки с остатками пищи (каши?), фрагменты большой железной фибулы, часть керамической подставки для обжига амфор, обломки светильников, куски розовой цемянки (рис. 47, *2*, *4*).

Поверхностный слой городища, в основном относящийся к позднейшему времени, сохранил остатки средневековой жизни. К средневековому времени относится яма «л», в которой обнаружен фрагмент синего стеклянного браслета. Это позволяет предположить, что на городище Батарейка II существовало, хотя и небольшое, поселение VIII—X вв.

Материал, собранный на вспаханном поле около холма, аналогичен материалу из верхних слоев на раскопе А и показывает, что в позднеантичное время поселение занимало обширную территорию, прилегавшую к центральному холму. В 70—80 м к западу от раскопа А при рытье котлована были задеты фундаменты строения IV в. н. э. (по найденной около них керамике; фрагменты краснолаковых блюд, обломки светлоглиняных узкогорлых амфор со скрученными ручками). На городище обнаружены боспорские монеты начала IV в. н. э., подвесная нога поздней боспорской терракоты[5], небольшой лепной горшочек с отверстиями в верхней части.

Материалы раскопок показывают, что исследуемое поселение носило сельскохозяйственный характер. Многочисленные находки крупноразмерной тары (пифосов, больших амфор), предназначавшиеся для хранения зерна, фрагменты жерновов и каменной ступы, каменные кормушки, колотые кости домашних животных свидетельствуют о том, что основой экономики жителей поселения было занятие сельским хозяйством. На поселении пока еще не найдено строительных остатков виноделен. Но обнаруженные плоды винограда в период существования крепости, а также в позднеантичных

---

[3] И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок поселения у с. Семеновка. КСИА, вып. 95, 1956, стр. 43 и сл.; Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хутора Батарейка I. СА, 1963, № 1, стр. 187.

[4] В. Д. Блаватский и Д. Б. Шелов. Разведки на Керченском полуострове. КСИИМК, вып. 58, 1955, рис. 44, *4*; 45, *2*, *3*.

[5] М. Н. Наливкина. Терракоты Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 342.

слоях куски розовой цемянки позволяют предположить наличие виноделия[6]. На городище Батарейка II как на центральном холме, так и за его пределами, в течение 1962—1964 гг. обнаружено огромное количество крупных и мелких кусков шлака от керамического производства. В 1964 г. найдены куски шлака, употреблявшиеся в качестве строительного материала во всех кладках позднеантичного периода и в грунте этих слоев. Часто встречается и обмазка керамических печей. В 1963 и 1964 гг. на горизонте второго слоя обнаружены части муфтообразных подставок для обжига амфор[7]. Это бесспорно документирует местное производство амфор на Батарейке II. Несомненно, что керамическое производство существовало в период жизни крепости. Сходство глины, широкое распространение сходных по глине пифосов, амфор, гончарной и лепной посуды, грузил и других вещей более позднего периода говорит за то, что в III—IV вв. н. э. здесь продолжалось производство керамики.

Расположение на берегу богатого рыбой залива, находки сетей в ранний период находки чешуи и костей рыб в поздний период говорят о том, что и в позднеантичное время рыболовство играло значительную роль в хозяйственной деятельности поселения. Находки ткацких подвесок свидетельствуют о существовании домашнего ткачества.

На основании имеющегося материала можно предположить, что поселение возродилось в конце II или в III в. н. э., спустя некоторое время после гибели крепости, и жило интенсивной жизнью непрерывно в течение III—IV вв. н. э. За это время некоторые постройки два раза были перестроены в той же ориентировке и планировке. В IV в. н. э. поселение подверглось разрушению и погибло. Вследствие сильной разрушенности верхних слоев Батарейки II мы не можем сказать, было ли оно сожжено. Однако мы можем сказать, что оно погибло тогда, когда погибли и другие крупные поселения этого района. Гибель же последних, в частности поселения Батарейка I[8], несомненно связана с гуннским нашествием. Поэтому и разрушение позднеантичного поселения на городище Батарейка II следует связать с теми же событиями.

Раскопки этого городища, а также раскопки на других городищах говорят о заселенности этого района в IV в. н. э., по-видимому, игравшего серьезную роль в экономике Боспора. Несмотря на то, что это поселение, как и другие, является сельскохозяйственным поселением сельского типа, несмотря на то, что их хозяйства, экономика были более замкнутыми, чем в ранний период, все же торговые связи не прекратились, о чем свидетельствует привоз светлоглиняных амфор, краснолаковой посуды, стеклянных изделий и т. д. Однако можно думать, что получение товаров, в основном малоазийских, видимо шло не непосредственно, а через крупные боспорские города, через Пантикапей, Фанагорию.

---

[6] На соседних городищах Батарейка I и Красноармейское обнаружены остатки виноделен.

[7] Подобные подставки найдены в Горгиппии, Илурате и Фанагории (И. Т. Кругликова и Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе. КСИИМК, вып. 95, 1963, рис. 25, *2*; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 55; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 89, рис. 25, *1*).

[8] Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хутора Батарейка I. СА, 1963, № 1, стр. 188, 189.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

М. М. КОБЫЛИНА

РАСКОПКИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО РАЙОНА ФАНАГОРИИ в 1964 г.

Раскопки юго-восточного района Фанагории все более раскрывают интересную историю этого участка города. В 1964 г. на территории «Керамика» была исследована площадь (около 300 м^2), примыкающая к раскопу 1960 г. с юга и с запада [1].

Самыми ценными открытиями на «Керамике» в 1964 г. были обжигательные печи. Наиболее интересны хорошо сохранившиеся две печи IV в. н. э., расположенные почти на одной линии (с севера на юг) с печью, исследованной В. Ф. Гайдукевичем в 1931 г., на небольшом расстоянии одна от другой. Они близки по конструкции — круглые с центральным столбом, но отличаются в деталях рис. 49, *1*.

Самая большая печь имеет диаметр вместе с кольцевой кладкой 5,6 м. Сохранилась кольцевая стена топочной части. Основание центрального столба и часть ступенчатого свода, что особенно важно, обнаружена in situ обжигательной камеры. Эти остатки являются первым вещественным доказательством сводчатого перекрытия огромных обжигательных печей IV в. н. э. Другая печь — к югу от нее, немного меньших размеров, интересна тем, что в топочной части сохранился почти полностью центральный столб и часть арочных соединений с кольцевой стеной. Большое количество керамических находок в печах и около них характеризует разнообразие продукции этих печей, предназначенных в основном для обжига сосудов крупных размеров, однако и более мелких изделий, например светильников.

На небольшом расстоянии к востоку от этих печей был открыт развал еще одной обжигательной печи, в нем среди обломков обгорелых сырцов, шлака, горелой глины найдено много кусков черепицы из фанагорийской глины, среди них — часть реберчатого необожженного каллиптера; очевидно, печь служила для обжига черепицы [2].

Кроме обжигательных печей IV в. н. э., был обнаружен материал, свидетельствующий о керамическом производстве и более раннего времени (развалы печей, керамические шлаки, простая керамика, светильники, терракоты, брак производства).

[1] Раскопки Фанагории 1964 г. имели охранный характер; они производились Институтом археологии АН СССР совместно с ГМИИ. Начальник экспедиции — М. М. Кобылина. В состав экспедиции входили научные сотрудники ГМИИ, ГИМ, студенты МГУ, преподаватель МГУ Г. И. Соколов, учащиеся школы в пос. Сенная и в станице Старо-Стеблиевской, а также научный сотрудник Гос. Эрмитажа Н. З. Кунина, историк Ф. Б. Белелюбский, археолог В. А. Могильников. Территория раскопок определялась направлением новой линии автотрассы, которая должна отрезать юго-восточный угол городища и пересечь восточный некрополь. Раскопки некрополя производились под руководством А. К. Коровиной.

[2] Детали конструкции печей, открытых в 1964 г., и их продукции подробно описаны М. М. Кобылиной («Керамическое производство в Фанагории в IV в.». СА, 1966, № 3).

В этом году впервые в Фанагории и, насколько мне известно, в Северном Причерноморье найдена форма светильника (рис. 48, *4*). Форма сделана из фанагорийской глины, сильно обожжена. Гипсовый отлив дает полное представление о верхней части светильника — она круглая с маленьким округлым отверстием в центре для вливания масла, имеет узкие слегка покатые гладкие плечи и выделенное рельефным ободком большое немного вогнутое клеймо с изображением пальметты; каждый лепесток пальметты немного углублен и округлый край его рельефно выделен. Нижняя часть такого светильника делалась отдельно, она также оттискивалась в форме. Обычно такой светильник имел маленькую ручку, которая укреплялась против рожка на гладком плечике светильника, но мог и не иметь ее. Такой тип светильника относится ко II в. н. э.[3]

Пальметта на щитке светильника — мотив весьма распространенный в Северном Причерноморье[4]. Неоднократно находили в Фанагории светильники такой же формы, но с другими изображениями на щитке[5]. Формы для светильников часто встречаются среди античных экспонатов в музеях Болгарии и Югославии[6].

Особенно интересен комплекс форм для оттискивания верхней части светильников (всего 36), открытый в Болгарии около деревни Кранево, правда, более позднего времени — V—VI вв. н. э.[7] В этой мастерской найден и ряд предметов, связанных с изготовлением светильников,— мраморные ступка и растиралка[8], длинная кость (длина 13 см, ширина 1,5 см), нижний край которой заострен и заглажен, наверху две дырочки[9]. Такая же кость была найдена на «Керамике» в Фанагории.

Интересна также другая находка на «Керамике» — нижняя половина светильника из фанагорийской глины с сигнатурой мастера в виде рельефной буквы А , оттиснутой вместе с дном светильника. Такой же знак фанагорийского мастера имеется и на крышке пифоса из фанагорийской глины, открытой на «Керамике» также в этом году.

Ко времени существования крепостной стены III—II вв. до н. э.[10] относятся остатки эллинистических сооружений в виде отдельных кладок и вымосток, оставшихся от выборки камня, прорезанных глубокими котлованами позднеантичных печей. Впервые на этой территории обнаружен каменный водосток. Заполнение водостока представляло собой глинистый грунт с мелкими ракушками, в нем лежала разломанная маленькая простая чашечка III в. до н. э. Водосток ориентирован по направлению склона на юг-юго-восток.

Слой IV в. до н. э., как и в других ранее раскопанных частях, на вскрытом участке представлен великолепной керамикой, свидетельствующей об интенсивной жизни на данном участке в IV в. до н. э.— много фрагментов разнообразных аттических ваз краснофигурных и чернолаковых, среди них фрагменты пелики с изображением юноши и Эрота, краснофигурного кратера первой половины IV в. до н. э. с лавровыми листьями по краю и женской фигурой на тулове, фрагменты чернолаковых канфаров, киликов со штампованным орнаментом, донышки чаш с граффити НФА, Е, А, а также обломки сетчатого лекифа IV в. до н. э. Кроме керамики, здесь

---

[3] B. H. Walters. History of ancient Pottery. London, 1905, стр. 401, рис. 207.
[4] O. Waldhauer. Die antiken Tonlampen. St. Petersburg, 1914, стр. XIX, 203.
[5] М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, рис. 22, *3*.
[6] М. К. Чичикова. Глиняные формы светильников в Мизии. «Годишник Пловдивского музея», т. II. Пловдив, 1952, стр. ...
[7] Горана Тончева. Керамична работилница край с. Кранево. Известия на Археологическото Дружество в г. Сталин». Кн. IX, 1953, стр. 81—88, табл. I—X.
[8] Там же, табл. X, рис. 132.
[9] Там же, табл. X, рис. 131.
[10] М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 25, рис. 6; Она же. Культура Фанагории до сарматского периода. Сб. «Античный город». М., 1963, рис. 4.

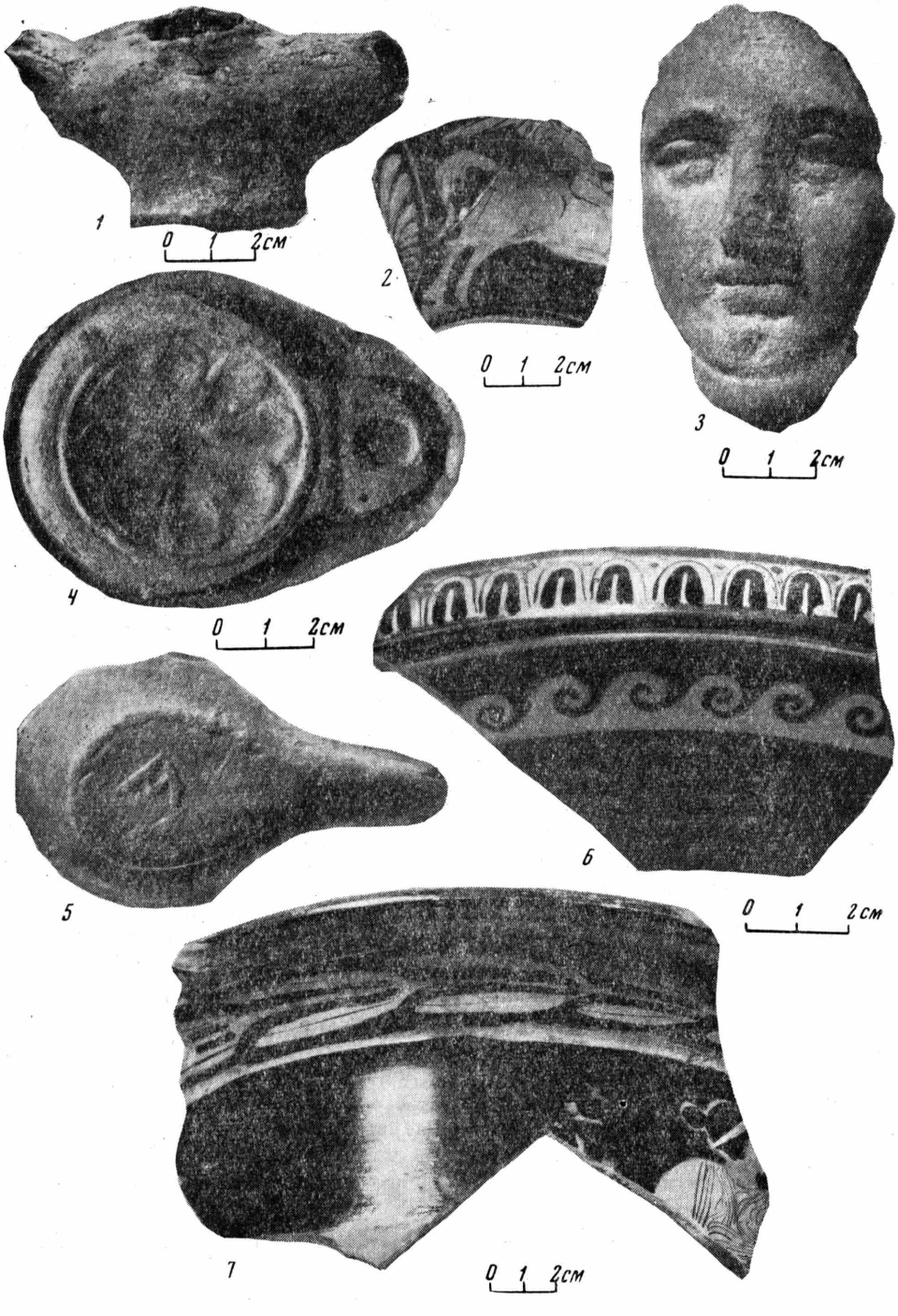


Рис. 48. Фанагория.

1 — лепной светильник из дома III в. н. э. Юго-западная окраина Фанагории. Раскопки 1962 г.; *2* — фрагмент чаши с изображением Эрота на коне. Конец V в. до н. э.; *3* — лицо богини. Терракота начала IV в. до н. э.; *4* — форма для верхней части светильника II в.; *5* — нижняя часть светильника с меткой мастера; *6* — фрагмент рыбного блюда второй половины V в. до н. э.; *7* — фрагмент кратера первой половины IV в. до н. э.

найдено несколько терракот, относящихся к культу женского божества — статуэтка сидящей богини из фанагорийской глины архаического типа[11] и часть протомы — лицо богини, исполненное с патетической выразительностью греческой скульптуры круга Скопаса начала IV в. до н. э. (рис. 48, *3*).

Сооружения IV в. до н. э. на территории раскапываемого района города почти полностью уничтожены. Возможно, что остатками общественного здания IV в. до н. э. являются группы камней, залегающие беспорядочно на материковой глине, находящиеся на расстоянии 38 м к юго-юго-западу от проезда ворот[12]. Камни представляют собой правильной формы прекрасно отесанные квадры разных размеров: вытянутые прямоугольники, почти квадратные, и много обломков.

В южной части раскопа выяснено продолжение древнейшей крепостной стены[13] на протяжении 6 м по прямой линии к югу. Массивные огромные камни песчаника, из которых сложено основание стены, выявленное раскопками 1959 г., здесь выбраны, осталась лишь полоса (шириною 2,40 м в северной части и 1,50 м — в южной) светлого желтоватого цвета каменной крошки и отдельных камней, залегающих пластом толщиною 0,45—0,80 м. Эта разрушенная часть основания стены лежала на песчаном подстиле, песок, очевидно, был насыпан прежде всего для выравнивания почвы.

Предполагавшаяся дата стены V в. н. э. подтвердилась: под песком на небольшом специально исследованном участке найдены фрагменты чернолакового сосуда V в. до н. э. и ножка амфоры V в. до н. э. (стена была сооружена не раньше V в. до н. э., возможно в конце V в. до н. э., а в IV в. до н. э. была уже разобрана).

Очевидно, с включением в Боспорское государство племен, соседних Фанагории, укрепления на юго-восточной окраине города оказались ненужными. Вдоль остатков основания стены обнаружено продолжение городской свалки с огромным количеством фрагментов керамики V и IV вв. до н. э. и отдельными предметами VI в. до н. э. В ней найдены фрагменты амфор V и IV вв. до н. э., расписных аттических краснофигурных ваз V и IV вв. до н. э., среди них маленькая чаша с изображением Эрота на коне и пальметтой конца V в. до н. э. (рис. 48, *1*), край рыбного блюда, украшенный овами второй половины V в. до н. э. (рис. 48, *2*), дно рыбного блюда второй половины V в. до н. э., обломок чашечки IV в. до н. э. с краснофигурными пальметтами и штампованным орнаментом на дне, стенка сетчатого лекифа конца V в. до н. э., фрагменты чернолаковых киликов и канфаров IV в. до н. э., простых тонкостенных чаш, кастрюль, рыбных блюд и др., маленькая тарелочка с двумя плоскими крошечными ручками, обломки простых открытых светильников V в. до н. э., ножка архаической амфоры из темно-серой глины.

Все больше выясняется интенсивная жизнь на юго-восточной окраине Фанагории от V в. до н. э. до самого конца существования античного города. От первых веков н. э. здесь открыты обжигательные печи, но особое развитие производственный район получил в IV в. н. э.— здесь стояли огромные обжигательные печи, а поблизости, очевидно, жили и мастера керамических изделий.

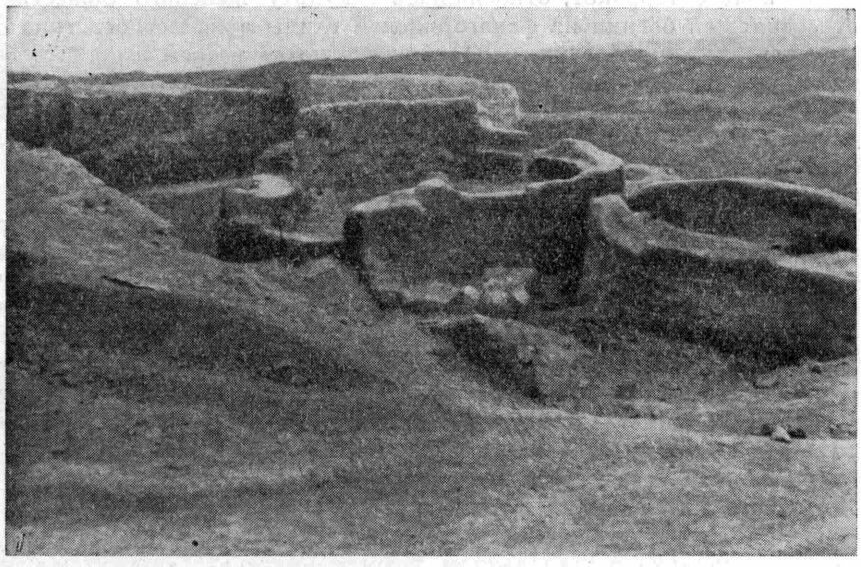
Все сооружения на исследуемом участке городища погибли в результате какой-то катастрофы, имевшей место во второй половине IV в. н. э., вероятно, вследствие нашествия гуннов. Самыми поздними находками здесь являются обломки краснолаковых блюд второй половины IV в. н. э. и стеклянных сосудов с синими глазками.

---

[11] Такая же терракота найдена на береговом раскопе (М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 129).

[12] Там же, стр. 132—134, рис. 3, *6*.

[13] М. М. Кобылина. Исследования Фанагории в 1959—1960 гг. и 1962 г. СА, 1963, № 4, стр. 132, рис. 3.



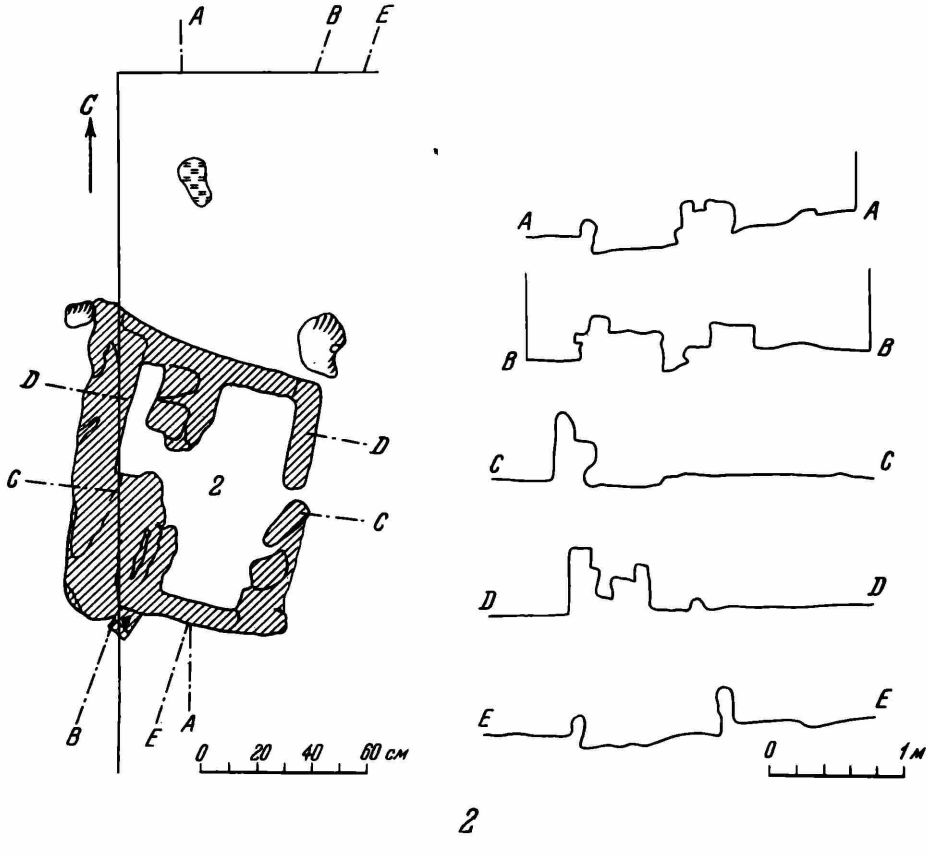


Рис. 49. Фанагория:

1 — керамические обжигательные печи IV в.; *2* — печь в жилище III в. н. э. Юго-западная окраина Фанагории. Раскопки 1962 г.

В последующее время территория «Керамика» была могильником-кладбищем. Здесь раскопано десять погребений, находившихся очень близко от поверхности, ориентированных головой на запад, северо-запад или северо-восток. В одном из них, совершенно разрушенном, стояли два сосудика — разбитый лепной горшочек и низкий лощеный сосуд с плоским широким дном и коротким узким горлом, по определению С. Плетневой, салтово-маяцкого типа VIII в. н. э.

Иную картину в III—IV вв. представляла юго-западная окраина Фанагории. Небольшие работы производились здесь в 1962 г.[14] Выяснилось, что в позднеантичный период здесь находились глинобитные жилища, стены их не всегда имели каменное основание. Сохранились остатки такого дома III в. с глинобитным полом, обвалившимися глинобитными стенами, от перекрытия остался пласт слежавшейся камки толщиною до 3 см; в этом помещении обнаружена печь (рис. 49, 2), заглубленная в глинобитный пол (длина 1,10 м) четырехугольная в плане с тремя выступами, отходящими от середины северной, западной и восточной стенок печи для установки жаровни. Высота сохранившейся стенки печи равна 0,44 м.

Около печи (на расстоянии 0,60 м к северо-востоку от нее) обнаружена хозяйственная небольшая яма (диаметр внизу — 0,55 м, вверху — 0,70 м, глубина 0,47 м). В яме найдена монета III в., лепной светильник (рис. 49,*1*). и обломки зеленоватого стекла[15].

Жизнь на юго-западной окраине Фанагории прекратилась так же, как и на юго-восточной, во второй половине IV в. К западу от остатков жилищ IV в. н. э. открыта огромная свалка глубиной до 4 м, вероятно, связанная с очисткой города после гуннского разгрома. Она датируется фрагментами стеклянных сосудов с синими глазками[16].

---

[14] М. М. Кобылина. Исследования Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг., стр. 131, 132.

[15] М. Кобылина. Раскопки Фанагории в 1962 г. (Архив ИА Р—I, 2490, стр. 8—13).

[16] М. Кобылина. Исследования Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг., стр. 131.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

А. К. КОРОВИНА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ в 1964 г.[1]

В 1964 г. проводилось исследование восточной части Фанагорийского некрополя; здесь открыто 198 могил на площади свыше 1000 м². Основные работы проходили на двух участках.

Раскоп II находился в 300 м к востоку от городища[2]. На этом участке открыто 131 могил, датируемых в пределах III в. до н. э.— IV в. н. э.; к концу III — началу I в. до н. э. относятся 32 могилы, к I в. до н. э.— I в. н. э.— 30 могил; к I—II вв. н. э.— 18 могил, к III—IV вв. н. э.— 11 могил. Дата остальных 40 могил не установлена из-за отсутствия инвентаря и датирующих находок.

Все погребения эллинистического времени совершены по обряду трупоположения, преобладает восточная ориентация (в 15 могилах), но встречается южная (2 могилы), северная (2) и западная (3 могилы). Из 32 могил 16 — детских, шесть из них — в амфорах, (преимущественно в родосских). Наиболее интересными погребениями являются захоронения в каменных ящиках, которые впервые нами встречены в некрополях, где хоронили рядовых жителей Фанагории. К ним относится могила № 153, которая представляла собой два больших каменных ящика, поставленных вплотную друг к другу с перегородками внутри каждого, т. е. все монументальное сооружение имело четыре отделения. Все погребения оказались ограбленными, по сероглиняному флакону сильно вытянутый веретенообразной формы[3] и кувшинчикову светильнику[4], это погребальное сооружение датируется поздним эллинизмом. В 3,22 м к востоку от могилы 153 открыто квадратное каменное сооружение, размером 1,12×0,96 м, которое, возможно, относится к вышеописанному погребальному сооружению, являясь его жертвенным столом[5].

Следует остановиться еще на одном погребении в каменном ящике — могила № 47. Погребальное сооружение было вторично использовано для захоронения в первые века н. э. В нем открыто погребение со стеклянным бальзамарием, ориентированное головой на запад. Сам ящик стоял на слое горелой земли, толщина которого достигала 5—8 см. Этот горелый участок

---

[1] Раскопки некрополя проводились Фанагорийской археологической экспедицией ИА АН СССР и ГМИИ.

[2] Раскопом I назван участок наблюдений при строительстве дороги, где не было обнаружено погребений.

[3] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. XVIII, рис. табл. XVIII.

[4] О. Ф. Вальдгауэр. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, стр. 26, табл. 81, 84.

[5] На Тамани жертвенники не раз встречались в подкурганных захоронениях, например в Б. Близнице, Васюринских курганах (Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в Боспорских курганах. СА, XIV, 1950, стр. 124—138).

распространялся далеко за пределы каменного ящика, который был воздвигнут на кострище, что напоминает нам обряд кремации в эллинистических курганах Фанагории (раскопки 1960 г.), где на месте сожжения умершего были построены каменные гробницы [6]. Возможно, и рассматриваемый каменный ящик сооружен на месте кострища, а позднее использован для захоронения.

Погребальный инвентарь эллинистических могил представлен в основном посудой, бусами, бронзовыми украшениями. Среди посуды имеется привозная, например мегарские чаши делосского и малоазийского происхождения, сероглиняные кувшинчики (могилы 6 и 15), покрытые тусклым черным лаком, очень четких форм, повторяющие форму металлической посуды [7], но количественно преобладает керамика, изготовленная в Фанагорийских мастерских: пелики и леканы [8], часто с росписью черной краской (могила 148), кувшины, миски и веретенообразной формы флаконы. Бусы сердоликовые, лигнитовые и просто стеклянные с глазчатым орнаментом, овальные и сферические характерны для эллинистического времени [9]. Большой интерес представляют две костяные подвески в виде голубков (могила 90). По форме и размерам они напоминают голубков из золотых сережек, найденных в гробнице Васюринского кургана, что позволяет датировать подвески II в. до н. э.

К I в. до н. э.— I в. н. э. относится 30 могил; среди них восемь — детских, один погребенный был кремирован. В это время еще преобладает восточная ориентация (семь погребенных лежат головой на восток и шесть — с отклонениями к северу и югу), в некоторых могилах положение костяков скорченное (могила 19). Посуда ставилась, как и в могилах предыдущего периода, в головах и ногах. Исчезают так называемые акварельные пелики и леканы, появляются узкогорлые кувшины с росписью белой краской по красному ангобу в виде горизонтальных полос и спускающихся по горлу гирлянд (рис. 50, *1*). Краснолаковые двуручные сосуды с вертикальным бортиком типичны для этого времени (рис. 50, *3*). Часто встречаются фибулы.

Интересна могила № 50, в которой погребенный был положен головой на запад, на спине с подвернутой вправо головой, правая рука согнута в локте и как бы прижата к лицу. В руке был, очевидно, кошелек с семью монетами, вышитый бисером (монеты расположены на пятне коричневого тлена, среди которого много бисера) или мешочек, заколотый фибулой — здесь же лежала бронзовая фибула с подвязным приемником и бронзовый браслет с завязанными концами. Монеты (пять — датируются 12—8 гг. до н. э.; две — 40-ми гг. н. э., по определению К. В. Голенко) подтверждают дату фибулы и браслета и дают возможность отнести погребение к I в. н. э. Форму могильной ямы проследить не удалось. Погребение перекрыто слоем материковой глины, что позволяет предположить, что это обрушенная подбойная могила.

Погребений I—II вв. на 2-м участке обнаружено 18. Для погребений этого времени характерно изменение ориентации — уменьшение восточной и увеличение количества погребенных, ориентированных головой на север, запад и юг, иногда с перекрещенными в ступнях ногами. В погребальном инвентаре почти отсутствуют монеты, увеличивается количество стеклянных сосудов и фибул. Фибулы этого времени представлены более усложненным типом с подвязным приемником, прутик которого создает своеобразный ор-

---

[6] М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1960 г. Архив ГМИИ им. Пушкина, стр. 52 и сл.

[7] Hesperia, 1934, vol. III, № 4, стр. 373, рис. 58.

[8] М. М. Кобылина. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории. МИА, № 19, 1948, стр. 245, рис. 34.

[9] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, стр. 32 (цветная табл.), стр. 48.

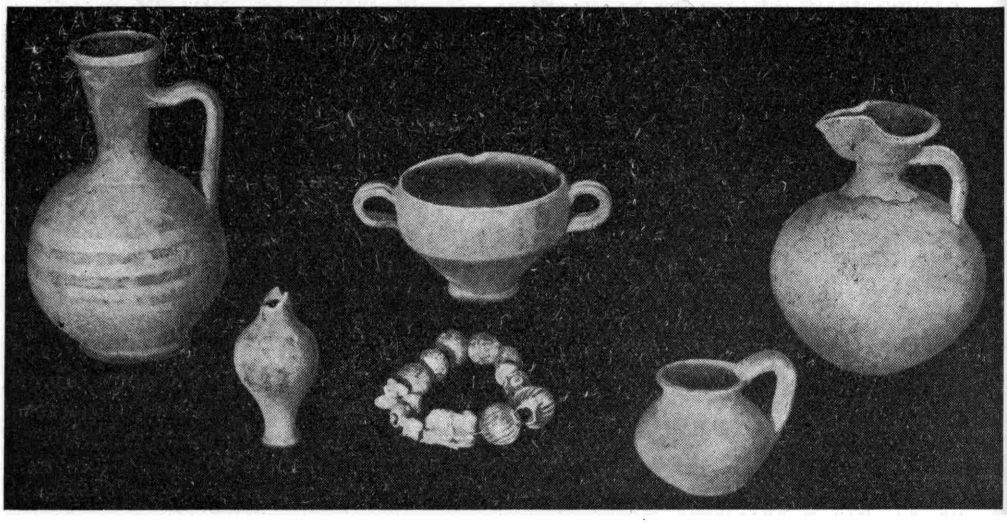


Рис. 50. Инвентарь могилы 49, I в. до н. э.:

1 — кувшин; *2* — флакон; *3* — чашка с двумя ручками; *4* — гуттос; *5* — ойнохоя; *6* — бусы и подвески

намент на щитке, и фибулами с расширенным щитком, покрытым пунсонным орнаментом. Все они находились на груди или плече, т. е. служили как застежки. Оружие обнаружено в трех могилах (29, 43, 151). Оно представлено мечами и кинжалами с брусковидными перекрестиями, характерными для оружия Прикубанья этого времени.

Изменение ориентации, характера погребального инвентаря, положения погребенного — явления, наблюдающиеся в некрополях Фанагории [10] и других городов Таманского полуострова этого времени (I—II вв. н. э.). Они свидетельствуют о появлении нового культурного уклада на Боспоре в связи с изменением этнического состава населения.

К III—IV вв. н. э. на II раскопе относятся 11 могил. Они отличаются от погребений предшествующего времени. В положении костяков преобладает северо-западная ориентация (погребений с северо-западной ориентацией семь, с северной — одно, с южной — два, с восточной — одно). Погребальный инвентарь резко отличается от погребального инвентаря предшествующего времени. Появились кувшины с зооморфными ручками, поверхность которых покрыта орнаментом, нанесенным лощением. В некоторых могилах найдены кувшины с петлеобразными ручками, по форме близкие к салтово-маяцким. В могилах этого времени нет фибул, но чаще встречаются пряжки — бронзовые с гранями на язычках и железные, оружие отсутствует.

Раскоп III расположен в 95 м к западу от раскопа II. В 1964 г. здесь вскрыта площадь в 275 м^2 и открыто 64 могилы, из которых 29 относятся к эллинистическому времени, 19 — к I в. до н. э.— I в. н. э. и лишь три могилы к I—III вв. н. э. Могил III—IV вв. не обнаружено. Характер погребального обряда для каждого хронологического периода тот же, что и на раскопе II, преобладает восточная ориентация в эллинистических погребениях, а в более поздних — западная, южная и северная; имеются случаи скорченного положения погребенных и с перекрещенными ступнями ног.

Все погребения совершены в простых грунтовых ямах, за исключением 59-го — в каменном ящике (рис. 51). Большинство погребенных лежали

---

[10] И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, № 57, 1956, стр. 117.

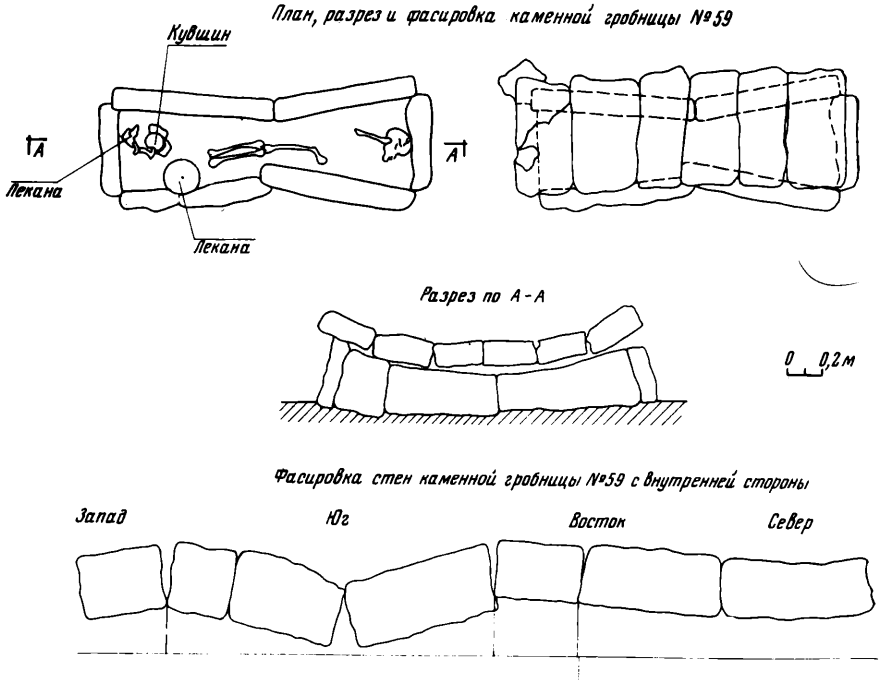


Рис. 51. План и разрез каменной гробницы 59

головой на восток (в 12 могилах) с небольшим отклонением к северу (в 4 могилах) или к югу (в 2 могилах). Детских погребений значительно меньше, чем на раскопе II (7 могил). Набор посуды в могилах тот же, что и в погребениях раскопа II. Это обычно два — четыре сосуда, поставленные в ногах или около головы: пелики, миски, леканы и кувшины фанагорийского производства, часто встречаются солонки и веретенообразной формы флаконы. Среди посуды имеется привозная из Родоса, Малой Азии и Аттики. Наиболее интересными из этих находок являются родосский лагинос и краснолаковое малоазийское блюдо II в. до н. э. (погребение 59) (рис. 52), а также канфар с орнаментом накладной глины и рельефными масками на ручках — тип керамики западного склона афинской агоры II в. до н. э. из погребения 90 [11].

В трех могилах найдены большие обломки черепицы, положенные как и в могилах других некрополей (см. раскоп II, а также склеп № 17, 1961 г. на Пересыпи) с боку погребенного (могилы № 69, 75, 83) [12]. Могила 176 покрыта тремя фанагорийскими черепицами.

Почти во всех могилах, кроме посуды, имелись различные украшения — браслеты, кольца, бусы, в одной из могил (189) на правом плече костяка находился серебряный медальон с изображением бюста женщины с двумя младенцами по сторонам. На оборотной стороне медальона следы от железной иглы, при помощи которой медальон пристегивался к одежде.

Для могил I в. до н. э.— I в. н. э. (19 могил), как и на раскопе II, характерны разнообразная ориентация, появление случаев положения умерших с перекрещенными в ступнях ногами (54, 97), положения рук на тазовых костях (могилы 53 и 73), т. е. появляются теновые черты в погребальном

[11] Hesperia, 1934, vol. III, рис. 5, A51; C. Watzinger. Vasenfunde aus Athen, Athenische Mitteilungen, 1901, XXVI, стр. 78 и сл.

[12] А. К. Коровина. Отчет о раскопках древней Тирамбы и ее некрополя в 1961 г. Архив ГМИИ, стр. 19.

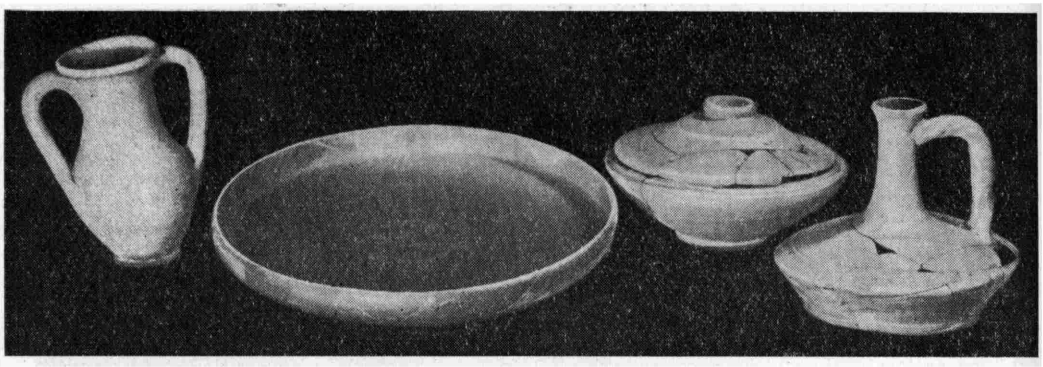


Рис. 52. Инвентарь могилы 59 II в. до н. э.:
1 — пелика; *2* — тарелка, покрытая коричневым лаком; *3* — миска с крышкой; *4* — лагинос родосский

обряде, которые свидетельствуют об этническом изменении состава населения, что установлено по материалам других некрополей Тамани [13]. Изменяется состав погребального инвентаря: исчезают пелики и леканы, появляются узкогорлые кувшины о орнаментом белой краской, фибулы (в могилах 53, 73, 94, 100, 182), стеклянные сосуды (могилы 95, 99, 182).

Вблизи от исследованного участка некрополя в откосе одного из холмов, прорезанного железнодорожным полотном, рабочими железной дороги обнаружены две краснофигурные пелики (разбитые). При исследовании этого места была открыта могила с двумя костяками на глубине 1,15 м от современной поверхности, лежащими на спине рядом, головой на восток. Северный костяк очень плохой сохранности. Около головы южного костяка находился арибаллический лекиф, вокруг шеи — обломки бронзовых проволочек

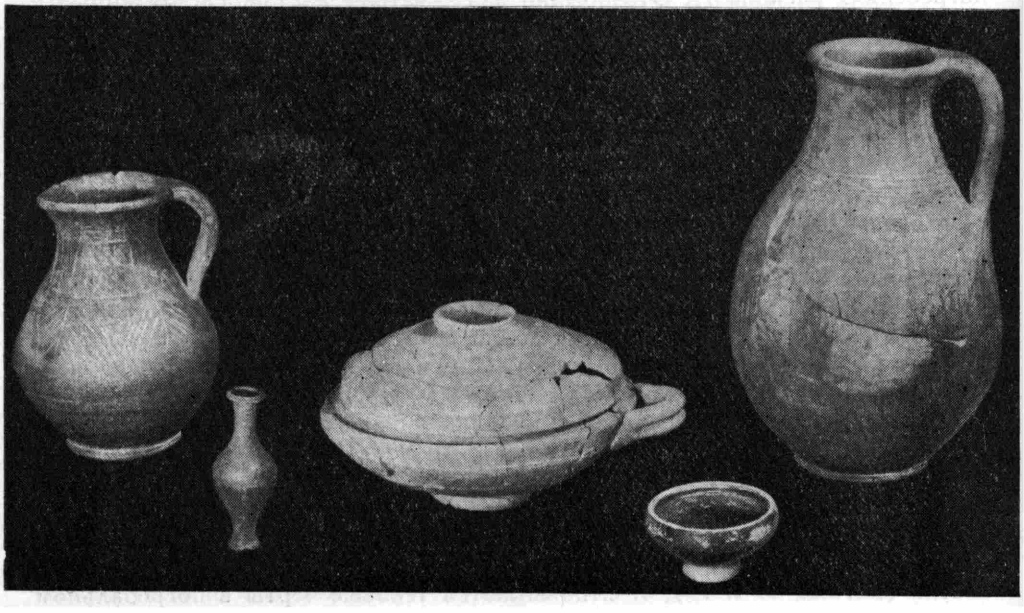


Рис. 53. Инвентарь из двойной каменной гробницы Западного некрополя II в. до н. э.:
1 — кувшин; *2* — флакон; *3* — легана; *4* — солонка чернолаковая; *5* — кувшин

[13] И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг.,

с позолотой от погребального венка, около челюсти — монета, у кисти левой руки — серебряный перстень с железной вставкой на щитке и железный нож. У черепа и шеи северного костяка найдены четыре бронзовые монеты, в правой руке — краснофигурный лекиф, на тазовых костях — еще один лекиф арибаллической формы, без лака и росписи, сделанный из фанагорийской глины, впервые найденный на Боспоре, подобный этому еще один лекиф был найден у грудной клетки. Весь погребальный инвентарь хорошо датирует могилу IV в. до н. э.

К западу от Фанагории доследовано три могилы. Две из них оказались совершенно разрушенными и ограбленными, а одна представляла собой двойной каменный ящик с захоронением мужчины и женщины. Это погребение обнаружено при выемки грунта скрепером для насыпи шоссейной дороги.

Южная половина каменного ящика была перекрыта черепицами, северная — каменными плитами, в восточной части гробница ограблена, костяки сохранились очень плохо, ориентированы головами на восток. В ногах женского погребения находились сероглиняный кувшин с лощением и елочным орнаментом, лекана с крышкой (фанагорийская) и чернолаковая солонка (рис. 53). В области черепа найдены четыре золотые бусины; лигнитовые и пастовые бусы и одна монета обнаружены у пояса.

Северное погребение, вероятно, мужское. Кроме кувшина и леканы с крышкой в ногах, в области головы был найден железный нож и бронзовая монета. Инвентарь обеих погребений позволяет считать их одновременными и датировать II в. до н. э.

Большой интерес представляют два сероглиняных кувшина с лощением по поверхности. Близкие аналогии обеим кувшинам можно видеть в некрополе Усть-Лабы, но процарапанный орнамент на одном из них встречен впервые. Возможно, подобный орнамент был характерен для керамики синдов.

Укладываясь в уже известные хронологические рамки Фанагорийского античного некрополя, материалы раскопок 1964 г. дополняют картину изменения погребального обряда во времени и этнического состава населения Азиатского Боспора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

Г. А. ЦВЕТАЕВА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ГОРГИППИИ в 1964 г.

В последние годы на территории античной Горгиппии возобновились раскопки некрополя[1]. В 1964 г. были проведены охранные раскопки в северо-восточной части некрополя.

На площади размером в 50 м^2 в 1964 г. было открыто 11 погребений. Могильные пятна не прослеживались, погребения встречены в слое с глубины 1,80 м.

В нарушенном слое над погребениями на глубине 1,70 м найдены три известняковых надгробия. Два из них антропоморфные обычного типа[2] высотой 0,63 м, третье — фрагментированное и имеет пирамидальную форму.

Погребение № 1. Могильная яма не прослеживается. Погребение разрушено, найдены только части ключицы и часть берцовой кости человека на глубине 1,70 м. Судя по расположению сохранившихся костей, ориентирован покойник был на восток. Слева от костяка у ключевой кости найден раздавленный землей чернолаковый килик IV в. до н. э. (рис. 54), одноручный кувшинчик красной глины высотой 0,14 м и кусочки распавшейся бронзовой проволочки.

По чернолаковому килику, имеющему на дне тисненый орнамент в виде пальметток, сложной форме тулова с профилированной тонкой и П-образной ручкой[3] погребение можно датировать IV в. до н. э.

Погребение № 2. Могильная яма не прослеживается. Погребение разрушено. Кости на глубине 1,90 м сильно истлели. Сохранилась часть берцовой кости. Костяк был ориентирован, по-видимому, на северо-восток. По концам могилы положены небольшие камни, в северной части — небольшой кусок перегнившего дерева. При зачистке дна могилы возле правой кисти найдена часть распавшегося бронзового перстня и вставка из голубовато-белого стекла с нечетким вдавленным изображением, по-видимому, женской головы (рис. 54, *2*). В ногах — нижняя часть простого глиняного флакона и часть бронзового перстня с плоским щитком, которые датируют погребение II—I в. до н. э.

Погребение № 3, также разрушено. На глубине 2 м обнаружены отдельные кости. Ориентирован покойник на юго-восток. Предметов инвентаря не найдено.

---

[1] И. Поздеева. Отчеты о раскопках некрополя Горгиппии в 1954—1956 гг. Архив ИА, Р—I, д. 1026, 1208, 1676; И. Т. Кругликова. Отчет о раскопках в Анапе в 1963 г. Архив ИА, Р—I, д. 2734.

[2] Л. И. Чуистова. Новые находки из некрополей Керченского полуострова. МИА, № 69, 1959, стр. 248, рис. 13; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961 г. табл. XXI, *1, 4*.

[3] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 47, 77, табл. VII, 77.

Рис. 54. Горгиппия. Находки из погребений:
1 — чернолаковый килик IV в. до н. э.; 2 — стеклянная вставка в перстень; 3 — краснолаковая мисочка; 4 — красноглиняный кувшинчик; 5 — лощеная пелика

Погребение № 4 совершенно разрушено и находится на глубине 2,85 м на материковой глине зеленовато-желтого цвета. Ориентирован костяк на северо-восток. Среди костей найдены одна бусина зеленоватого стекла продолговатой формы, край сосуда черного лощения, обломки бронзовой пластинки, бронзовый перстень простой формы с заходящими друг на друга концами.

Погребение № 5 также разрушено. На глубине 2,20—2,30 м обнаружено дно могильной ямы, вырытой в материковом грунте, размером 2,12 × 0,60 м. Сохранившаяся глубина 0,12 м. Дном ямы служит предскальный грунт желтого цвета и материковая скала. От скелета сохранилось несколько истлевших костей, челюсть, часть локтевой кости правой руки. Ориентирован костяк на северо-восток. В земле, заполняющей могилу, найдена разбитая неглубокая мисочка простой глины диаметром 6,5 см (рис. 54, 3). Слева от костей черепа фрагментированный бронзовый

браслет с утолщенными несомкнутыми концами. На браслете сохранились следы позолоты. Рядом — нижняя половина веретенообразного флакона. Справа от костей ног лежал железный меч длиной 0,82 м, совершенно перержавевший. Возле меча — часть бронзовой пряжки округлой формы. За костями черепа за пределами дна могильной ямы найдена бронзовая пряжка с язычком в виде летящей птички и обломки бронзовой иглы. По фрагментированному веретенообразному сосуду и мисочке погребение относится ко II—I вв. до н. э.

Погребение № 6 на глубине 1,90 ориентировано на восток. Могильная яма не прослеживается. Костяк лежал на спине с вытянутыми конечностями. Кисть левой руки находилась на бедре, правая вытянута вдоль таза. Череп раздавлен упавшей амфорой, которая, видимо, стояла у головы. Амфора из коричневой глины, раздавлена, с коротким горлом и ручками, отсутствует ее нижняя часть. По типу близка амфорам II—III вв.[4] В ногах лежал точильный камень.

Погребение № 7 на глубине 2,25 м. Могила прорублена в скале. Размеры могилы по ее дну — 1,80×0,50 м. Костяк лежит на спине с вытянутыми руками и ногами головой на восток. Длина его 1,62 м. Никаких вещей не найдено.

Погребение № 8 на глубине 2,30 м. Ориентирован костяк головой на юго-восток, лежит на спине с вытянутыми руками и ногами, длина его 1,60 м. Кроме черепа все кости хорошо сохранились, погребение женское. Очевидно в длину могильная яма была недостаточна, голова была втиснута, оказались совершенно повреждены челюсть и череп.

У кисти правой руки, лежащей под тазом, найдено несколько бусинок — одна трубчатая золотая и две небольшие черные лигнитовые. Возле ступни левой ноги стоял одноручный простой кувшинчик (рис. 54, *4*). На дне могилы найдены три небольшие гальки. Дном могилы служит твердый предскальный грунт желтого цвета. Длина могильной ямы 1,80 м, ширина 0,60 м. Глубина сохранившейся части 0,10 м. Погребение находится рядом с погребением № 6. Как и погребение № 6, оно относится к первым векам н. э.

Погребение № 9 разрушено. Находится оно на глубине 2,40 м. Могильная яма не прослеживается. Сохранились кости ног. Ориентирован покойник был на юго-восток. Слева от ног обнаружен раздавленный одноручный красноглиняный кувшинчик, высота его 17,5 см, диаметр устья 8 см.

Погребение № 10 разрушено. Костяк сохранился частично. Отсутствует череп, кисти рук, стопы ног. Покойник лежал на спине с вытянутыми руками головой на восток без инвентаря.

Погребение № 11 на глубине 2,70 м. Дно могилы прослежено в материковой глине зеленоватого цвета. Длина 2 м, ширина 0,40—0,55 м. Глубина сохранившейся части 0,10 м. В восточном углу над погребением (над изголовьем) на глубине 2,40 м была обнаружена верхняя половина каменного надгробия из известняка высотой 0,36 м, шириной 0,31 м, толщиной 0,70—0,11 м. Верх надгробия оформлен в виде фронтона с пальметтами, которые сохранились лишь в виде небольших выступов. Костяк лежал на спине с вытянутыми конечностями, головой на Восток. Вероятная длина костяка 1,60 м. Сохранность его плохая — был завален крупными обломками черепицы. Некоторые из них в изголовье и в ногах стояли вертикально на ребре. Возможно, что это был тип черепичной могилы.

Из предметов инвентаря найдены во рту бронзовая монета I в. до н. э., у ключицы — фибула I в. до н. э., справа от ног — веретенообразный сосуд серой глины длиной 22 см, под ним — два обломка от железного ножа. В ногах стояла раздавленная пелика (рис. 54, *5*), покрытая красным ло-

[4] И. Б. Зеест, Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. XX, 73*а*, *б*.

щением. Вверху на ручках вдавленные линии в основании ручек выступы, на тулове рельефный поясок и рельефный выступ. Отогнутый край и ножка сложного профиля. Красная обмазка на пелике сохранилась не везде, в немногих местах — с наружной и внутренней поверхности сосуда сохранились белые полосы. По форме она близка пеликам II в. до н. э.[5] Эта находка интересна как свидетельство местного производства данного типа сосудов во II—I вв. до н. э. Датируется погребение I в. до н. э. по фибуле и монете.

Все исследованные в 1964 г. погребения совершены, по-видимому, по греческому обряду с ориентировкой погребенного на восток или с отклонениями на юго-восток. К концу эллинизма относятся четыре погребения (№ 2, 3, 5, 11), к римскому времени II—III вв.— погребения № 6 и 8. Четыре погребения (№ 4, 7, 9, 10) не дают материалов для их хронологического определения.

Описанные погребения, как и прежде раскопанные в этой части некрополя, относятся к эпохе эллинизма и римскому времени. Прежде на этом месте, по-видимому, была городская свалка.

При раскопках 1964 г. впервые обнаружено погребение IV в. до н. э. в этом районе (№ 1). Это позволяет, во-первых, уточнить время возникновения исследуемой части некрополя и, во-вторых, датировать использование данного участка под городскую свалку не позднее IV в. до н. э., что уточняет топографию этой части Горгиппии.

---

[5] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 35, табл. III, 35, стр. 40.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

Т. М. СМИРНОВА

ПОСЕЛЕНИЕ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ БЛИЗ КЕРЧИ[1]

Поселение Либкнехтовка находится в 1,5 км восточнее деревни Либкнехтовка близ г. Керчи. Оно занимает вершину высокого холма с крутыми склонами.

Подъемный археологический материал (в основном стенки, ручки и ножки амфор) первых веков н. э. указывал на наличие поселения, а расположение его на холме позволяло предполагать, что это одно из укрепленных поселений римского времени, которые известны в этом районе.

Следов стен на поверхности обнаружено не было, возвышающиеся на северной и южной границах поселения холмы оказались зольниками. Площадь поселения во многих местах нарушена ямами, оставшимися от выборки камня, блиндажами и траншеями, поэтому решить вопрос об оборонительных сооружениях могут только раскопки.

Раскоп размером 75 м^2 был заложен в наиболее высокой части холма у его восточного края. Толщина культурного слоя 1—1,10 м. В центральной части раскопа на глубине 1 м частично сохранилась вымостка из плит известняка разной величины (0,75 × 0,65 м; 0,20 × 0,18 м и т. д.). Она находилась на материковом слое.

Вымостка сохранилась плохо. Ее юго-восточный и северо-восточный углы повреждены поздними ямами. У северо-восточного края вымостки на ее поверхности находились камни, которые, возможно, представляют собой остатки древней стены, а рядом с ними часть обуглившегося бревна диаметром 12 см. У северной границы вымостки обнаружены обломки пифоса и амфоры с большим количеством обгоревшего зерна ячменя и пшеницы. Остатки другого пифоса найдены восточнее на 2 м.

Вымостку перекрывал золистый слой с углями, обгоревшими костями и шлакированной керамикой. Все это говорит о сильном пожаре, в результате которого погибло сооружение.

На вымостке и перекрывающем ее слое найдены глиняное пирамидальное грузило с оттиснутой на его боковой плоскости бородкой ключа, костяные иглы для вязания сетей, гвозди железные, обломки сильно коррозированных неопределимых железных предметов, нижняя часть маленького лепного сосудика и много разнообразной керамики. Наибольшее число составляли обломки светлоглиняных амфор: двуствольные ручки, желудевидные ножки, горловины узкогорлых амфор и обломки дна плоскодоной амфоры[2].

---

[1] Работа проводилась Анапско-Керченской экспедицией под руководством И. Т. Кругликовой при участии автора.

[2] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. XXVII, XXVIII.

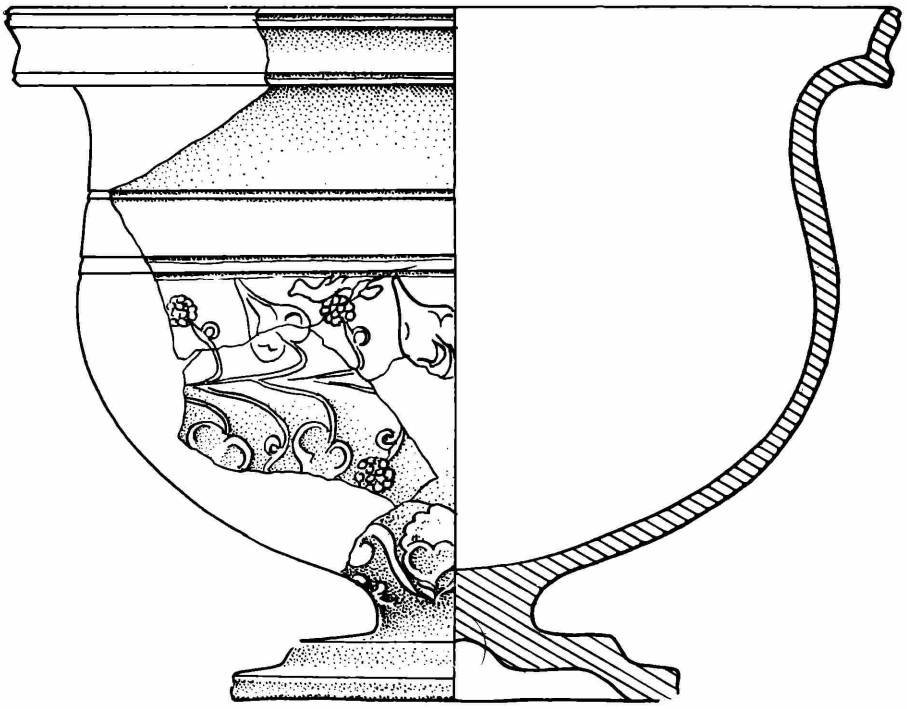


Рис. 55. Краснолаковый рельефный кубок (пропись и реконструкция)

Рис. 56. Краснолаковый рельефный кубок. Прорись орнамента

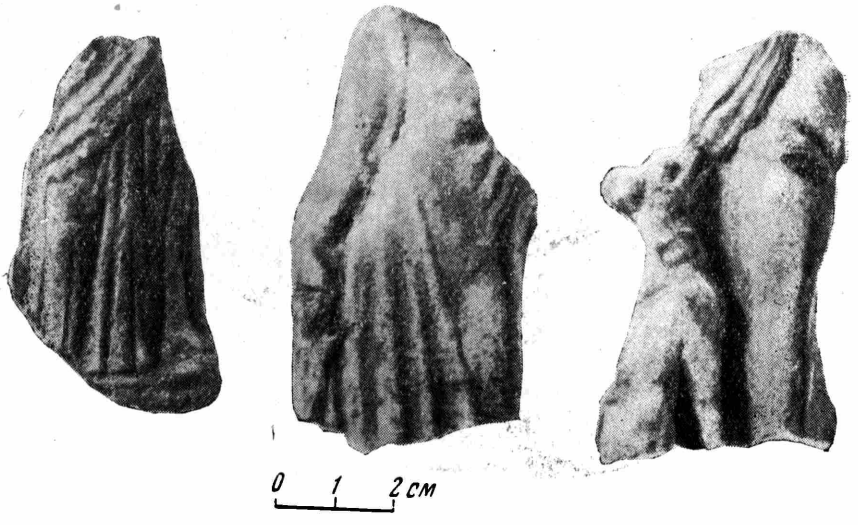


Рис. 57. Обломки терракотовых статуэток

Кроме амфорных обломков, найдены фрагменты краснолаковой посуды: горло флакона, обломки венчиков и днищ мисок, тарелок. Особый интерес представляют обломки краснолаковых рельефных кубков. Один такой кубок, покрытый оранжево-красным лаком, удалось восстановить (рис. 55, 56). Он имеет форму глубокой чаши (диаметр устья 19 см, высота 15 см) на низкой профилированной ножке. Венчик кубка отогнут наружу и плавно переходит в тулово, расширяющееся в средней части. На нижней половине тулова рельефный орнамент, он представляет собой ветки плюща с плодами и листьями. На ветках сидят птицы, а среди листьев у самого дна сосуда изображены танцующие амуры. Близкий кубок с рельефным орнаментом на профилированной ножке найден в некрополе Танаиса. Д. Б. Шелов датирует его I в. н. э.[3] Не исключено, что эти кубки воспроизводят форму, подобную серебряным кубкам из Гильдесгеймского клада I в. н. э.[4]

В слое также найдены обломки гончарной и лепной посуды: обломки мисок, кувшинов, лутериев ручек и крышек сосудов. Среди керамических находок можно отметить обломки черепицы (соленов), что позволяет предположить наличие на раскопанном участке остатков здания, к которому, видимо, относится описанная вымостка.

Светлоглиняные амфоры, найденные в слое пожара над вымосткой и на ней, позволяют датировать остатки сооружения I в. до н. э.— I в. н. э.[5] Остальная часть вскрытой раскопками площади оказалась нарушенной перекопами. Однако слой содержал большое количество находок. Помимо керамики I в. до н. э.— I в. н. э. в слое найдены обломки стенок реберчатых амфор, профилированных ручек амфор. Обломки горл амфор с желобчатыми венцами, обломки горловины и ручек амфор илуратского типа, датируемые II—III в. н. э., а также глиняное пирамидальное грузило, глиняное пряслице, точильные бруски, иглы для вязания сетей, мелкие обломки стеклянных сосудов и обломки терракотовых статуэток, в том числе часть терракотовой статуэтки, изображающей мальчика с собакой[6] (рис. 57) и обломки двух терракотовых статуэток, являвшиеся частью торса женской фигурки в хитоне.

Значительную часть находок в слое составляет гончарная и лепная керамика, миски разных размеров, кувшины, лутерии, горшки, тарелки, крышки от сосудов. Интерес представляет наполовину сохранившееся блюдо из серой глины с черным глянцевым покрытием и кругами из штрихов на дне. Находки из культурного слоя и, в особенности, амфорный материал указывают на длительное существование поселения, возникшего не позже I в. до н. э.— I в. н. э. и просуществовавшего, вероятно, до III в. н. э. Слой большого пожара с находками I в. до н. э.— I в. н. э., обнаруженный на поселении у дер. Либкнехтовка, позволяет предположить в жизни этого поселения какую-то катастрофу, подобно той, которую пережили одновременные ему сельские поселения Боспора[7].

---

[3] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, МИА, № 98, 1961, стр. 66.
[4] E. Pernice und F. Winter; Der Hildesheimer Silberfund. Berlin, 1901, tabl. XIII, XVI.
[5] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 109—110.
[6] По определению М. М. Кобылиной, ее можно датировать I в. н. э.
[7] И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок поселения у д. Семеновки. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 43.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 109 1967 год

В. Ф. ПЕТРУНЬ

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГРАФИИ СТРОИТЕЛЬНОГО КАМНЯ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ[1]

Античные города-государства и связанные с ними поселения на территории Северного Причерноморья переживали периоды расцвета и упадка, неоднократно отстраивались и перестраивались. Однако строительный камень — достаточно специфическая категория остатков материальной культуры, едва ли не наиболее значительная по количеству и мало пострадавшая от разрушительного действия времени, до сих пор остается не изученным. В археологических работах, посвященных полисам Северного Понта, помимо местных известняков, в лучшем случае упоминаются неопределенные «голыши» и «булыжники», в том числе, правда, также привозные[2], экзотические. Даже тщательно фиксируемый при раскопках мрамор обычно описывается археологами без указания, например кальцитового или доломитового, хотя обе разновидности встречаются в кладках Ольвии, Тиры, Нимфея и других городов Понта.

Между тем петрографический анализ камня античных сооружений, в том числе привозного, экзотического, важен для выяснения источников строительного материала в каждом конкретном случае учета изменения во времени приемов строительной техники уточнения направлений определенных морских путей, связывавших между собой различные города Северного Причерноморья, для правильной оценки физико-механических качеств местных сортов камня[3].

В процессе опытных археолого-петрографических исследований, поставленных летом 1962 г. на территории Ольвии[4], впервые удалось установить характер распределения в разновозрастных кладках раскопок довольно многочисленных привозных, чуждых для района осадочных, магматических и метаморфических пород (от 2 до 5 и даже до 10% — на пляже ли-

---

[1] Доклад, прочитанный 28 февраля 1963 г. на секционном заседании Всесоюзного совещания Института археологии АН СССР по применению в археологии методов исследования естественных и точных наук.

[2] Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 55.

[3] В. Ф. Петрунь. О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березани. СА, 1964, № 3, стр. 296.

[4] Геология окрестностей Ольвии (так же, впрочем, как Тиры, Танаиса и некоторых других древнегреческих городов Северного Причерноморья) отличается предельной простотой. Местные неогеновые известняки и песчаники легко диагностируются в кладках и в то же время резко отличаются по облику от подавляющего большинства привозных пород, что облегчает фиксацию последних. Комплекс строительных горных пород Ольвии можно считать эталонным для античных поселений района Днепровско-Бугского лимана. Всего здесь было осмотрено и определено свыше 50 тыс. образцов камня, хронологически они охватывают достаточно большой интервал времени и отражают в своем составе известные изменения в строительных приемах разных эпох.

мана к северу от балки Северной, например). Систематической работе с материалом из раскопок предшествует геологическая экскурсия в ближайших окрестностях объекта, для ознакомления с литологическими особенностями пород разреза, включая сюда первичные и вторичные структурно-текстурные признаки, фациальные переходы и т. п. В Ольвии, например, пересмотр береговых обнажений в районе косы Волошской установил многократную сменяемость понтических оолитовых известняков ракушечно-детритовыми и, наоборот, чередование почти рыхлых разностей с более прочными, плитчатыми, перекристаллизованными (все эти типы камня известны на городище). Хотя мелкозернистые детритовые известняки верхнесарматского возраста, так же широко применявшиеся ольвиополитами, в настоящий момент выходят из-под уреза лимана только в районе с. Козырки, их очень пологое падение и пластообразная форма не оставляют сомнения в том, что в период расцвета Ольвии они обнажались значительно южнее вследствие более низкого уровня воды в устье Борисфена. Это обстоятельство необходимо учитывать, например, при решении вопроса о местоположении античных ломок верхнесарматских известняков — они не обязательно должны локализоваться в районе сел Малая и Большая Коренниха или к западу от с. Парутино, но могут располагаться и к югу от с. Козырки на ныне затопленных участках побережья лимана.

Даже такой признак, как окраска камня в обнажении, играет известную роль. Если для Ольвии, Танаиса, Тиры и античного поселения у с. Роксоланы присутствие единичных покрасневших кусков местного известняка в стенах может служить доказательством использования камня из ранее сгоревших сооружений[5], то для синхронных городищ у поселка Чайка под Евпаторией или у с. Поповки, где так же широко использовался внешне достаточно похожий неогеновый известняк, подобный вывод оказывается уже не всегда справедливым. В отличие от известняков окрестностей Танаиса, Ольвии или Тиры карбонатные породы Евпаторийского плато и Тарханкутского полуострова, нередко залегающие у самой поверхности, в конце плиоцена и начале антропогена подверглись специфическому поверхностному изменению, обусловившему их покраснение (правда, преимущественно вдоль всякого рода трещин и пустот выщелачивания) еще в массиве[6]. После фиксации главных типов местного и всех разновидностей привозного камня производится простейшее определение структуры, текстуры, минерального состава камня (с помощью лупы, реакции с HCl и эталонов твердости), записывается ориентировочное название породы, а в случае необходимости — признаки вторичного изменения: прочность, размеры, морфология (галька, валун, угловатый обломок, плита, выколотая по отдельности, глыба случайной формы и т. д.). Отмечаются особенности, указывающие на условия образования и дальнейшего изменения породы — следы интенсивного окремнения или закарстования пелитоморфных известняков, вихревая косослоистость или иероглифы флишоидных песчаников Ольвии, размеры вкрапленников авгита в порфиритах, состав обломков лаво- и туфобрекчий, наличие силикатов в мраморах и т. д. В Ольвии, например, был отмечен кусок привозной интрузивной породы с мелкими зернами иризирующего голубого полевого шпата — лунного камня (материал, использовавшийся в глиптике римского времени, месторождений которого однако мы сейчас не знаем), в Нимфее — обломок неокатан-

[5] Значительное количество покрасневших блоков известняка (наряду с экзотическими породами) в стенах средневековой турецкой крепости в Белгороде — Днестровском доказывает, что при ее сооружении широко использовался камень кладок древней Тиры, который, в отличие от оолитового известняка Ольвии, после слабого обжига не теряет прочности.

[6] И. Н. Гладцин и Н. Н. Дзенс-Литовская. Terra rossa (красная земля) Тарханкутского полуострова. «Очерки по физической географии Крыма», вып. I. Л., 1938, стр. 5—7, 17—54; сб. «К методике геологической съемки при поисках и разведках месторождений полезных ископаемых». М., 1955.

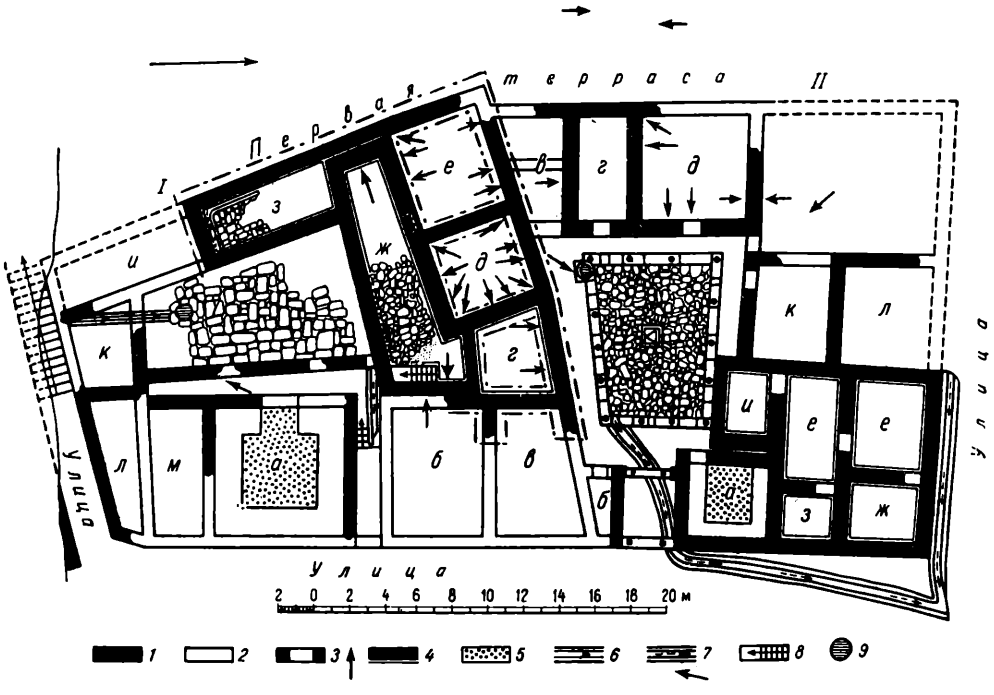


Рис. 58. Ольвия. План жилого квартала эллинистического времени в Нижнем городе. Штрих-пунктирная линия — часть маршрута осмотра. Мелкие стрелки указывают точки залегания в кладках экзотического камня

ного крупнокристаллического кальцитового сталактита того типа, который известен в пещерах крымских яйл. В поле выявляются особенности распределения привозных пород не только в различных кварталах полиса, но даже в соседних помещениях одного здания. Экзотический камень, например, обилен в кладках наземных помещений «Д» и «Е» дома I нижнего города Ольвии (рис. 58), что заставляет считать эти комнаты своеобразным наиболее ранним «ядром» всей усадьбы. Состав экзотического камня[7] не оставляет сомнений, что стены этих помещений сооружались людьми, в распоряжении которых оказался каменный балласт судов, незадолго перед этим побывавших не только в Южном Понте, но и на островах Эллады (мраморы различного типа).

Фиксируется сходство однотипных привозных пород (по цвету, структуре, минеральному составу и другим признакам) или, наоборот, их отличие. В старых раскопах, которые по нескольку десятков лет стоят под открытым небом (например, в нижнем городе Ольвии, в Нимфее и т. д.), карбонатные породы, как местные, так и привозные, с поверхности нередко покрываются плотной серой коркой, которая маскирует их текстуру и окраску. С целью ускорения просмотра подобных невыразительных пород, как и в горно-геологической практике, по каждому из камней стенки кайлоподобным концом геологического молотка наносится слабый удар. Не разрушая поверхности камня, он по характеру звука и «отдачи» позволяет решить, местный ли это известняк (глухой звук и слабая отдача) или привозной (соответственно более звонкий звук и заметная отдача). В условиях Ольвии подобный прием обеспечивает абсолютную достоверность

[7] Здесь отмечены в 1962 г. различные мраморы (21 образец), пестроцветные туффиты и розовые мергелистые сланцеватые известняки (по 12 образцов), серый пелитоморфный известняк и плагиоклазовый порфирит (по 10 образцов), флишевый песчаник (7 образцов), пироксеновый порфирит, сланцы и т. п.

определения, но при исследовании кладок городов Боспора следует иметь в виду, что мшанковые известняки Керченского полуострова в зависимости от текстуры, характера перекристаллизации или степени доломитизации могут давать разную отдачу, нередко резко отличную от отдачи ракушечников.

При осмотре валунов магматических пород, обычно покрытых тонкой коркой окатывания, которая затрудняет определение минерального состава и структуры, можно избежать ненужного и достаточно трудоемкого раскалывания повторяющихся образцов, смачивая поверхность камня водой. Именно благодаря такому приему удалось убедиться, что подавляющая масса «булыжников» обочины главной улицы Ольвии, открытой еще Б. В. Фармаковским, представлена привозными диоритами и габбро-диоритами [8], которые были специально с этой целью доставлены сюда издалека (это даже не крымские породы, хотя на южном берегу полуострова известны прекрасные естественные морские гранильни, материал которых по размерам и форме близок описываемому). Поштучный подсчет [9] местного и привозного камня в кладках стен позволяет сравнивать между собой не только разновременные кварталы или здания одного какого-либо объекта, но и городища в целом. В Ольвии, например, поздние (римского времени) сооружения содержат в среднем 1,5% привозных пород, а эллинистические — 3%. Состав экзотической примеси в зданиях римского времени в общем тот же, что и эллинистического, но куски, как правило, более крупные, равномернее распределенные (этот камень извлекался из развалин эллинистических сооружений, но мелкие обломки эффузивов, флишевых песчаников, туфов при этом оставлялись на месте). Сходную картину обнаруживают уцелевшие стены Тиры, где помимо этого в кладках римского времени отмечается четырехкратное по сравнению с эллинистическими увеличение содержания покрасневших (обожженных) штуфов. Осмотр достаточно хорошо сохранившихся строительных остатков городища у с. Козырки [10], которое в I—IV вв. н. э. было экономически и культурно тесно связано с Ольвией, показал, что нам на 45 тыс. кусков местного, довольно мелкого строительного камня приходится всего до десятка кусков привозных пород (песчаник, порфирит, кремень, метабрекчия), в том числе фрагмент куранта из бурого палеогенового кварцитовидного песчаника (помещение № 5, южная комната) того типа, который обнажается значительно северней. Нет экзотических пород и на пляже лимана под городищем. По-видимому, в период существования здесь поселения корабли или не останавливались в этом месте, или, если и причаливали, то ненадолго и без выгрузки избыточного балласта. Зато в районе Ольвии к северу от устья балки Северный пляж и дно лимана до глубины 1 м от поверхности содержат до 10% привозных пород. Это результат их большей механической прочности по сравнению с местными известняками (постоянная примесь экзотических пород отмечена также на пляжах античных поселений Днестровского лимана, единичные обломки и гальки типичны для современной береговой полосы в районе городов Боспора) и возможно также доказательство, что именно такие породы сознательно использовались в сооружениях ныне затопленной гавани Ольвии. Вопрос же о происхождении крупных обработанных глыб в районе предполагаемой пристани

[8] В информационной статье Б. А. Колчина, О. Ю. Круг и Е. Н. Черных (Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 340) эти породы неверно названы габбро-норитами, что искажает смысл так же, как замена слова «штуфы» в кладках римского времени на слово «туфы», за что автор не может нести ответственности.

[9] Учитывается только число образцов, независимо от их размеров; соотношения объемов, разумеется, будут иными, особенно при сравнении камня сооружений различного назначения,— каждый из больших квадров, например оборонительной стены Ольвии, в десятки раз крупнее штук пильного известняка из гражданских сооружений.

[10] А. В. Бураков. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії. АП, т. XI, 1962, стр. 49.

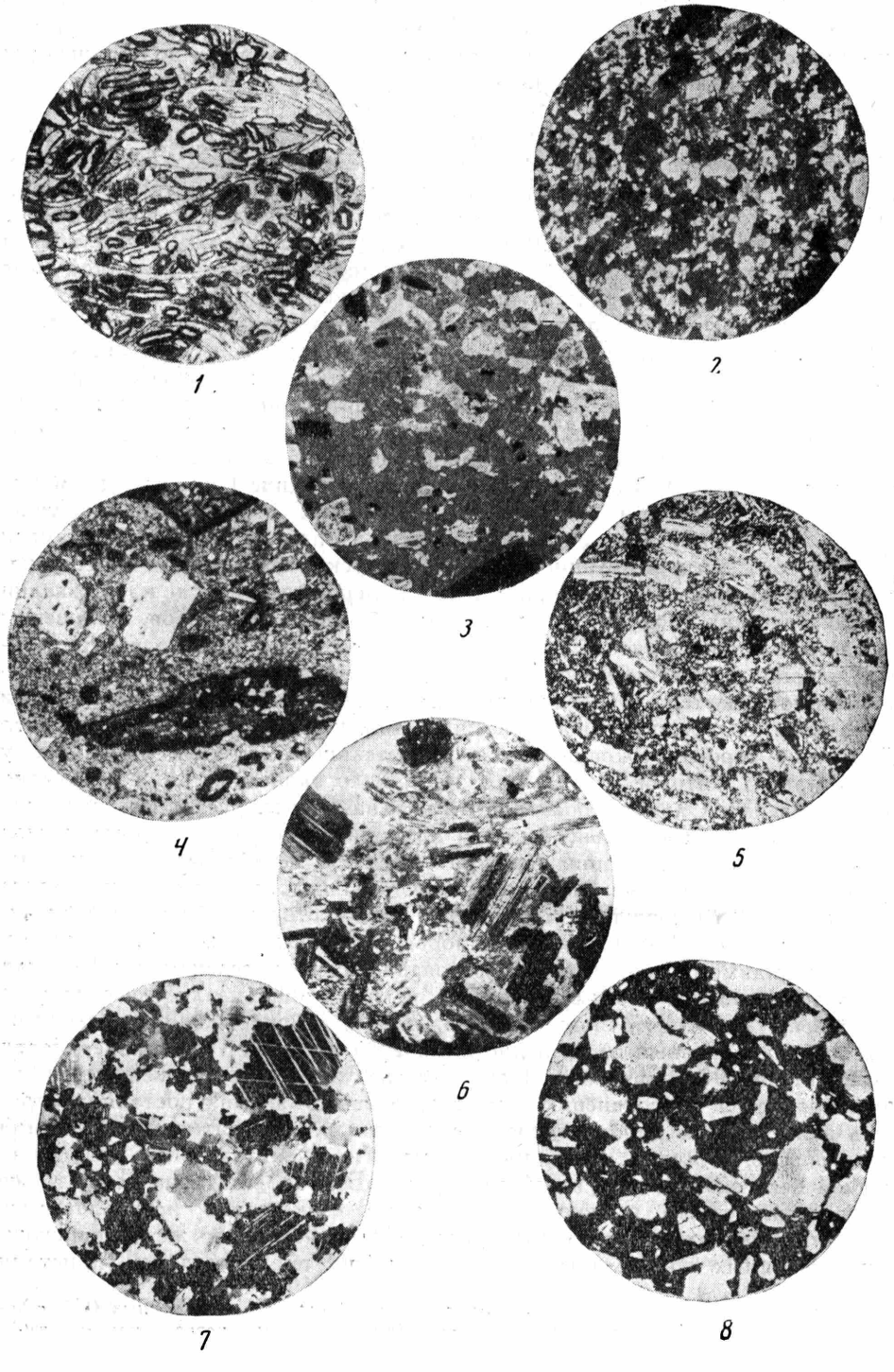


Рис. 59. Микроструктуры некоторых типичных пород Ольвии (прозрачные шлифы, проходящий свет, восьмикратное увеличение):

1 — местный оолито-ракушечный известняк; *2* — туфогенный песчаник (николи скрещены); *3* — пироксено-роговообманковый андезит; *4* — «шероховатый» светло-коричневый биотитовый дацит; *5* — пористая лава полифирового андезита (обломки зернотерки И-86); *6* — кварцсодержащий роговообманковый диорит (николи скрещены) из крупного валуна типа Главной улицы; *7* — кальцитовый мрамор (николи скрещены); *8* — пористая базальтовая лава (обломок зернотерки И-87)

Ольвии, присутствие которых подтвердили и подводные работы [11], не может считаться окончательно решенным. Без проверки петрографического состава плит вывод об искусственной обработке следует считать преждевременным. Не исключена возможность, что это древний элювиальный, позднее затопленный развал тех плиоценовых песчаников-гравелитов разреза, чья толстоплитчатая отдельность была по достоинству оценена ольвиополитами еще в древности (ими вымащивались дворики, например, в доме III—II вв. до н. э. в северной части верхней террасы участка *И*),

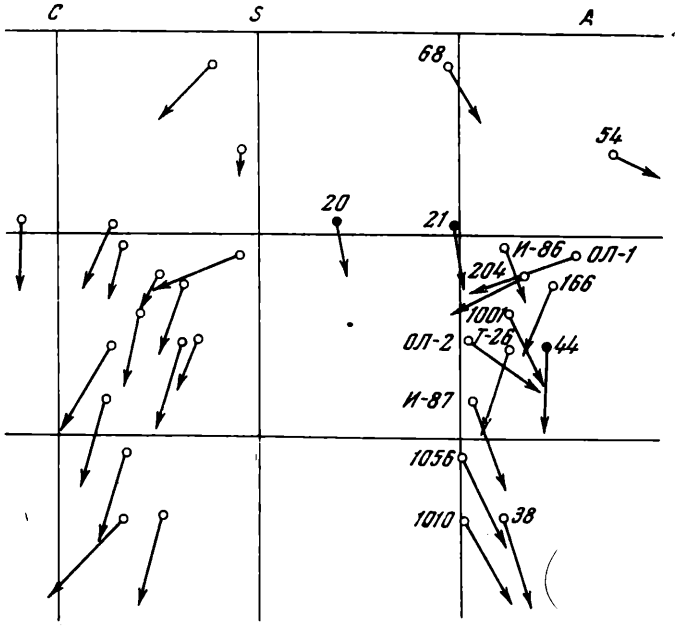


Рис. 60. Проекция состава экзотических пород античных городов Северного Причерноморья (см. табл. 2) и эффузивов горы Кара-Даг в Крыму:

20 — андезито-базальт; *21* — андезит; *31* — оксипорфирит; *38* — спилит; *44* — кератоспилитовый порфирит; *54* — оксикератофир; *68* — трасс

и заметное скопление глыб которых образует небольшой мысок ниже по течению устья балки Северной.

Камеральная обработка полевых материалов с привлечением таких методов, как микроскопический (с изучением шлифов и иммерсионных препаратов), термический, рентгеноструктурный (в частности, например, для решения вопроса о происхождении реальгара в Ольвии), люминесцентный, петрохимический позволяют не только уточнить полевые определения названий пород и минералов, уточнить структуры и выяснить характер вторичных изменений, что принципиально важно, но также сделать некоторые общие заключения. Так, например, изучение состава пироксенов в авгит-диопсидовых порфиритах и туфах Ольвии позволило решить вопрос о природе черного отощителя в тесте амфор синопско-гераклейского типа. Эффузивы подобного состава, обнажающиеся на черноморском побережье между Сухуми и Синопой, а частично и западнее, в результате выветривания легко разрушаются с образованием пироксеновых песков того же типа, что и в других вулканических районах южной Европы [12]. Поскольку на

[11] В. Д. Блаватский. Подводные разведки в Ольвии. СА, 1962, № 3, стр. 230.
[12] G. L. Pederzolli. Su di una sabbia a pirosseni dei dintorni di A'ezzano (I'Aquila). ATSN, A65, № 1, 1959, стр. 17.

черноморском побережье, в том числе и в окрестностях Синопы, пляжи сложены преимущественно кварц-карбонатными (из обломочков створок моллюсков) псаммитами, использование, начиная с III в. до н. э., в гончарной практике Южного Понта пироксеновых песков следует рассматривать как определенное технологическое достижение. Действительно, кальцитовые и арагонитовые песчинки легко разлагаются в интервале температур 900—1200° Ц, снижая этим самым механическую прочность и водонепроницаемость готовых керамических изделий, обжигавшихся при таком нагреве. Примесь же пироксенового песка позволяла в этих условиях не только избегать брака (диопсид не плавится до температуры 1390° Ц), но вместе с тем обеспечивала по-своему своеобразный облик поверхности керамической тары Синопы и Гераклеи Понтийской.

Как известно, горные породы могут быть полностью охарактеризованы по минеральному составу, отражающему химизм процесса их образования, и по структурам (рис. 59). Информационный характер статьи не позволяет подробно остановиться на минералогических доказательствах анатолийского или эгейского происхождения большинства привозных пород Ольвии или Тиры. Но даже анализ наглядной диаграммы состава некоторых пород (рис. 60), рассчитанный по методу А. Н. Заварицкого[13] (таблица 1), с вычетом части CaO, соединяемого с CO_2, показывает следующее.

Таблица 1

Химический состав экзотических эффузивных пород из Северного Понта

Окисел	ОЛ-1	ОЛ-2	166	И-86	И-87	1001	1056	Т-26	204	1010
SiO_2	62,16	60,34	58,00	5 ,58	53,35	57,16	53,80	49,30	57,80	49,30
TiO_2	0,30	0,36	0,44	0,76	0,63	0,42	0,62	0,54	0,52	0,60
Al_2O_3	17,10	17,25	17,10	18,30	19,00	17,50	17,00	19,00	19,60	17,20
Fe_2O_3	1,89	5 23	5,49	5,49	2,00	3,62	2,06	3,76	3,30	3,17
FeO	1,38	0,68	1,54	1,71	5,74	3,25	5,15	3,09	2,41	6,52
MnO	0,09	0 09	0,05	0,10	0,05	0,06	0,10	0,05	0,07	0,16
MgO	1,19	2,55	2,29	1,57	4,43	2,84	5,33	3,30	1,19	5,43
CaO	2,69	6,89	4,59	6,72	8,90	7,11	9,80	7,28	5,99	10,02
Na_2O	2,06	3 20	4,80	4,16	3,62	4,36	3,44	2,82	3 52	2,40
K_2O	7 40	2 12	2 32	1 58	1,51	1,68	1 20	3,63	3,32	3,12
H_2O^+	1,12	1,17	1,12	1,22	0,87	1 45	0 81	2 03	1 49	1,12
H_2O^-	0 27	0,14	0,96	0 59	—	0 85	0 20	2 97	0,55	0,55
P_2O_5	0 05	0,06	0 05	0,13	0 09	0 20	0,11	0,16	0,03	0,16
CO_2	1 46	0,15	1,17	0 58	0,27	0 37	0 33	1,46	1,61	0,22
	100 26	100,28	99,92	100 49	101 50	100 87	99 95	99,39	101,15	99,97

1. Эти эффузивы настолько отличны по химизму от наиболее свежих вулканитов Крыма, и в частности Кара-Дага[14], что предположение о их возможном крымском происхождении должно быть исключено.

2. Кайнотипные пористые лавы, применявшиеся для изготовления жерновов и зернотерок (фрагменты которых попадаются буквально на каждом поселении античного времени), имеют различный состав и происходят из разных точек Средиземноморья, где в прошлом существовали, по-видимому,

[13] А. Н. Заварицкий. Введение в петрохимию. М., 1944, стр. 83.

[14] В. И. Лебединский, Н. М. Макаров. Вулканизм Горного Крыма. Киев. 1962, стр. 90.

Таблица 2

Характеристики по А. Н. Заварицкому

Проба	Порода и место взятия	a	c	b	s	a′	f′	m′	c′	n	Q
ОЛ—1	Грахит. Валун. Ольвия	15,6	1,0	10,9	72,4	52,5	28,2	19,2	—	24,9	12,5
Ол—2	Дацит. Глыба. Ольвия	10,4	3,1	15,2	71,2	—	35,6	29,6	34,7	70,2	19,2
166	Трахиандезит. Ольвия	14,6	3,8	12,5	69,1	13,0	53,2	33,7	—	75,5	5,2
И—86	Лава андезита Ольвия	12,2	6,8	10,5	70,5	—	64,5	27,1	8,3	80,0	10,3
И—87	Лава базальта. Ольвия	10,5	7,9	18,2	63,3	—	40,7	42,6	16,6	78,5	—2,2
1001	Андезито-дацит. Ольвия	12,4	5,9	13,9	67,6	—	46,7	35,5	17,7	80,0	4,7
1056	Лава базальта. Херсонес	9,5	6,8	20,9	62,8	—	32,4	44,3	23,3	80,3	—0,7
Т—26	Палеолава (порфирит). Тира	12,4	7,3	15,7	64,7	14,3	45,1	40,5	—	60,2	—2,8
204	Лава андезито-дацита. Тира	13,2	5,0	12,0	69,8	36,5	45,5	17,9	—	61,	18,2
1010	Диабазовый порфирит. Остров Березань	10,2	6,8	24,3	58,8	—	38,4	39,3	22,3	54,1	—9,7

многочисленные каменоломни и мастерские, производившие эти орудия труда также «на экспорт». Порода 1056 была добыта, по-видимому, на Санторине, авгитовый базальт И-87 близок по химизму гиперстеновым андезитам с Эгины и особенно эмфиболовому андезиту с о. Нисирос, пироксеновый андезит И-86 по химизму близок некоторым породам островов Эгины, Лемноса и Санторин; андезито-дацит 204 резко отличается от перечисленных пород пересыщенностью алюминием и аналогий полных пока не находит, хотя и он все-таки скорее всего островной [15].

3. Не находят себе аналогий по химизму среди вулканических пород области Средиземного моря эффузивы Ол-1, Т-26, 166 (последний ярко-зеленой окраской несколько напоминает трассы Кара-Дага, но, как показывает сравнение проекций составов, относится к иному классу). По-видимому, это породы североанатолийского побережья, с которым ольвиополиты поддерживали регулярную связь. Оттуда же скорее всего происходят и особенно обильные в Ольвии полифировые светлоокрашенные «шероховатые» на ощупь амфиболо-биотитовые дациты, андезитодациты и их сваренные туфы (?) типа образцов ОЛ-2 и 101 (рис. 59, *4*).

---

[15] А. Н. Заварицкий. Указ. соч., стр. 286, 302—305; E. Devis. Die Jungvulkanischen Gesteine von Aegina, Methana und Poros und deren Stellung in Rahmen der Kukladenprovinz. Zürich, 1957, стр. 43, 45, 54; Она же. Die Vulkangesteine der Insel Lemnos. Afinai, 1959, стр. 72, табл. 8, стр. 59, 62, 65, 67.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Вып. 109 1967 год

IV. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ И ГРУПП ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Сектор античной археологии в 1964—1965 гг.

Основными проблемами, над которыми работали сотрудники античного сектора, являются: 1) античные государства Причерноморья и их взаимоотношения с варварскими племенами; 2) история рабовладельческих обществ Средиземноморья.

За истекший период вышли из печати следующие монографии.

В. Д. Блаватский — «Пантикапей» (1964 г.). На основании письменных и археологических данных автором намечены основные этапы истории боспорской столицы, выявлены характерные особенности ее культуры, а также дана характеристика культурно-экономических связей Пантикапея с другими породами и хорой Боспорского государства.

М. М. Кобылина — «Милет» (1965 г.). Эта монография является первым в отечественной литературе обобщающим трудом по Милету. На большом и разностороннем материале в ней дается характеристика истории, культуры и искусства города. Особое внимание уделено VII—VI вв. до н. э., когда Милет основал ряд городов на побережье Понта и сыграл главную роль в распространении ионийской культуры в Северном Причерноморье.

Сборник статей «Древности Нижнего Дона» (МИА, № 127, 1951) под редакцией и с авторским участием Д. Б. Шелова. В этом сборнике отражены результаты исследования большого археологического материала, добытого в результате многолетних раскопок Танаиса.

В 1965 г. закончены и сданы в печать следующие работы:

И. Т. Кругликова — «Очерки по экономике Боспора в позднеантичное время».

Н. А. Онайко — «Античный импорт в Приднепровье и Побужье (VII—V вв. до н. э.). Выпуски «Свода археологических источников»: «Гончарные печи Северного Причерноморья» — коллективная работа под редакцией и с авторским участием И. Б. Зеест; Г. А. Кошеленко — «Культура Парфии».

Коллективом сектора (с участием сотрудников других учреждений) подготовлен и сдан в печать сборник «Культура античного мира».

Подготовлены к печати следующие работы:

В. Д. Блаватский — «Античная полевая археология»;

М. М. Кобылина — «Скульптура Северного Причерноморья» (Альбом).

Кроме вышедших в свет, сданных и подготовленных к печати монографических работ, сотрудниками сектора опубликовано и сдано в печать большое количество статей, а также отдельных глав к коллективным работам Института по разрабатываемой ими проблематике.

В течение последних двух лет начаты и продолжались работы над темами:

В. Д. Блаватский — «Религиозные представления дополисного периода», «Памятники греко-римской культуры Северного и Восточного Причерноморья VII—I вв. н. э.», «Природа и человек античного общества».

А. И. Болтунова — «Проблемы истории государств Закавказья античной эпохи» и «Танаис III—I вв. до н. э.».

М. М. Кобылина — «Терракоты Северного Причерноморья» — выпуск «Свода археологических источников».

И. Т. Кругликова — «Сельское хозяйство Боспора».

К. Т. Качурис — «Элевсин в эпоху геометрического стиля».

Г. А. Кошеленко — «Мифраизм (его возникновение и распространение в странах Средиземноморья)».

Н. А. Онайко — «Античный импорт в Приднепровье и Побужье» (IV—II вв. до н. э.) — выпуск «Свода археологических источников».

В. Г. Петерс — «Морское дело в древней Греции».

Н. И. Сокольский — «Деревообработка в античных государствах Северного Причерноморья».

Г. А. Цветаева — «Экономические и культурные связи Римской империи с античными государствами Северного Причерноморья».

Д. Б. Шелов — «История Танаиса».

И. Б. Зеест осуществляла организационно-редакторскую работу (с авторским участием) по подготовке тома МИА «Пантикапей» (выпуск III).

По отдельным вопросам истории и археологии Северного Причерноморья сделаны следующие доклады.

В. Д. Блаватский — «Афинские тиранофилы конца VI — начала V вв. до н. э.»; «Воззрения боспорского анонимного историографа конца IV в. до н. э.»; «О культе римских императоров на Боспоре» (совместно с Г. А. Кошеленко); «Культ Мифры в Северном Причерноморье».

А. И. Болтунова — «Культ Зевса Сотера на Боспоре»; «Пелика керченского стиля с изображением Геракла, освобождающего Тесея».

Г. А. Кошеленко — «Торговая политика аршакидов и греческие города»; «К проблеме возникновения христианской эстетической теории».

К. Т. Качурис — «Новые открытия по древнейшей истории Греции».

Н. А. Онайко — «О центрах производства золотых обкладок ножен ранних скифских мечей»; «Эллинистический дом Раевского городища и его место в архитектуре Боспора».

Н. И. Сокольский — «Корзиноплетение в античных городах Северного Причерноморья».

Д. Б. Шелов — «Атей и Филипп II»; «Рельефная керамика из Танаиса»; «Дополнительные клейма на родосских амфорах»; «О времени основания Танаиса».

С. А. Дадашева — «Памятники античного времени на территории Азербайджана»; «Античные монеты Азербайджана».

О результатах работ различных экспедиций сообщалось в докладах:

В. Д. Блаватский — «Отчет о работе Донузлавской подводной экспедиции в январе 1964 г.»

А. И. Болтунова (совместно с Т. М. Арсеньевой) — «О раскопках Танаиса в 1964 г.»

И. Т. Кругликова — «Новые эпиграфические памятники из Горгиппии».

К. Т. Качурис — «Поселение ахеменидского времени у реки Теджен».

Н. И. Сокольский — «Раскопки у Ахтанизовского лимана», «Батарейка II», «Раскопки у хут. Ильичевки в 1964 г»; Э. Я. Николаева прочла доклад «Работы на раскопе «М» в Кепах (1964 г.)».

На заседаниях сектора выступали и сотрудники других учреждений.

С. А. Беляев (Ленинград) — «Краснолаковая керамика IV—VI вв. н. э.»; Содоклад П. В. Флорецкого — «Петрографический и спектральный анализ краснолаковой керамики IV—VI вв. н. э.».

А. И. Вощинина (Ленинград) — «Информация о международной конференции в Иене».

В. Д. Долгоруков (Москва) — «Позднеантичное поселение Батарейка II».

Т. Х. Иванов (Болгария) — «Последние исследования античной культуры в Болгарии».

С. И. Капошина (Ленинград) — «Находки на тризне и курганы сарматской знати на Нижнем Дону».

Г. А. Лордкипанидзе (Тбилиси) — «Торговля и денежное обращение Колхиды (II—I вв. до н. э.)».

И. Д. Марченко (Москва) — «К вопросу о глазурованной керамике юга СССР».

М. П. Чичикова (Болгария) — «Фракийская керамика I тысячелетия до н. э.».

Ряд заседаний сектора был посвящен обсуждению готовых монографий, диссертаций, докладов для сессий и конференций, а также оргвопросам.

Об участии сотрудников сектора в ежегодных сессиях ОИ и пленумах ИА АН СССР, состоявшихся в Москве [1] и Баку [2], а также в Симпозиуме по археологии и этнографии Юго-Запада СССР (г. Кишинев) [3] сообщается в специальных информациях. В октябре 1965 г. К. Т. Качурис принимал участие в работе научной конференции греческих политэмигрантов (Ташкент), а также сделал сообщение о результатах раскопок на городище Елькен-Тепе на объединенном заседании кафедры археологии САГУ и сектора археологии Института АИЭ Туркменской ССР.

Деятельность сектора в укреплении и развитии международных научных связей выразилась в различных формах сотрудничества.

В 1964 г. сотрудники сектора принимали активное участие в организации и проведении международной конференции археологов социалистических стран (Ленинград), посвященной изучению проблем античности [4].

А. И. Болтунова выступила с докладом «L'ephigraphie en URS» на конференции Института по изучению греко-римских древностей АН ГДР (Берлин, 1965 г.).

На Конгрессе по классической филологии в Будапеште (Венгрия, 1965 г.) приняли участие:

В. Д. Блаватский — «Anschauungen des bosporanischen Anonymus aus dem Ende IV Jahr. y.u.z.».

А. И. Болтунова — «Процесс исторического развития стран Закавказья в античную эпоху».

Д. Б. Шелов — «Римский импорт на Нижнем Дону и в Поволжье в первые века н. э.».

На этой конференции был также прочитан доклад Н. И. Сокольского «Гунны на Боспоре».

В порядке обмена с Римским университетом в 1965 г. состоялась научная командировка в Италию (В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов, И. Т. Кругликова и Б. Г. Петерс).

В 1965 г. Г. А. Кошеленко принял участие в раскопках античного города в северном Афганистане, проводимых французской миссией.

А. И. Болтунова приглашена Институтом греко-римских древностей Германской АН в Берлине для совместной работы по подготовке к изданию Корпуса латинских надписей.

Сотрудниками сектора напечатаны и сданы в печать ряд статей для зарубежных изданий, некоторые сотрудники принимали участие в составле-

---

[1] СА, 1965, № 1, стр. 340.
[2] СА,1965, № 4, стр. 292.
[3] СЭ, 1964, № 1, стр. 152; КСИА, вып. 105, 1965.
[4] ВДИ, 1964, № 3, стр. 223; «Вестник АН СССР», 1964, № 9, стр. 139.

нии библиографии советских работ по античной археологии для «Fasti archeologici» (Италия), а также проектов экспозиции и путеводителей (по разделу «Античные памятники в СССР») для археологических выставок в Голландии и Греции. К. Т. Качурис (совместно с В. И. Сарианиди) издает в Афинах научно-популярную книгу «Греки на Востоке».

В. Д. Блаватский, а также Д. Б. Шелов являются членами различных международных организаций, занимающихся вопросами изучения античной археологии.

В 1964—1965 гг. продолжали работать следующие экспедиции: Донузлавская подводная (В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс, Г. А. Кошеленко); Нижне-Донская (Д. Б. Шелов, А. И. Болтунова); Таманская (Н. И. Сокольский); Фанагорийская (М. М. Кобылина); Керченская и Гермонасская (И. Б. Зеест); Анапская и Восточно-Крымская (И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева); Михайловская экспедиция (Б. Г. Петерс); Новороссийский отряд (Н. А. Онайко); отряды ЮТАКЭ (Г. А. Кошеленко, К. Т. Качурис).

Работа сектора по популяризации достижений советской археологической науки выразилась в публикации и подготовки научно-популярных работ и статей, а также в организации лекций и выступлений по радио и телевидению.

Отметим наиболее крупные работы.

Сданы в печать:

Г. А. Кошеленко (совместно с В. И. Сарианиди) — «За барханами — прошлое».

Д. Б. Шелов — «Танаис — потерянный и найденный город».

И. Т. Кругликова принимала участие в написании научно-популярной книги «История земледелия».

Г. А. Цветаева готовит работу «Античные курганы Северного Причерноморья».

Н. А. Онайко

Группа античной археологии ЛОИА в 1964 и 1965 гг.

В 1964 и 1965 гг. группа продолжала работать над вопросами, связанными с историей культуры античных государств Северного Причерноморья, а также раннесредневековых поселений Таврики.

В 1965 г. закончена подготовка к изданию сборника «Надписи Ольвии» (15 п. л.). В сборник включены надписи, найденные после 1916 г. и не вошедшие в издание В. В. Латышева. Над составлением сборника работали Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, И. Б. Брашинский и Е. Г. Кастанаян. Для сборника «Надписи Ольвии» Т. Н. Книпович написала «Краткий очерк истории греческого лапидарного письма в Ольвии», Е. И. Леви — вводную статью «Новые надписи Ольвии».

А. Н. Карасев исследовал архитектурные памятники ольвийской агоры, раскрытые в результате раскопок последних лет. Объектом изучения было монументальное здание с портиком.

Г. М. Падва подготовила к публикации комплекс сосудов римского времени, найденный в Ольвии при раскопках ям-зернохранилищ II—III вв. н. э.

Тематике, связанной с Боспорским государством, были посвящены исследования В. Ф. Гайдукевича, продолжавшего работать над монографией «Культура городов Боспора». В. Ф. Гайдукевичем был разработан вопрос о культурном центре Мирмекия, представленном двумя зольниками. Проблемам аграрной истории Боспора посвящена его статья «Некоторые вопросы экономической истории Боспора». Доклад на тему «О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э.» был прочитан В. Ф. Гайдукевичем на Конференции по изучению проблем античности (13.IV 1964 г.).

В. Ф. Гайдукевич написал очередную главу («Царский курган») для монографии «Памятники монументальной архитектуры Боспора», посвященной исследованию боспорских подкурганных склепов с уступчатым покрытием. В связи с работой над изучением Царского кургана Боспорской экспедицией проведены раскопки в дромосе и склепе, что позволило выяснить ряд важных конструктивных элементов архитектуры.

Кроме того, В. Ф. Гайдукевич закончил переработку последних глав своей книги «Боспорское царство», которая готовится к изданию в Akademie — Verlag (ГДР, Берлин). В новом варианте книга отражает современное состояние научной разработки исследовательской работы боспорской историко-археологической проблематики.

М. И. Максимова работала над темой «Ахтанизовский клад».

Е. Г. Кастанаян завершила сводную работу по лепной керамике боспорских городов, добытой в результате систематических раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата на протяжении последних тридцати лет. В работе показана картина развития основных типов боспорской лепной посуды с VI в. до н. э. по IV в. н. э., выяснена их дата. Ею же подготовлен к изданию Каталог металлических изделий Боспорской экспедиции 1934—1964 гг.

В. И. Пругло написала работу «Керамические клейма из раскопок Мирмекия в 1959—1963 гг.». Работа основана на материалах, добытых при раскопках эллинистического зольного алтаря, мощные напластования которого хорошо датируются (в частности, многочисленными монетами) концом IV — первой половиной III в. до н. э. В. И. Пругло также написаны статьи: «Литейная форма из Мирмекия», «Об одной группе позднеэллинистических боспорских терракот» и «Геракл в коропластике Боспора».

С. И. Капошина подготовила монографию «Памятники сарматской культуры на Нижнем Дону». В основу этой работы положено изучение материалов из сарматских курганов, раскопанных под руководством автора в районе г. Новочеркасска.

И. Б. Брашинский продолжал работать над монографией «Экономические связи античных городов Причерноморья». Закончен раздел, освещающий связи городов Южного Причерноморья, и раздел, посвященный связям городов Восточного Причерноморья с другими античными центрами на всем протяжении античной эпохи.

А. Л. Якобсон работал над монографией, посвященной раннесредневековым сельским поселениям Юго-Западного Крыма. Работа основана на материалах раскопок сельских поселений, которые ведутся под руководством автора с 1956 г. Написаны главы III и IV. Исследование А. Л. Якобсона впервые освещает экономическую и социальную основу средневековых поселений Таврики. Оно показывает общность культуры юго-западной и восточной Таврики в VIII—IX вв. и вместе с тем резкое различие с городской культурой, о которой дают представление памятники Херсона (Херсонеса).

Аспирант И. Г. Шургая закончил диссертационную работу «Из истории культуры Александрии Египетской III—I вв. до н. э.».

На заседаниях была заслушана серия докладов, прочитанных сотрудниками других научных учреждений как советских, так и зарубежных: Ж. Хачатрян (Ереван) — «Новые археологические исследования памятников античной культуры в Армении»; А. Г. Загинайло (Одесса) — «О раскопках у с. Орловки Белградского района Одесской области»; «Находка клада ранних истрийских монет в с. Висунцы Херсонской области»; Г. Д. Белов (Эрмитаж) — «О раскопках в Херсонесе в 1963 г.»; Н. В. Шебалин (ЛГУ) — «Новые граффити из Ольвии»; Э. И. Соломоник (Симферополь) — «Ольвийская проксения, найденная в Херсонесе» (к IPE, 1^2, 21); Т. Иванов (София) — «О раскопках античных памятников в Болгарии»; О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) — «К истории раннеантичной Колхиды и ее взаимоотношений с греческим миром»; Д. Б. Шелов (Москва) —

«Плита с сарматским знаком из Танаиса»; А. Н. Щеглов (Херсонесский музей) — «Охранные раскопки Херсонесского некрополя»; Г. А. Тирацян (Ереван) — «Расписная керамика древней Армении (IV в. до н. э.— III в. н. э.)»; Л. Б. Мацкевой (Керчь) — «Территория Европейского Боспора»; А. В. Гадло (ЛГУ) — «Раскопки средневекового поселения близ дер. Героевки на Керченском полуострове»; Л. Е. Ковалевская — «Фрагмент крышки саркофага из загородной усадьбы близ Мирмекия»; О. Д. Ганина (Киев) — «Бронзовые сосуды, найденные близ села Песчаное Черкасской области»; С. Ф. Стржелецкий (Херсонесский музей) — «Археологические исследования в Херсонесе в 1965 г.»; П. Н. Шульц (Симферополь) — «Погребение сармато-аланского воина в Неаполе Скифском»; М. Чичикова (София) — «Керамика Фракии».

Кроме того, в Группе античной археологии состоялись дружеские встречи с иностранными гостями — с группой итальянских научных работников во главе с проф. Бианки Бандинели и с директором Французского археологического института в Афинах (Ecole francaise d'Athenes) Ж. До. Встречи сопровождались взаимным обменом научной информации. Сотрудник Археологического института Болгарской Академии наук М. Чичикова в течение двух месяцев работала в тесном общении с сотрудниками группы над материалом, добытым их экспедициями.

Сотрудники группы продолжали систематические полевые исследования античных и раннесредневековых памятников на причерноморском Юге СССР. В 1965 г. состоялись следующие экспедиции: Боспорская экспедиция (нач. экспедиции В. Ф. Гайдукевич, нач. отряда Е. Г. Кастанаян) продолжала раскопки Мирмекия и вела разведочные работы на Керченском полуострове. Экспедиция провела также исследование Царского кургана и возобновила раскопки кургана Кара-Оба, начатые в 1859—1861 гг. А. Е. Люценко.

Ольвийская экспедиция (нач. Е. И. Леви) продолжала на агоре раскрытие двух зданий общественного назначения.

Чайкинская экспедиция (нач. А. Н. Карасев) продолжала раскопки поселения античного времени в окрестностях Евпатории.

Новочеркасская экспедиция (нач. И. Б. Брашинский) исследовала курганный могильник, расположенный вдоль шоссе Ростов — Новочеркасск, в 3-х км западнее Новочеркасска. Раскопан курган Шибельный.

Средневековый отряд Крымской экспедиции (нач. А. Л. Якобсон) в 1964 г. продолжал раскопки сельского поселения близ с. Гончарного (бывш. Варнутка, Варнутская долина Севастопольского района). Завершены раскопки трехнефной базилики. В 1965 г. отряд начал раскопки укрепленного сельского поселения близ с. Передовое (бывш. Уркуста) в Байдарской долине. Раскопано два дома. Раскопки выяснили характер укреплений этого поселения, замыкавшего важную дорогу, соединявшую Байдарскую долину через перевал с долиной р. Бельбек.

В 1965 г. работал Восточно-Причерноморский отряд (нач. И. Б. Брашинский), имевший своей задачей изучение истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. Обследован район Геленджикской бухты и Адлера, в междуречье Кудепсты, Мзымты и Псоу.

Наиболее крупными опубликованными работами являются коллективные труды «Ольвия. Теменос и агора», «Корпус боспорских надписей» и книга А. Л. Якобсона «Раннесредневековый Крым». Опубликован также ряд статей сотрудников группы в различных изданиях. Сдана в печать научно-популярная работа И. Б. Брашинского «Сокровища скифских царей. Поиски и находки».

С целью популяризации достижений советской археологии был прочитан ряд лекций, состоялись выступления по радио и телевидению.

Е. Г. Кастанаян

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні пам'ятки
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИКК — Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. Пг., 1917
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГУ и ОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного университета и Одесского государственного археологического музея
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
AJA — American Journal of Archaeology
AM — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts Athenischen Abteilung
CAH — The Cambridge Ancient History
ATSN — Atto toscano scienza naturali
IPE—IOSPE — Inscriptiones antique Septentrionalis Ponti Euxini

СОДЕРЖАНИЕ

I. Итоги и задачи

И. Т. Кругликова. Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования 3
И. Б. Зеест. Задачи исследования массового античного керамического материала 9

II. Доклады и дискуссии

В. Ф. Гайдукевич. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике 15
И. Б. Брашинский. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом 22
Т. Н. Книпович. Неизданные надписи из раскопок Ольвии 27
Е. И. Леви. Новая ольвийская проксения 31
А. И. Болтунова. Античная надпись из раскопок Корчева 36
И. Г. Шургая. К вопросу об отражении александрийского импорта в керамическом производстве Ольвии 38
В. И. Пругло. Синопские амфорные клейма из Мирмекия 42
И. Б. Брашинский. Еще раз об афинском декрете 323/2 г. до н. э. 49
Н. А. Онайко. «Варварские» подражания римским денариям из раскопок Раевского городища 52

III. Полевые и лабораторные исследования

А. И. Мелюкова. Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Одесской области 54
О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. 65
В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс. Подводные археологические работы в районе Евпатории 73
И Д. Марченко. Раскопки здания II в. до н. э. в Пантикапее в 1963—1965 гг. 79
Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1964—1965 гг. 88
Э. Я. Николаева. Раскопки городища Кепы в 1964 г. 94
Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг. 101
Н. И. Сокольский. Крепость на поселении Батарейка II 108
В. С. Долгоруков. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II . . 116
М. М. Кобылина. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. . . 124
А. К. Коровина. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. 130
Г. А. Цветаева. Раскопки некрополя Горгиппии в 1964 г. 136
Т. М. Смирнова. Поселение римского времени близ Керчи 140
В. Ф. Петрунь. К методике изучения петрографии строительного камня античных городов Северного Причерноморья 144

IV. Хроника

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР 152
Сектор античной археологии в 1964—1965 гг. (*Н. А. Онайко*) 152
Группа античной археологии ЛОИА в 1964 и 1965 гг. (*Е. Г. Кастанаян*) . . . 155
Список сокращений 158

Античные памятники на территории СССР

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии, вып. 109

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Технический редактор *В. В. Волкова*

Сдано в набор 10/XII 1966 г.
Подписано к печати 12/IV 1967 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆
Бумага для глубокой печати
Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 13,4
Тираж 4200. Тип. зак. 1764. Т-05142

Цена 84 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
78	10 св.	IV — III вв. до н.э.	IV — начала III в. до н. э.
95	подрис. подпись	*а* — фундаменты *б* — средневековая	*б* — фундаменты *а* — средневековая
127	25 сн.	рис. 48, *1*	рис. 48, *2*
127	24 сн.	рис. 48, *2*	рис. 48, *6*
129	12 сн.	рис. 49, *1*	рис. 48, *1*

Античные памятники на территории СССР. КСИА, № 109.